

Эльфийская кровь

Владимир Ленский
Проклятие сумерек

2007

Ленский В.

Проклятие сумерек / В. Ленский — 2007 — (Эльфийская кровь)

Трое из народа эльфов стояли на самой границе туманного приграничья и смотрели с холма вниз, на синюю реку и зеленые холмы, на деревья с ярко-красными стволами. С того места, где находились трое, эльфийский мир выглядел ярким, как детский рисунок, – незамутненным никакой скверной, недоступным ни для какого зла. И так должно было оставаться навечно. Но страшные серые кровожадные твари, наводнившие сопредельное Королевство, где правят потомки короля-человека и эльфийской принцессы, пришли теперь и в их мир. Чудовищ много... и никто не знает, откуда они берутся.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	19
Глава третья	25
Глава четвертая	29
Глава пятая	38
Глава шестая	44
Глава седьмая	48
Глава восьмая	59
Глава девятая	63
Глава десятая	69
Глава одиннадцатая	74
Глава двенадцатая	82
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Владимир Ленский

Проклятие сумерек

Глава первая

ГАЙФЬЕ И ЭСКИВА

Уида ворвалась в детские комнаты, как всегда, неожиданно. Появление матери застало врасплох решительно всех: и прислугу, и юных придворных дам, и, разумеется, самих детей. Единственным человеком, который не растерялся, была нянька – Горэм. Госпожа Горэм, как ее теперь называли.

Она вынянчила обоих королевских детей – и мальчика, Гайфье, и девочку, Эскиву. Регент Талиессин ни разу не пожалел о решении нанять ее для сына – как впоследствии не жалел он и о том, что оставил Горэм при дочери.

Некогда Талиессин нанимал ее вместе с мужем, который делал почти всю работу по дому и, кроме того, служил охранником. Но когда Гайфье было шесть лет, а Эскиве – пять, супруг Горэм неожиданно слег от какой-то хвори. Преданная нянька выставила мужа из дома, едва только появились первые признаки болезни, и ни разу не навестила его в доме, где он умирал. Весть о его смерти она приняла безмолвно, облачилась в черное и с тех пор никогда не снимала траура.

Ничто, казалось, не могло вывести ее из равновесия. Что бы ни случилось, госпожа Горэм неизменно оказывалась готова. Ее внешний вид был безупречен. Голову венчал остроконечный чепец, а пелерины и воротники всегда были накрахмалены так туго, что, обнимая, она могла больно уколоть.

Эскива рано поняла, что нянька совершенно ее не любит, зато брата – боготворит. Гайфье она носит на руках, шепчется с ним, если он ушиб коленку и плачет, сует ему сладкое. Может даже отобрать у Эскивы какую-нибудь желанную игрушку и вручить ему.

И при том никто из окружающих даже не догадывался об истинном отношении Горэм к девочке. Безукоризненная нянька, ухоженные дети. И пожаловаться некому. Отец-регент и эльфийка-мать недосыгаемы, придворные вежливы, но и только; что до слуг, то им решительно запрещали вступать в беседы с Эскивой. Во дворце ее сторонились, держались с ней почти-тельно и отчужденно: ведь она считалась королевой и должна была по достижении совершеннолетия занять трон.

Эскива не помнила, когда и каким образом ей стало об этом известно. Наверное, о ее королевском титуле говорили еще возле колыбели новорожденной. И потом эти разговоры не прекращались, так что девочка росла под них, как другие дети растут под пение воды у мельничного колеса, под стук материнской прялки или мычание коровы в хлеву.

Худенькая, верткая, похожая на ящерку, с золотистой кожей и блестящими зелеными глазами, эта девочка никогда не была принцессой. Сразу – королевой, с того первого мгновения, как мать увидела ее в руках повитухи и засмеялась.

Эскиве полагалось иметь собственный двор, так что у нее имелись придворные дамы – девочки на несколько лет старше маленькой королевы. Считалось, что они развлекают ее и угождают ей; но на самом деле ни одна так и не стала ей близка.

В отличие от сестры Гайфье никогда не упоминался в связи с королевским тронном. Он не считался наследником и даже не носил титула. К нему обращались просто по имени.

Гайфье ходил на отца куда больше, чем Эскива. И кожа у него гораздо светлее, чем у сестры. Общим у детей были только разрез глаз да еще диковатые манеры.

Мать... Всегда свежая, оживленная, с пылающим взором и сладкими губами, Уида стремительно влетала в залы, и сразу же цветы принимались благоухать, а огоньки свечей и лампад делались особенно яркими, очевидно претендуя на родство с фейерверками.

Горэм церемонно присела в поклоне и оставалась в таком положении до тех пор, пока Уида не вспомнила о ней и не кивнула, чтобы поднималась.

– Ну, как дети? – рассеянно спросила Уида, оглядываясь по сторонам.

На супруге регента было шумное шелковое платье с широким золотым поясом под самой грудью; оно оставляло открытыми смуглые, почти черные руки и имело очень низкий вырез.

– Ее величество читала, затем занималась рисованием, – доложила Горэм, чуть поджимая губы после каждого слова. – Гайфье играл с собаками и брал урок фехтования.

– А, – сказала Уида и снова огляделась, словно искала кого-то.

Не детей: оба находились тут же, приведенные на погляд. Горэм знала, кого высматривает Уида. Своего мужа, регента Талиессина. Они женаты больше тринадцати лет и до сих пор ведут себя как влюбленные юнцы.

Словно желая подтвердить правильность нянькиной догадки, Уида с деланным безразличием спросила:

– А что регент – не здесь?

– Нет, госпожа, – ответила Горэм и снова присела в поклоне.

Уида глянула на нее с мимолетным раздражением. В который раз уже подумала: «Не нравится мне эта приторная особа». И опять эта мысль улетучилась прежде, чем обрела более определенные формы.

Уида прошлась по комнатам. Глянула на рисунок Эскивы: странно стилизованная лошадь, убегающая от не менее странной всадницы верхом на огромной собаке. Погоня неслась по цветущему лугу, и цветы, каждый размером с голову всадницы, были выписаны с пугающей реалистичностью.

Девочка следила за матерью и пыталась угадать, о чем та думает.

Неожиданно Уида сказала:

– Я бы хотела повесить твой рисунок в спальне, Эскива. Ты позволишь?

От неожиданности Эскива покраснела и сделала книксен.

– Я прикажу, чтобы изготовили рамку, госпожа, – вмешалась Горэм и сладенько глянула на маленькую королеву.

Эскива почти не сомневалась в том, что Горэм теперь попытается испортить рисунок. Просто для того, чтобы досадить Эскиве и вмешаться в ее отношения с матерью.

Но Уида беспечно махнула рукой:

– Не надо рамки – я хочу забрать его сейчас...

Она протянула руку к рисунку. Рука ее помедлила в воздухе и вдруг, метнувшись к стене, сорвала висевшую там шпагу.

С клинком в руке Уида повернулась к Гайфье.

– Защищайся!

Мальчик отпрыгнул назад, огляделся. Вторая шпага находилась в десятке шагов от того места, где он находился, – в стойке для оружия.

Мать наступала на него, посмеиваясь.

Гайфье подскочил к стойке и, выдернув оттуда первый попавшийся клинок, набросился на мать.

Она легко отбила удар. Случайно Гайфье схватил шпагу себе не по руке. Он был сильным мальчиком. Очень сильным для своих четырнадцати лет, но все же это оружие оказалось для него слишком тяжелым.

Уида не давала ему пощады. Клинок сиял в ее руке; эльфийка двигалась так красиво, что от нее невозможно было оторвать взгляд.

Гайфье прикусил губу, насупился. Он вкладывал в каждый удар всю силу, какую только мог собрать. Рядом с матерью подросток выглядел коротеньким и неуклюжим: Уида была очень высока ростом, выше многих мужчин, а Гайфье, помимо прочего, был еще и склонен к полноте, и сейчас это особенно бросалось в глаза.

– Я прикажу выгнать твоего учителя фехтования, – смеясь, произнесла Уида. – Он ничему тебя не учит.

– Неправда, – сквозь зубы проговорил мальчик, – неправда! Берегитесь, матушка!

Он решил, несмотря на неудачную шпагу, попробовать на матери прием, который разучивал уже неделю. Обманное движение влево, а затем стремительная атака снизу вверх.

Смуглое смеющееся лицо Уиды мелькало перед его глазами, отвлекало. Ее раскосые глаза метали зеленые искры; казалось, отсвет этих искр бежит по стенам комнаты.

«Сейчас!..» – подумал мальчик.

И в этот миг вошел отец.

На Талиессине был костюм для верховой езды; от него пахло псарней, в волосах регента застряла солома.

– Вот вы где, – обратился он к супруге. Мимоходом поцеловал Эскиву в макушку, кивнул няньке, потрепал за щечку фрейлину и повернулся к жене и сыну.

И в тот же миг Гайфье перестал существовать для Уиды. Она бросила шпагу на пол, отвернулась от покрасневшего Гайфье и широким шагом направилась к мужу.

– Да, я ждала вас, – сказала она.

– Чем вы тут занимались? – Он весело прищурился.

– Пыталась убить вашего сына, – ответила Уида. – Думаю, следует уволить его учителя фехтования. Никакого результата.

Талиессин быстро оглянулся на Гайфье. Взгляд регента стал рассеянным.

– А, – молвил он. – Ну, хорошо.

И вышел, а след за ним ушла и Уида, забыв на столе рисунок дочери.

Эскива никак не показала, что ее задела забывчивость матери. Девочка аккуратно убрала листок в папку для рисунков и завязала тесемки.

Гайфье, напротив, дал волю гневу. С силой пнул тонконогий столик, так что перламутровая инкрустация столешницы треснула.

– Она всегда так поступает! – выговорил он наконец. Голос его подрагивал.

И тут нянька Горэм произнесла очень странную вещь:

– Ну разумеется. Почему бы ей не обращаться с вами пренебрежительно? Ведь вы ей вовсе не сын.

Гайфье побледнел, чувствуя, как подкашиваются у него ноги. После поединка с Уидой ему все еще было жарко, и сейчас пот застыл у него на коже. Кончики пальцев онемели, как случилось и прежде, если Гайфье сильно сердился или пугался чего-нибудь.

– Как это – «не сын»? – переспросил он наконец.

– Она – жена вашего отца, да вам не мать, – повторила Горэм.

Ее накрахмаленные одежды смялись, скомкались, гладкое лицо побежало морщинами, и это были злые морщины, которые уродовали и старили. Сухой рот выталкивал наружу слова, одно страшней другого.

– Столько лет они держали это в секрете от вас, – говорила Горэм, и красные пятна путешествовали по ее лицу и шее. – Но когда-то вы должны были узнать! Почему же не сегодня? Вам будет легче, если узнаете. Хоть перестанете ловить ее взгляд, ждать, пока она изволит обратить на вас внимание...

Сберечь тайну было несложно: дети регента росли в королевском дворце, отгороженном от столицы и всего остального мира высокой стеной. Здесь имелся роскошный сад, были конюшни и псарни, место для игр и учебы. Дети общались преимущественно со служащими

«малого двора». Здесь почти никто не помнил историю рождения Гайфье – а те, кто знал ее, благоразумно помалкивали. Но Горэм было уже не остановить:

– Уж ваша-то мать, хвала небесам, не была Эльсион Лакар! Чистокровным человеком – вот кем она была, моя милушка. Человеком без малейшей примеси эльфийской крови! А почему же иначе, как вы думаете, вам отказано в престолонаследии? Да уж точно не потому, что вы дурны собой или глупы, мой мальчик, – ведь это вовсе не так! Если бы эльфийская кровь в жилах Талиессина не была так сильно разбавлена человеческой, он женился бы на вашей матери, уж поверьте! Он так ее любил...

И Горэм всхлипнула.

Мальчик и девочка ошеломленно смотрели на свою няньку. Такой они не видели ее никогда.

– Эйле – вот как ее звали, вашу мать, мою голубушку, – говорила взхлеб госпожа Горэм. – Уж она бы не так с вами обращалась, мой господин! Она бы любила вас, нежила. Она была добрая, моя Эйле, не то что Уида, эта черномазая лошадица.

Стало тихо. Горэм вытерла непрошеные слезы и направилась к выходу. Она ступала очень гордо, высоко подняв голову. Дети смотрели ей в спину. И когда нянька уже стояла на самом пороге, Эскива тихо спросила:

– А я?

Горэм замерла, повернулась. Перемена, произошедшая со старой женщиной, поразила девочку. Теперь Горэм глядела холодно, почти с ненавистью. Никогда прежде нянька не позволяла своей потаенной неприязни являть себя так открыто.

– Вы? – переспросила Горэм совсем другим тоном. – Вы? Вы, ваше величество, – дочь чистокровной Эльсион Лакар. Ваш отец потому и женился на вашей матери, что она была беременна вами, а ему непременно требовался эльфийский наследник. Гайфье был зачат по любви, но вы – лишь по необходимости. Гайфье – не брат вам. У вас не только разные матери – вы принадлежите к разным расам. И судьба у вас будет разной, помяните мое слово.

В первое мгновение Эскива не ощущала ничего, кроме острой, всепоглощающей боли. Ее брат – ей вовсе не брат; ее отец не любил мать, когда брал ее в жены...

И еще эта жгучая злоба няньки, которую прежде от нее таили. Но теперь Горэм больше не считала нужным церемониться. Высказала ей в лицо все как есть. Эдак скоро и другие перестанут делать вид, будто почитают в Эскиве свою владычицу...

Ну уж нет!

И, тряхнув светлыми волосами, маленькая королева громко произнесла:

– Госпожа Горэм, за вашу наглость вы уволены.

Горэм помедлила еще мгновение, усмехнулась и вышла за дверь.

* * *

Распоряжения ее величества утверждались регентом, равно как и приказы регента должны были иметь подпись королевы. Такой порядок был заведен с тех самых пор, как Эскиве исполнилось пять лет, и девочка аккуратно являлась в кабинет и ставила свое имя на документах.

Обычно с нею находился при этом специальный секретарь. Звали его Тмесис; это был чопорный человек, весь в подвижных морщинках, с крохотным острым горбиком между лопатками. От него всегда чуть пахивало кисленьким. Тмесис держался с Эскивой так, словно и она была таким же секретарем с жеваным личиком и тусклыми глазами.

Как ни странно, он был единственным из придворных, с кем Эскива чувствовала себя хорошо. Он общался с нею как с равной. Не пялился на ее темную кожу и странный разрез глаз, не низкопоклонничал, не боялся. Просто выкладывал листок за листком и тихим, ровным голосом называл тему очередного распоряжения. Эскива, сильно склоняя голову набок и старательно нажимая на перо, ставила подпись. Секретарь неизменно благодарил, посыпал чернила песком и откладывал утвержденный приказ в сторону.

Когда в кабинете вместо Тмесиса Эскиву встретил Талиессин, девочка немного растерялась. Она замешкалась в дверях и чуть покраснела, а затем сделала книксен и подошла к отцу.

Талиессин улыбнулся.

– Здравствуй, Эскива. Нечасто мы с тобой видимся вот так, наедине.

Она не отвечала и продолжала стоять.

– В чем дело? – нахмурился Талиессин.

– Вы заняли мое место, отец, – объяснила маленькая королева.

Без единого слова протеста он пересел на стульчик секретаря с высоко поднятым сиденьем. Некогда Талиессин принял решение отказаться от короны и стать регентом при новорожденной эльфийской королеве. Теперь королева подросла и требует к себе почтения. Что ж, она в своем праве, не так ли?

Его поразило, как ловко и быстро Эскива разобралась с документами. «Надо будет повысить Тмесису жалованье, – подумал Талиессин. – Оказывается, он просто бесценный человек!»

Закончив с делами, Эскива выложила перед Талиессином еще один листок.

– Что это? – удивился Талиессин.

– Мое личное распоряжение, – пояснила Эскива. – Полагаю, оно должно иметь две подписи, как и все прочие.

Талиессин пробежал глазами листок, исписанный крупным детским почерком. Поднял глаза на дочь.

– Ты решила выгнать Горэм? – переспросил он. – Но почему?

– Она вела себя недопустимо нагло, – ответила Эскива таким тоном, что отец понял: нет смысла расспрашивать, сейчас королева все равно не сообщит ему больше того, что уже сказала.

– Нельзя же уволить человека без всякого содержания, – продолжал настаивать Талиессин. Эскива изрядно озадачила его, и он все же пытался выведать хоть что-то.

– Госпожа Горэм – из того сорта людей, что остаются недовольными в любом случае, – спокойно отозвалась Эскива. – У меня хватило времени изучить ее характер. Даже если бы мы назначили ей богатейшее содержание, она бы говорила, будто мы пытаемся ее купить. Пусть уж лучше у нее будет настоящий повод для недовольства! К тому же, – самым равнодушным тоном добавила Эскива, – полагаю, она достаточно наворовала за минувшие годы.

– В какой-то миг дети всегда оказываются незнакомцами для родителей, – задумчиво проговорил Талиессин. – Когда-то я удивил и огорчил мою мать. И вот настал мой черед огорчаться...

– Как вам угодно, отец, – сказала Эскива, – но я буду настаивать на моем решении.

– Хорошо. – Талиессин взял листок и поставил свою подпись. Поднял глаза. – Вы довольны, ваше величество?

Дочь улыбалась.

– Да, – уронила она. Аккуратно сложила бумаги стопкой, придавила сверху медным пресс-папье в виде лягушки с глазами-изумрудами. Встала. – Позвольте теперь уйти.

Талиессин провел рукой по лицу, ощущая под ладонью старые шрамы. Они так до конца и не зажили и время от времени принимались болеть. Когда он отнял ладонь от глаз, то увидел, что Эскива уже удалилась. Дверь осталась открытой.

* * *

– Это вам, мой господин.

– Мне?

Гайфье остановился, ощутив в ладони маленький, сложенный вчетверо листок. Перед ним очень мило смущалась девушка лет семнадцати – одна из придворных дам Эскивы. Гайфье с удивлением понял, что она ведет себя так, словно он ей нравится. Сам он считал себя чересчур толстым, чтобы нравиться женщинам, и потому счел опущенные ресницы и очаровательную улыбку следствием привычки: эта девица, небось, имеет обыкновение строить глазки мужчинам, независимо от степени их привлекательности.

Девушка поклонилась и убежала. Гайфье осторожно развернул записку. В первое мгновение он даже не понял, от кого она, настолько был уверен в том, что ее написала та самая девушка. Но подпись не оставляла сомнений. Да и буквы, выведенные нетвердой рукой человека, не привыкшего писать, говорили сами за себя.

«Мой дорогой мальчик, встретимся в таверне “Кошка и лев” за четвертой стеной. Надо рассказать нечто важное. Преданная Вам Горэм».

Горэм!

Гайфье закусил губу. А он-то уж вообразил, будто эта хорошенькая фрейлина решила назначить ему свидание... Осел! Стыд был таким жгучим, что у мальчика едва слезы не брызнули из глаз, и он поскорее обернулся, чтобы убедиться в том, что никто его сейчас не видит.

Он скомкал записку в кулаке. Сначала ему сообщают, что прекрасная эльфийская дама, которую он привык считать своей матерью, ему вовсе не мать и что они с сестрой принадлежат к разным расам. Затем подсылают прелестную фрейлину – и все лишь для того, чтобы пригласить на встречу с пожилой нянькой. Достаточно, чтобы счесть себя полным дураком и самым несчастным человеком на земле.

Гайфье не рассказал о записке никому, хотя Горэм вроде бы и не просила хранить все в секрете. После обеда он выскользнул из своих покоев, пробрался через сад и вышел из дворцового комплекса в город.

Разумеется, ему и прежде не раз доводилось бывать на улицах столицы – сын регента вовсе не был тепличным растением. Но раньше Гайфье всегда отправлялся на прогулки с сопровождающими. Как выяснилось, это совершенно не то же самое, что бродить одному. Когда ты один, весь город к твоим услугам. Всегда можно завернуть за угол, чтобы посмотреть, что там делается, заглянуть в открытое окно или ответить на чужой взгляд.

Странное чувство новизны мира охватило Гайфье. Казалось, и дома с причудливыми украшениями на фасадах, и небо над площадями, и флагеры, цепляющиеся за облака в тщетных попытках удрать с крыш, и кудрявые цветочные гробики на окнах – все лишь вчера новехоньким вышло из мастерской великого творца, дабы предстать перед взором Гайфье во всем блеске свежей краски.

Он, наверное, так и бродил бы целый день без всякой цели, забывшись, если бы вдруг не бросилась ему в глаза вывеска, изображавшая кошку в платице и льва с двусмысленной ухмылкой на клыкастой морде. «Кошка и лев», вспомнилось ему название, указанное в записке.

Теперь, когда Гайфье готов был к встрече с чем угодно, он даже думать забыл о разочаровании, которое испытал, ознакомившись с содержанием нянькиного письма. Горэм превратилась в одно из множества чудес, что без усталости преподносил мальчику город.

В таверне было темно и прохладно; наполовину закрытые ставни не пускали внутрь обжигающее послеполуденное солнце. Хотелось снять обувь, чтобы ощутить под ногами прохладный земляной пол. Гайфье с трудом удержался, чтобы не сделать этого.

Придя с яркого света, мальчик не сразу разглядел Горэм, сидящую в самом дальнем углу. Пожилая женщина почти сливалась с тенями, блуждавшими по стене. Когда Гайфье устроился рядом, она вздрогнула.

– Вы все-таки здесь, мой мальчик, – прошептала она. – Я уж начала думать, что вы не придете.

– Почему бы мне не прийти? – удивился Гайфье. – Я просто... э... долго шел.

– Вы заблудились? – обеспокоилась Горэм.

Неожиданно Гайфье ощутил раздражение. Почему она тревожится о том, что он мог заблудиться? Ему четырнадцать лет! Дети Талиессина повзрослели рано, и Гайфье вполне мог сойти за семнадцатилетнего. Он был довольно высок ростом, широк в плечах. Да и оружием владеет недурно, что бы там ни утверждала мать... то есть мачеха.

Хмурая тень пробежала по лицу мальчика. Он привык считать Уиду матерью. Ему трудно будет называть ее мачехой. Да и нужно ли?

Он ответил Горэм резковато:

– Теперь, когда ваша служба у нас закончена, вам нет нужды беспокоиться о нашем поведении, госпожа Горэм.

Она сердито покраснела, поджала губы и некоторое время безмолвствовала, а потом сказала сухо:

– Вы никогда не будете мне безразличны, мой господин. Много детей я вырастила, но никого из них не любила так сильно, как вас. Ради вас я пожертвовала всем, что у меня было. Мой муж... – Она прерывисто вздохнула.

– Жаль, что я не мог запретить вам поступать с ним так бессердечно! – перебил Гайфье. Ее взгляд набух слезами.

– А теперь меня вышвырнули вон, как ненужную тряпку, и заплатили только жалованье до конца месяца. После стольких лет!

– Я не хочу ни обсуждать, ни тем более осуждать решения ее величества, – сказал Гайфье тоном, не допускающим возражения.

В обожающем взгляде няньки появилась собачья преданность.

– Как вам будет угодно, мой господин...

– Вы пригласили меня для того, чтобы кое-что рассказать, – напомнил Гайфье. – Кое-что важное. – Он помолчал, собираясь с силами, и наконец решился спросить: – Это касается моей матери? Моей настоящей матери?

Горэм медленно покачала головой.

– Нет, мой маленький господин. Ваша настоящая мать была простой девушкой, и она умерла вскоре после вашего рождения, вот и все. Хорошей, доброй девушкой. Ничего важного с нею связано быть не может. Другое дело – Уида. Ваш отец привел ее ко мне в дом, туда, где я растила вас. Сироту, без матери, брошенного отцом. Регент Талиессин представил Уиду как свою супругу. Виданное ли дело, чтобы сын правящей королевы вступал в «простонародный» брак! А вы не знали? – Горэм торжествующе ухмыльнулась, заметив растерянное выражение на лице своего юного собеседника.

Гайфье медленно покачал головой.

– Нет, впервые об этом слышу.

– «Простонародный» брак – это просто договор между мужчиной и женщиной. Он заключается в присутствии свидетелей. Составляется особенный документ... Впрочем, иногда обходится и без документа. Такой брак может быть расторгнут, а имущество при разводе поделено. Но аристократия никогда не прибегает к такому. «Аристократический» брак – это на

всю жизнь. Он не подлежит расторжению и заключается в присутствии правящей королевы. Ее благословение и представляет собой главное в церемонии. Говорят... – Горэм понизила голос: – Говорят, это благословение имеет особенную силу.

– Наверное, когда мой отец брал в жены Уиду, его мать, правящая королева, была уже мертва, – предположил Гайфье.

Горэм явно осталась недовольной его догадкой.

– Во всяком случае, Уида не понравилась мне с первого взгляда. Я еще подумала, что Талиессин разведется с нею, едва только получит от нее желаемое.

– То есть – ребенка? – уточнил Гайфье.

Нянька кивнула, сощуривая глаза. Она что-то рассматривала в темноте. Что-то, что видела она одна. Должно быть, картины, встающие в ее памяти.

– Уида родила в ночь обновления эльфийской крови, – продолжала Горэм. – Это произошло совсем недалеко отсюда, в доме, который Талиессин снял для своей возлюбленной Эйле и где после ее смерти жила я с вами. Окна опочивальни как раз выходили на площадь, где шло представление...

– Вы покажете мне этот дом? – перебил Гайфье.

– Сами найдете, – махнула рукой Горэм. – Не нужно, чтобы нас с вами увидели вместе после того, как меня выгнали. Посреди площади небольшой фонтан. Фасад дома разрисован вазами и голыми девками... Картины непристойные, но Талиессину нравились.

Гайфье оглянулся. Внезапно ему показалось, что в таверне кто-то прячется и наблюдает за ним из полумрака. Горэм сразу уловила его беспокойство и коснулась его руки.

– Здесь никого нет. Для посетителей время слишком раннее. Я попросила хозяина последить за тем, чтобы нас с вами никто не увидел. Если кто-то появится, нас предупредят.

Гайфье счел эти предосторожности смехотворными – не заговорщики же они, в конце концов; однако промолчал.

– Когда Уиде настала пора родить, – продолжала Горэм, – на площади как раз играли пьесу. Каждая фраза входила в комнату роженицы, точно соседка, пришедшая поглазеть на новорожденного ребенка. Входила и повисала в воздухе. Как будто некто нарочно так устроил.

– Как? – не понял Гайфье.

Не отвечая на вопрос, Горэм продолжала:

– Это была пьеса о пророчестве двух лун. Ваша сестра родилась как раз в тот миг, когда произносилось проклятие сумерек...

– Что такое проклятие сумерек?

Гайфье почувствовал, что у него опять немеют кончики пальцев. Оказывается, все самое плохое еще только впереди!

Внезапно он возненавидел Горэм. Нет, не за то, что она открывает перед ним разные неприятные и страшные тайны. В конце концов, тайны эти существовали помимо Горэм и рано или поздно должны были быть раскрыты. Его выводило из себя то удовольствие, которое нянька получала от этого.

– Я запомнила слово в слово, – таинственно шептала Горэм, обдавая Гайфье запахом своего дыхания. – Я чувствовала, что все это неспроста. Во всем этом есть определенный смысл... Раз в четырнадцать лет обе луны, Ассэ и Стексэ, сходятся в опасной близости. Одна из лун ярче светит в краях, где живут эльфы. Вторая луна любит заглядывать в лица спящим. Но настанет день, когда луны столкнутся. Прольется кровавый ливень, звезды не удержатся на небе... Ассэ уничтожит Стексэ, Стексэ сожрет Ассэ, и все живое умрет.

Горэм замолчала, чтобы услышанное улеглось в памяти мальчика. На миг Гайфье стало по-настоящему страшно: полумрак пустого помещения, жаркий шепот старухи, пророчество...

Но Гайфье был рожден солнечным, он не умел долго пугаться или огорчаться.

Вскочив, он бросился к окну и ударом кулака сшиб на землю ставень. Широкий солнечный луч хлынул в комнату, разоблачив пляшущую в воздухе пыль и явив мягкое лицо Горэм.

– Я не мог больше сидеть во мраке, – признался Гайфье, усаживаясь обратно за стол. – Темнота меня раздражает.

– Лучше бы вы ее боялись, мой господин, – сказала Горэм, но теперь ее голос больше не звучал зловеще.

– Почему? – в упор спросил Гайфье.

– Потому что проклятие сумерек – это о вас и вашей сестре, – просто отозвалась она. – Скоро наступит время опасного сближения двух лун. Скоро...

Она замолчала, жуя губами. Гайфье смотрел на нее, ощущая неловкость. Она пыталась запугать его, предостеречь, но выглядело это так, словно старая женщина, разобиженная на своих бывших господ, запоздало пытается свести счеты.

Гайфье решил поскорее закончить томительный разговор.

– И в чем же это должно, по-вашему, выразиться? – осведомился он.

– Ваша сестра попытается убить вас, – сказала Горэм и уставилась на Гайфье молящим взором.

Гайфье встал и молча двинулся к выходу. Он больше не в силах был находиться со старухой в одном помещении. Он вполне отдавал себе отчет в том, что оскорбляет самую преданную и бескорыстную любовь из возможных: любовь самки к выкормленному ею детенышу. Но почему-то этот род любви вызывал у него ужас и почти физическое отвращение.

* * *

Дом, где появилась на свет Эскива и где родился он сам, Гайфье нашел без труда. Нянька достаточно точно описала и площадь, и само здание. Впрочем, мальчику казалось, что он отыскал бы этот дом и без всякого описания: как ему мнилось, связь между ним и местом его рождения до сих пор не была прервана.

Он остановился возле фонтана, огляделся, пытаясь представить себе, какой была эта площадь в ночь родов Уиды. Наверняка фасады завесили большими полотнами с нарисованными декорациями. А тут могли натянуть канат для воздушной танцовщицы...

Гайфье опустил веки и как будто въяве увидел ее, тонкую, бесстрашную, с длинными развевающимися волосами. Внезапно девушка из его фантазии остановила танец и взглянула прямо ему в душу. Гайфье вздрогнул и поскорее открыл глаза.

Ничего не изменилось. Площадь по-прежнему оставалась пустой. Две женщины неторопливо пересекли ее, зачерпнули воду из фонтана, остановились, чтобы обменяться парой фраз. Ушли.

Открылось окно на верхнем этаже. Рыжеволосая девочка уселась на подоконнике, рыжая кошка пристроилась рядом. Девочка взяла маленький летучий кораблик и выпустила его из окна. Игрушка полетела вниз, попала в струю воздуха, поднялась над площадью, а затем порыв ветра швырнул ее прямо в фонтан. Девочка засмеялась, скрывая огорчение. Кошка с интересом наблюдала за полетом злополучного кораблика, а когда он исчез в воде, зевнула и свернулась клубочком.

...Значит, здесь выступала воздушная танцовщица. А внизу стояли двое актеров, изображающих две луны, Ассэ и Стексэ. Одна ярче светит в мире эльфов, другая заглядывает в лица спящим людям. И когда две луны столкнутся, свершится проклятие сумерек.

Мальчик тряхнул головой, и воображаемая картина рассыпалась. Как странно! Пожалуй, стоит отыскать артистов, которые давали здесь спектакль в тот день. Вряд ли за четырнадцать

лет они все оставили свое ремесло и исчезли, растворились среди обывателей. Кто-нибудь из них наверняка выступает до сих пор.

Он рассматривал фасад дома, где провел первый год жизни. Действительно, забавная роспись. Огромные напольные вазы были набиты цветами и фруктами, и полуобнаженные девушки пытались втиснуться туда же, а мохноногие сатиры выскакивали отовсюду и тянули к своим веселым «жертвам» жадные руки.

– По крайней мере, кое-что связывает нас с Эскивой до сих пор, – сказал себе Гайфье. – У нас общий отец, что не подлежит сомнению. И этот дом – тоже наш. Этого у нас не отнимет и дюжина доброжелателей.

Внезапно ему опять показалось, что за ним тайно следят. Он резко обернулся в сторону тесного, плохо освещенного проулка, выходящего на площадь, но никого там не увидел.

* * *

Темная фигура отделилась от стены и стала как будто шире: теперь она заполняла все пространство между домами.

Проулок, где пряталась фигура, правильнее было бы назвать «щелью», таким узким он был. Мостовая здесь вечно оставалась сырой, потому что солнечные лучи не проникали сюда – крыши смыкались на уровне верхнего этажа так плотно, что представляли собой единое целое.

Сумрачная фигура беспокойно зашевелилась. Мускулистая рука резко высунулась из бесформенных одеяний и снова нырнула в колеблющиеся складки. Горящие глаза, скрытые под нависшими густыми бровями – или, может быть, то был капюшон? – с жадностью рассматривали Гайфье.

Мальчика потянуло на место его рождения; темную тень неудержимо тянуло к мальчику... но яркий солнечный свет все портил.

С тяжелым вздохом, от которого заколыхалось все тело, окутанное просторными лохматыми одеждами, фигура застыла в темноте.

* * *

Вернувшись из города, Гайфье сразу прошел к себе и заперся. Даже к ужину не вышел, удовольствовавшись сухарями, которые нашлись в комнате: у мальчика была скверная привычка грызть сухари во время чтения – он уверял, что таким способом лучше усваивает прочитанное.

Ни слуги, ни сестра не потревожили мальчика в его уединении. Никто не нашел ничего удивительного в том, что Гайфье не в духе – ведь его преданная няня Горэм только что оставила службу. Эскива уважала чувства брата, однако своего распоряжения отменять не желала. Она была уверена в том, что поступает правильно. Незачем держать при себе особу, которая настолько ее ненавидит. Эскиве уже тринадцать лет, и даже отец признает ее право на самостоятельные решения.

Эскива не вполне правильно оценивала причины дурного настроения Гайфье. Но брат не стал ничего ей объяснять.

Он размышлял над услышанным. Меньше всего Гайфье поверил в пресловутое «проклятие сумерек». Все это звучало слишком напыщенно и как-то чересчур отвлеченно. В конце

концов, артисты могли выдумать историю о двух лунах лишь для того, чтобы более эффектно представить некоторые трюки.

Нет, Гайфье поразило другое. Прежде он никогда не думал о няне Горэм как о самостоятельном человеке, у которого есть какая-то собственная судьба. Смысл существования няни как раз в том и заключался, чтобы заботиться о нем, Гайфье. Баловать его, рассказывать безобидные сказки, где действовали разумные деревья и говорящие зверьки и проказничали крохотные, невидимые глазу существа.

И вдруг Горэм предстала ему кем-то совершенно незнакомым. Личностью, и при том личностью чрезвычайно неприятной, полной мстительной злобы.

Гайфье в голову не пришло усомниться в том, что отец достойно относился к первой своей подруге. Талиессин не виноват в том, что Эйле умерла слишком рано. И в том, что пришлось взять в жены Уиду. И уж тем более не виновен Талиессин в том, что так страстно влюбился в свою эльфийскую супругу, – если женщина из народа Эльсион Лакар захочет соблазнить, не устоит ни один мужчина.

Что бы ни утверждала Горэм, поколебать чувства мальчика к родителям ей не удалось. Однако своими речами она натворила нечто совершенно иное. Перед Гайфье внезапно распахнулась пропасть – он увидел душу другого человека и понял, что никогда никого не сможет узнать до конца. Любой может оказаться незнакомцем. Не только няня, о которой мальчик толком не задумывался. Но и отец, и мать, и сестра... и даже близкий друг, если когда-нибудь у Гайфье появится таковой.

Он почувствовал себя невероятно одиноким, брошенным в незнакомый мир и окруженным чужаками. Как будто каждое увиденное им лицо – лишь маска, и если ее снять, то появится новая маска, а под нею – еще и еще... Наверное, поэтому Уида так любит переодеваться. Уида знает о масках и пытается быть честной.

Утомленный этими раздумьями, Гайфье забылся сном и проснулся с головной болью рано, на рассвете. Мальчик выбрался в сад через окно. Здесь было свежо, роса холодила босые ноги, а цветы источали особенно сильный и резкий запах.

Гайфье пошел по знакомой дорожке, подставляя лицо восходящему солнцу и впитывая ласковое, набирающее силу тепло, а затем вдруг споткнулся о нечто и замер.

Под кустом мирно спал какой-то незнакомец.

Та часть дворцового комплекса, что принадлежала Гайфье и Эскиве, была отделена от большого дворца и имела собственный сад. На «половину принцев» посторонние не допускались. Это был абсолютно замкнутый мир.

Поэтому Гайфье так поразился находке. Он присел на корточки, чтобы рассмотреть чужака получше. Несомненно, будь этот человек надлежащим образом одет и причесан, он обладал бы вполне привлекательной наружностью. На вид ему было лет тридцать – тридцать пять. Лицо круглое, темно-каштановые мягкие волосы смяты и явно перепачканы в каком-то соусе. Густые ресницы веером лежали на бледной щеке. На нем имелись только рубаха и штаны. Незнакомец был бос; впрочем, сапоги из мягкой кожи чуть позднее обнаружили по другую сторону куста.

Гайфье сорвал травинку и пощекотал спящему нос. Тот чихнул, страшно выругался, вскочил и вытаращил глаза.

– Ну, и как? – осведомился Гайфье.

Незнакомец вдруг обмяк, потер лицо ладонями и спросил растерянно:

– Где это я?

– Там, где быть не должны, – во дворце, на «половине принцев».

Незнакомец попытался встать, но покачнулся и плюхнулся обратно. Гайфье сказал:

– Да сидите вы! Кто вас гонит? Еще очень рано. Мне тоже не спится.

– Мне как раз прекрасно спалось, – возразил он, – пока что-то не попало мне в нос.

Гайфье повертел в пальцах травинку и выбросил ее.

– Ну, раз уж так случилось, что оба мы не спим, – примирительным тоном произнес сын Талиессина, – может быть, поболтаем? Расскажите мне, кто вы такой и для чего сюда залезли. А главное – как.

Незнакомец снова провел ладонью по лицу, словно освобождаясь от паутины сна, и сильно почесал нос. Проворчал:

– Меня зовут Ренье. А вы, должно быть, брат правящей королевы.

– Да, – подтвердил Гайфье. – Таков мой титул. Я брат.

– Вас легко узнать, – проговорил Ренье, отчаянно зевая. – Вы очень похожи на отца.

– Вы хорошо знаете моего отца? – спросил Гайфье.

– Кто может утверждать, будто хорошо знает Талиессина? – был ответ. – Полагаю, такое попросту невозможно.

Мальчик согласно кивнул. И вернулся к своему первому вопросу:

– Как же вы сюда попали? Я по наивности считал, что наш сад надежно отгорожен от внешнего мира.

– Так и есть, – успокоил его Ренье. – Имеется одна-единственная лазейка. О ней никто не знает. Даже я о ней забыл. Видимо, вспомнил бессознательно, исключительно вследствие экзальтированного состояния. – Он широко зевнул. – Много лет назад эту лазейку отыскала одна моя хорошая приятельница. Она обладала забавным свойством – проходила там, где не было прохода. Попросту не замечала препятствий... и оказывалась там, где ей быть, собственно, не следовало. Вот так мы с ней и познакомились.

Гайфье посматривал на рассказчика искоса. Он видел, что тот недоговаривает. Пытается представить нечто важное как нечто малосущественное.

И продолжил расспросы:

– Как ее звали?

– Не помню, – тотчас ответил Ренье.

Этот быстрый ответ окончательно убедил мальчика в том, что его новый знакомец смущен. Скорее всего, Ренье проговорился потому, что был спросонок – да еще в «экзальтированном состоянии» – и теперь не знает, как выпутаться.

– Простая девушка. Белошвейка, – продолжал Ренье, отводя взгляд. – Очень хорошенькая. Вечно попадала в дурацкие истории, так что мне приходилось ее вытаскивать из бед.

– Она была вашей любовницей? – настаивал мальчик.

– Ну, зачем же сразу – «любовницей»? – возразил Ренье. – Вовсе нет. Я всегда умел дружить с женщинами. Просто дружить, без всяких задних мыслей, уж вы мне поверьте. Я умею это сейчас, умел и тогда, когда был моложе и значительно привлекательнее.

Гайфье долго молчал, созерцая просыпающийся сад, а потом выговорил, сам не зная почему:

– Эйле.

Сидящий рядом человек вздрогнул.

– Что с вами? – удивился мальчик.

– Ничего.

– Но вы вздрогнули.

– Вам показалось, – упрямо сказал Ренье.

Гайфье вскочил.

– Послушайте, я прикажу стражникам схватить вас и выпроводить вон с позором. А я еще вдобавок скажу, что подозреваю вас в чем-нибудь дурном. Вроде покушения на мою жизнь.

– А, – протянул Ренье, разваливаясь в траве. – Ну и зовите своих стражников, пожалуйста. Мне все равно.

– Вы знали Эйле, – сказал Гайфье.

– Может, и знал, – сдался тот.

– Какая она была?

– Мы вступаем на опасный путь, – предупредил Ренье.

– Какой путь?

– Путь правды. Есть вещи, которым лучше оставаться скрытыми. Знаете, как собака, которую предпочтительней держать на цепи. Сорвется – заест насмерть всех, до кого доберется, начиная с хозяев.

– Я согласен, – объявил Гайфье. – Пусть меня заест эта псина.

– Нет, – сказал Ренье.

– Эйле была моей матерью, – обронил мальчик.

И с удовольствием увидел, как Ренье вцепился себе в волосы и простонал:

– Это я успел наболтать? Во сне? Или спросонок, сдуру?

– Нет, – успокоил его мальчик. – Это сказала вчера моя нянька, Горэм. Со злости. Чтобы досадить Эскиве.

– И где теперь старая карга? – скрипнул зубами Ренье.

– На что вам она?

– Свернуть ее морщинистую шею.

– Эскива выгнала ее.

– Да здравствует королева! – сказал Ренье. И, помолчав, спросил почти сердито: – Что вы хотите узнать об Эйле?

– Какой она была?

– Я ведь только что говорил. Очень хорошенькая. Ходила сквозь стены, попадала в неприятности. А потом, когда в нелепой уличной драке вашего отца хотели ударить ножом, закрыла его собой – и умерла вместо него. Вот и вся ее коротенькая история. Талиессин очень любил ее.

– А Уиду? – спросил мальчик немного ревниво.

– Уида – это страсть. Эйле – нежность. Любовь земная и небесная...

– Как в проклятии сумерек, – пробормотал Гайфье. – Луна, что светит эльфам, и луна, что светит людям.

Последнюю фразу его новый знакомец не понял, но уточнять и переспрашивать не стал.

– Вы не могли бы мне помочь? Мне нужно хотя бы отчасти привести себя в порядок, – вместо этого попросил он. – В конце концов, вы меня нашли, разбудили и, угрожая расправой, заставили отвечать на вопросы. Вы должны ощущать ответственность за мою судьбу.

Гайфье сказал:

– Давайте уточним события. Вчера вы напились, как свинья, а сюда забрались в бессознательном состоянии, чтобы отоспаться... Да?

– Да, – признался Ренье.

– Понятно. – Мальчик фыркнул. – Я уташу для вас кувшин вина с кухни. После этого – уходите.

– Да здравствует брат королевы, – сказал Ренье, снова растягиваясь на траве под кустом.

* * *

Увольнение госпожи Горэм изменило жизнь царственных детей больше, чем они могли предполагать. Эскива чувствовала себя так, словно освободилась от тяжелого груза. Никто больше не пытался раздавить ее тайным осуждением, никто не следил за каждым ее шагом недоброжелательным взором. Девочка-королева не ходила, а как будто летала по залам дворца и по роскошному саду.

Для Гайфье наняли личного компаньона.

– Время пичкать парня сладостями миновало, – благодушно заметил Талиессин, подписывая указ о назначении на должность некоего Пиндара.

Гайфье ощутил себя взрослым. Ему сообщили о том, что сегодня к нему прибудет компаньон, и мальчик разволновался. Ему показали безупречные рекомендательные письма. Пиндар получил классическое образование и умеет вести разговор на любую тему. Кроме того, он неплохо владеет оружием, так что с ним в паре можно тренироваться. Верховая езда, танцы... Словом, весьма обширная программа.

Эскива тоже ознакомилась с рекомендациями Пиндара, заглядывая брату через плечо, пока он читал. Насмешливо блеснула глазами.

– Вопрос теперь в том, насколько для него хорош ты, брат, – бросила она и удалилась к себе.

Пиндар прибыл вскоре после полудня и оказался человеком средних лет и среднего роста, с лысинкой в обрамлении мягких сероватых волос и аккуратным брюшком любителя недурно закусить. Трудно было вообразить его со шпагой в руке, однако Гайфье решил не торопиться с выводами.

Представ перед своим новым господином, Пиндар изящно поклонился. Гайфье чуть смущенно улыбнулся ему и кивнул.

– Чем бы вы предпочли заняться, мой господин? – осведомился Пиндар. – Я готов приступить к исполнению своих обязанностей.

– Ну, – сказал Гайфье, – вы пока устраивайтесь, а я...

Он хотел было прибавить: «Я предпочел бы побыть один», но Пиндар тонко улыбнулся, предвосхитив ответ мальчика:

– Я ни в коем случае не навязываю вам своего общества, мой господин. Вы вольны поступать по собственному усмотрению, но если я понадобится – я всегда под рукой.

Гайфье ушел к себе в легком смятении. Он вдруг обнаружил, что теперь ему придется привыкать к новому человеку возле себя и что это его, пожалуй, нервирует. Самую малость, но все же...

Глава вторая

ПРОИСШЕСТВИЕ В «МЫШАХ И КАРЛИКАХ»

«Нет ничего печальнее бывшего сердцеда», – говорил себе Ренье, рассматривая в зеркало морщинки вокруг глаз. И морщинки-то вроде бы смешливые, но вот незадача – к тридцати пяти годам они начали придавать своему обладателю облезлый вид.

Ренье вполне отдавал себе отчет в том, что с возрастом он стал устрашающе напоминать собственного отца. Жизнь Джехана разбили тайная любовь к Оггуль и смерть возлюбленной. Жизнь Ренье сломалась в тот самый миг, когда отравленная стрела убила эльфийскую королеву – мать Талиессина. Ренье был ее возлюбленным чуть меньше месяца. После ее гибели Ренье стремительно начал увядать.

Он еще сопротивлялся, старался как-то устроить свою жизнь. Заводил связи, был полезным. В конце концов, ему было тогда только двадцать. В таком возрасте человек вполне может оправиться от потери, взять в жены обычную женщину, завести детей, сделать необременительную карьеру при дворе.

Тысячи раз повторял он себе эти слова. Твердил их как заклинание и вместе с тем глубоко внутри себя знал: все это ложь. Он больше ни на что не способен. Его истинная жизнь закончилась.

И даже старший брат, Эмери, придворный композитор, как бы он ни старался, не в состоянии был отвести Ренье от глупых походов и пьянства.

Сыновья Оггуль были очень близки. Один всегда мог сказать, где находится другой и не попал ли тот в неприятности. Несмотря на то что у Ренье с Эмери была общая мать и разные отцы, внешне они были чрезвычайно похожи, так что в годы молодости их то и дело путали.

Эмери жил в доме, который они с братом унаследовали от их дяди Адобекка, бывшего главного королевского конюшего. Дом находился за четвертой стеной, вне дворцового комплекса. Эмери обитал там один (если не считать слуг); Ренье предпочел маленькие апартаменты в самом дворце – поближе к податливым фрейлинам и подальше от осуждающего взгляда Эмери.

Расставшись с братом королевы, Ренье вернулся к себе, поспал несколько часов и пробудился, вполне бодрый, когда уже стемнело.

Поскольку никаких дел на нынешний вечер у него не имелось, а сидеть дома казалось выше сил, Ренье напрямик направился в кабачок под названием «Мыши и карлики» (большое панно на стене изображало сражение крохотных человечков с мышами и крысами).

Приветливо улыбаясь всем и никому, Ренье устроился в своем любимом углу, и почти сразу к нему подсело несколько любителей игры и выпивки.

Все здесь было знакомо и приносило успокоение: лица собутыльников, стук костяшек о столешницу, особенный привкус местного сидра. Здесь казалось, будто жизнь, которую вел Ренье, обладает неким потаенным, глубоким смыслом.

Ренье считался знатоком всех здешних неписанных правил – и едва ли не автором половины из них. Это помогало ему переносить неприязненное отношение нового хозяина кабачка: пару лет назад тот унаследовал заведение вместе с некоторыми постоянными посетителями, и далеко не все пришлись ему по душе.

Вечер начался и покатился по привычной колее. Скоро выигрыш стал представляться Ренье высшей целью жизни, а проигрыш оборачивался крахом всех надежд. Он вскрикивал, сердился, хохотал – и постоянно прикладывался к кувшину. Окружающие вели себя сходным образом. Все было хорошо, все было правильно.

Ближе к полуночи Ренье ненадолго прервал игру и подозвал служанку.

– Как тебя зовут? – спросил он у девушки, улыбаясь ей, как ему вообразилось, обаятельно.

Она кисло смотрела на него, и, будь Ренье трезвее, он увидел бы в ее зрачках собственное отражение: подгулявший помятый мужчина средних лет, который мнит себя неотразимым.

– Меня зовут Аламеда, господин, – равнодушным тоном произнесла девушка и отвернулась. – Я вам уже отвечала – вчера, и позавчера, и третьего дня.

– Наклонись-ка ко мне поближе, Аламеда, – приказал Ренье, посмеиваясь.

И когда она нехотя подчинилась, сунул ей за вырез кошель с монетами.

Она вздрогнула, машинально накрыла грудь ладонью – не столько оберегая, впрочем, свою стыдливость, сколько ощупывая деньги.

– Зачем это?

– Плата за выпивку, – объяснил Ренье.

Он всегда так расплачивался в этом трактире: передавал служанке часть выигрыша. Ренье даже не интересовался суммой. Иногда она оказывалась значительно больше, чем было пропито, иногда – гораздо меньше. Зная, что спорить с Ренье бесполезно, хозяин «Мышей и карликов» даже не протестовал, только тихо скрипел зубами.

– А теперь, Аламеда, принеси мне еще кувшинчик, – сказал Ренье и дружески потрепал ее по руке.

Девушка вытерла о юбку тыльную сторону руки и отбыла.

Ренье проводил ее глазами – а заодно и оглядел собравшихся в кабачке людей – и вдруг ощутил неприятный холодок между лопатками. Ему показалось, что в дверном проеме он различает странного незнакомца. Завсегдатаем «Мышей» тот явно не был. Неестественно высокий, в косматом плаще, чужак стоял совершенно неподвижно и рассматривал людей пылающими глазами.

Ренье огляделся по сторонам. Кажется, незнакомца никто, кроме него, не замечает. Кругом жевали, болтали, пили, трясли стаканчиками с игральными костями, смеялись, ворчали. Когда Ренье снова посмотрел на дверь, там уже никого не было.

Аламеда почему-то долго не возвращалась, поэтому Ренье подозвал другую служанку, настроенную более благосклонно, получил наконец желаемое и вернулся к игре.

* * *

Тревога не отпускала Эмери целый день. С самого утра он улавливал ее в воздухе, и к вечеру ему уже стало казаться, будто весь город звучит нестройно и взволнованно, словно кто-то беспорядочно перебирает клавиши расстроенных клавикордов.

В конце концов Эмери не выдержал: невыносимо было сидеть в бездействии дома и ощущать, как беспокойство гудит кругом все более властно, точно ветер в каминной трубе. С наступлением сумерек Эмери собрался с силами и вышел на улицу.

Поиски брата Эмери начал с пары знакомых кабачков поближе к дворцовому кварталу и, когда его там не оказалось, дал себе слово немедленно вернуться домой. «Не буду же я бродить по городу всю ночь? – подумал Эмери. – В тридцать пять лет пора бы Ренье отвечать за себя самостоятельно».

Ночной город смотрел на него невидимыми глазами. Ветер вдруг оживал и вздымал остывшую пыль на камнях мостовой, а затем так же внезапно стихал: вдох-выдох, вдох-выдох.

Столица Королевства – как, впрочем, и любой большой город – время от времени превращалась в угрюмого монстра, и сегодня была именно такая ночь. Утром, когда хозяйки рас-

пахнут ставни и начнут переговариваться через улицу громкими голосами, все пройдет, но сейчас стоит глубокая, безмолвная ночь, и ее нужно как-то пережить.

«И что это меня вдруг понесло искать Ренье? Как будто других занятий у меня нет, только вызволять его из неприятностей!» – сердился на себя Эмери, нервно шагая по черной улице.

Редкие фонари горели тускло. На стенах домов шевелились тени, и каждое плохо закрытое окно хотелось основательно запереть прочными ставнями. Чудилось, будто небо не решается заглядывать на узкие улицы: выдавленное из города теснотой, оно скрылось в недостижимой высоте.

Когда Эмери вошел в «Мышей и карликов», там уже всю кипела драка. На миг клубок дерущихся распался, и придворный композитор увидел на полу своего брата, с разбитым лицом и окровавленными кулаками. Ренье не в силах был подняться, он только шевелил руками и что-то гневно хрипел.

– Отойдите! – закричал Эмери, но его не услышали.

Он оттолкнул нескольких человек, увернулся от занесенного над ним кулака и ударил головой в живот какого-то жирного верзилу.

– Ренье!

Брат не слышал.

Какой-то человек с криком: «Нечистая игра!» – с размаху ударил Ренье сапогом в бок. Ренье медленно повернулся на бок и скорчился как гусеница.

Со всех сторон Эмери облепили какие-то люди, и каждый считал своим долгом стукнуть его – по голове, под дых. Эмери сразу понял, что драка эта не была обычной добродушной потасовкой, какие часто случаются в позднее время суток, когда хмель и удаль вдруг перекипают через край и настойчиво требуют выхода. Здесь дрались жестоко, норвя покалечить противника.

Придворный композитор, забыв о необходимости беречь руки, разбивал пальцы о чьи-то скулы и зубы. Он задыхался. Ренье скрылся из виду под грудой навалившихся сверху тел.

– Прекратить! Прекратить!

Зычные голоса прорезали общий шум. Несколько ударов древком копья отрезвили наиболее буйные головы. В кабачок вошли стражники.

Эмери не сразу сумел расцепиться с двумя выпивохами, которые дубасили его слева и справа одновременно, и вместе с ними получил основательный тычок в спину.

Эмери упал на пол и откатился к стене.

– А ну, всем сесть! – распорядился капитан стражи. – На лавку, в ряд. Живо! Живо!

Клубок дерущихся окончательно распался. Хватаясь за стены, за столы, друг за друга, драчуны трясли головами, ворчали, приходили в себя.

Наиболее медлительных стражники подгоняли не слишком любезными толчками.

– Шевелитесь!

Эмери осторожно сел на полу. Голова раскальвалась, перед глазами плавали мутные круги. Над ним нависла тень стражника. Тот неприязненно рассматривал Эмери, и придворный композитор осознал, что представляет собой чрезвычайно неприглядное зрелище: одежда разорвана, запачкана, лицо распухло.

– Вставай! – приказал солдат.

– Дай руку, – попросил Эмери. – Помоги мне.

– Ишь ты! – Солдат отошел и принужденно засмеялся.

Эмери остался сидеть, постепенно приходя в себя.

Хозяин заведения возник за плечом капитана ночной стражи, высовываясь, как чертик на пружинке, и затараторил.

– Вон тот, – он указал на Ренье, – напился. Со служанкой повздорил. Она на него не первый раз жалуется. И денег мне должен.

– Нечистая игра! – хрипло выкрикнул кто-то из выпивох.

Капитан недовольно повел плечом. Он прикидывал, кого из драчунов посадить под арест.

Эмери наконец с трудом поднялся и приблизился к капитану. Тотчас один из стражников остановил Эмери, уткнув ему в грудь древко копья.

– Это мой брат, – сказал Эмери, показывая на Ренье. – Я заберу его домой.

– Разгромил тут все! – выкрикнул хозяин.

– Я заплачу, – сказал Эмери. – Назовите сумму.

Хозяин закатил глаза к потолку. Ему хотелось еще поругаться, поэтому уступчивость Эмери разозлила его еще больше.

– Я его знаю. Вечно напивается, а потом беспорядок! – злобно бросил он.

– Я же сказал, что оплачу убытки, – повторил Эмери, трогая пальцем разбитую губу.

– Убытки? – Хозяин надвинулся на Эмери. – А вот клиентов он отваживает – это как?

– Тихо! – рявкнул капитан.

Он перевел взгляд на Эмери и несколько секунд пристально рассматривал его. Выражение лица капитана изменилось: было очевидно, что он признал в Эмери знатного человека.

– Что вы здесь делали? – спросил капитан куда мягче, чем прежде. В его тоне даже появились уважительные нотки, и солдаты, уловив эту перемену в поведении начальника, опустили копья.

– Пришел забрать отсюда моего брата, – сказал Эмери. – И оплатить убытки, как я и говорил. Мне не нужны неприятности.

– Они никому не нужны, однако же настигают нас денно и ночью... Там, на улице, мертвая женщина, – совсем будничным тоном произнес капитан.

Хозяин по-бабьи схватился за грудь и мелко задышал. Капитан повторил:

– Я хочу, чтобы хозяин заведения пошел со мной. Вероятно, женщина вышла отсюда, когда ее настиг убийца.

Хозяин засеменил вслед капитану. Эмери наклонился к Ренье.

– Ты можешь встать?

Ренье повел по сторонам странно посветлевшими глазами.

– Эйле, – вымолвил он, глупо улыбаясь. – Дети – это возмездие.

– Обопрись о меня, – сказал Эмери. – Пора уходить отсюда.

Вдвоем они выбрались из кабака в темный переулок, где горело всего два фонаря: один – возле входа в кабачок и другой – на углу, в конце переулочка.

Между этими двумя фонарями видны были факелы в руках у солдат. Фигуры капитана и хозяина кабака, искаженные неверным светом факелов, уродливо гнулись над чем-то лежащим на мостовой.

– Нам в другую сторону, – сказал Эмери, увлекая брата подальше.

Но Ренье вырвался.

– Мы ведь подойдем и посмотрим?

Эмери заглянул ему в глаза и увидел там пустоту.

– Тебе что, любопытно?

Ренье не успел ответить – до братьев донесся горестный вопль хозяина:

– Аламеда!

– Аламеда, – заплетающимся языком проговорил Ренье. – Она меня терпеть не могла. Такая язва! – И вдруг ужас искажил его черты. – Она... мертва?

Он вырвался из рук брата и побежал, петляя от стены к стене, на свет факелов. Эмери быстро зашагал следом, кусая губы.

Девушка лежала на мостовой в странной, изломанной позе. Руки ее были неестественно вывернуты, из горла вырван кусок плоти. Судя по широкому темному следу, протянувшемуся по мостовой почти от самого кабака, тело тащили, а потом бросили.

Хозяин глядел на эту картину вытаращенными глазами. Подбородок у него дергался, дергались и пальцы, которыми он постоянно проводил по щекам и волосам.

– Почему она вышла из кабачка? – спросил его капитан странно спокойным тоном. – Ее кто-то вызвал наружу?

Хозяин «Мышей и карликов» перевел на него взор и немного помолчал, прежде чем ответить. Кажется, до него не сразу дошел смысл вопроса.

– Она хотела подышать минутку свежим воздухом, – наконец выговорил он. – Один клиент, очень пьяный, сильно ей досаждал... Я же говорил.

Тут он услышал шаги и резко повернулся на звук.

– Да вот он! – тонко вскрикнул хозяин, указывая на Ренье пальцем. – Он! Это из-за него! Из-за него! Он! Он!

И, обхватив себя за плечи руками, разрыдался. Ренье посмотрел на Аламеду, потом перевел глаза на капитана.

– Я ей не нравился, – сказал Ренье грустно. – Ужасно не нравился. Она всегда воротила нос. М-да.

Капитан молчал. Эмери подошел ближе, выжидая удобного момента уйти и увести Ренье. Ему ничего так не хотелось, как вернуться домой и лечь в постель.

– Там был... какой-то верзила, – вспоминал Ренье. Капитан внимательно слушал его. – Стоял в дверном проеме и смотрел на людей, а внутрь не входил. И почему-то его никто не видел. Кажется. Только я.

– Вы были уже нетрезвы, когда видели его? – идеально вежливо осведомился капитан.

– Это точно... – не стал отрицать Ренье. Он ошупал шишку над бровью и поморщился. – Но верзила – был. Очень странный. В косматом плаще, понимаете? Глаза – нехорошие. Постоял и ушел.

– И все? – спросил капитан.

Ренье кивнул.

– Странно, – сказал капитан.

* * *

Как обычно, расплатой за братскую заботу стал утренний разговор. В такие минуты Ренье ненавидел брата. Кричал на него:

– Лучше бы ты оставил меня в покое!

– Тебя могли покалечить, – спокойно отвечал Эмери.

– Вот и хорошо!

Эмери поглядывал на него, прикидывая: стоит ли рассказывать подробности. И все так же молча налил ему целую кружку вина. Хорошего вина, дорогого. Не чета трактирному.

Ренье, похоже, не оценил контраста. Быстро проглотил и прояснился лицом.

– А хочешь, расскажу тебе правду, почему я так живу? – спросил Ренье.

Эмери неопределенно махнул рукой, что было расценено как согласие.

– Видишь ли, Эмери, – начал Ренье, – я всегда считал, что мы, дворяне, изначально готовим себя к служению, даже, может быть, к жертве во имя королевской семьи. Понимаешь? Нам это внушали с самого детства. И когда настала пора, я свое служение исполнил. Я – выработанный материал. Королеве понадобился молодой любовник – всего на неделю. Для того, чтобы оправдать свое хорошее настроение и успешнее скрыть от герцога Вейенто то обстоятельство, что принц Талиессин жив-здоров. Всего на неделю! И ради этой недели, ради того, чтобы ее величество могла вволю поморочить своего кузена, я согласился выставить себя на

посмешище. Впрочем, быть посмешищем нетрудно и даже не зазорно. Тем более на такой короткий срок. Но если бы одно только это! Королева – эльфийка. Ты знаешь, что такое – любить эльфийку? И хорошо, что не знаешь... Потому что это конец. То, после чего ничего уже быть не должно. Только смерть.

Он помолчал немного, налил себе еще вина, отпил, на сей раз медленно, наслаждаясь вкусом.

Эмери молчал. Ожидал продолжения. Смотрел на брата внимательно, со спокойным сочувствием.

Ренье произнес:

– Мое служение началось и закончилось, когда мне было двадцать лет. Все! Больше я ни на что не годен. Я пережил свой звездный час. Фью!

Он свистнул, показывая, как развеялась его жизнь. Вышло убедительно.

– Ты не открыл ничего такого, чего не говорил прежде, – заметил Эмери.

– Ну и что? – Ренье пожал плечами. – Ничего нового ведь и не произошло.

Он осекся, беззвучно пошевелил губами, и вдруг ужас проступил на его лице.

– Что? – спросил Эмери. – Что с тобой?

– Ничего нового? Но ведь вчера убили женщину, – медленно проговорил Ренье. – Да? Мне не почудилось? Мертвая женщина в переулке. Да?

– После вчерашнего ты еще что-то припоминаешь, – вздохнул Эмери. После драки все тело у него ломило, и вздох дался ему не без труда. – Да, ее убили. Тебя, кстати, не подозревают только потому, что в это самое время ты напивался на глазах у десятка свидетелей.

– А еще говорят, будто в пьянстве нет никакого толка.

– Хуже натужного юмора только фальшивая музыка, – заметил Эмери.

– Я видел его, – сказал Ренье. – Урода в лохматом плаще.

– Никто, кроме тебя, его не видел, – возразил Эмери.

– Значит, он почти невидимый, – рассердился Ренье. – Я пока не сумасшедший.

– Видения являются не только сумасшедшим. Но видения не могут убивать.

– Значит, он не был видением.

– Брат, ты должен прекратить пьянствовать.

– Я только что объяснил тебе, почему это со мной происходит. Одними разговорами тут не поможешь.

– Кажется, у тебя был случай заметить, что я действую не только разговорами, – сказал Эмери.

Ренье через силу засмеялся:

– Спасибо, братец. Я не такая неблагодарная скотина, чтобы не оценить твою помощь. Наверное, мне все еще хочется жить, а без тебя мне конец.

Он поднялся.

– Ты куда? – всполошился Эмери.

– К себе. Хватит уж обременять тебя моей персоной.

– Ты можешь остаться, сколько захочешь.

– Знаю, но не хочу. У меня ведь есть собственные апартаменты во дворце. Забыл? Я даже имею придворную должность. Камер-... что-то. Камер-фуражир, кажется.

И ушел.

Подчас Эмери бесился от собственного бессилия. Ренье как будто нарочно отказывался понимать Эмери. И с каждым годом разрыв становился все глубже.

Глава третья

БАЛЬЯН

– Все-таки странный он какой-то.

Фраза прозвучала, едва молодой человек отошел на достаточное расстояние, чтобы не слышать ее.

Прозвучала она из уст старшего мастера Искерина, самого уважаемого человека в горном поселке. Искерин попал в герцогство Вейенто, кажется, тысячу лет назад. Давным-давно он отработал свой контракт и теперь обзавелся всем тем, о чем только мог мечтать горняк: собственным домом и недурным содержанием, которое ему выплачивал из своей казны лично сам герцог. Искерин мог бы не работать, но недавно он женился и теперь помогал своей подруге сокращать срок ее контракта. При умении, навыках и льготах Искерина вдвоем они управятся лет за семь.

Для прочих обитателей горняцкого поселка Искерин оставался примером. Образцом того, что мечта достижима. Любое его высказывание принималось остальными едва ли не как откровение. Спорить с Искерином означало спорить с Удачей, а делать этого ни в коем случае не следовало. Хоть северяне, жители герцогства, и презирали суеверных южан за их невежество (несомненно, проистекающее от убогости крестьянского быта), сами они вовсе не были полностью свободны от веры в приметы и предзнаменования, добрые и злые, и ни за что не согласились бы прикоснуться к бороде гномки, ступить в чужой след, работать молотком, у которого трижды ломалась рукоятка, или перечить Искерину.

Да и что ему перечить, коль скоро он совершенно прав! Парень, что побывал в поселке, запасся провизией и ушел обратно, в горы, где у него имеется какая-то убогая хижина, – он ведь действительно странный. Нет нужды говорить, что речь идет о сыне самого герцога Вейенто, о Бальяне. Ведь Бальян – бастард и вряд ли когда-нибудь унаследует герцогство после своего отца.

Герцог Вейенто прожил много лет с матерью Бальяна – Эмеше, дочкой мелкопоместного дворянина. Эмеше не просто обожала своего знатного возлюбленного. Она обладала куда более знатным качеством: она ни на что не претендовала. Никогда даже намеком не показывала герцогу, что рассчитывает... не сейчас, конечно, а когда-нибудь, в будущем... что очень надеется на то, что он все-таки женится на ней и объявит ее герцогиней.

При всех тех добрых чувствах, что питал герцог к Эмеше, объявить ее своей супругой он не мог. Ему требовалась жена куда более знатного происхождения. Жена, которая принесла бы ему в качестве приданого обширные родственные связи. Союзников. Ибо все эти годы герцог Вейенто не оставлял мысли занять когда-нибудь королевский престол. Несколько раз он был уже совсем близок к своей цели... и всегда что-нибудь ему мешало.

И он женился на дочери своего соседа, герцога Ларренса, – на юной, прекрасной и девственной Ибор, а Эмеше отослал в небольшое, хорошо устроенное имение.

У Эмеше имелся ребенок от герцога. Мальчик, которого она увидела впервые, когда тому было уже пять лет. Ибо, ни на что не претендуя, Эмеше не хотела, чтобы герцог заподозрил ее в том, что она хочет превратить бастарда в орудие своего влияния. Нет, для нее всегда существовал один только Вейенто, и больше никого. Эмеше отослала новорожденного с кормилицей в дикие горы, где у женщины, жены углежога, была собственная хижина, и никогда не посылала даже справиться о том, как живет рожденное ею дитя.

Когда решение жениться на Ибор созрело, Вейенто объявил об этом своей любовнице. Эмеше согласилась. Она согласилась на все. Небольшое, хорошо устроенное имение, где все

подготовлено специально для нее? Она целовала герцогу руки. Никогда больше не пытаться увидаться с Вейенто? Она заливалась слезами и непонимающе улыбалась, но кивала, кивала...

Наконец ее увезли. Прощание вышло тягостным. Эмеше забрала из замка все, что ей позволили взять, – безделушки, украшения, подарки герцога, платья, картины, музыкальные инструменты...

Все это было свалено без толку, в кучу, в большой комнате господского дома, куда ее водворили. Годами произведения искусства и роскоши покрывались пылью. Прислуга лишь время от времени пыталась навести там порядок, но Эмеше, обнаружив эти потуги, всегда впадала в ярость и что-нибудь ломала, так что, в конце концов, груды золотых подсвечников, украшенных драгоценными камнями чаш, ларцов, книг и прочего попросту накрыли большим полотном и больше к ним не прикасались.

Через год после начала изгнания Эмеше вдруг вспомнила о том, что у нее был ребенок. Она послала за ним, и мальчишку доставили в имение. Он был совершенно диким, в ответ на все попытки заговорить с ним только огрызался, но в общем был рад перемене, потому что жена углежога его была.

К тому времени Эмеше уже начала погружаться в сумерки, которые с годами только сгущались. Ей представили мальчика, кое-как умытого и переодетого в чистое. Она закричала, схватила его за плечи, стала трясти. Он так испугался этой женщины, полной, белой, совсем не похожей на тех, которых видел прежде, что впал в ступор. Голова мальчика болталась на тонкой шее, глаза бешено вращались, следя за матерью. Потом Эмеше успокоилась, отвернулась и отошла.

Бальян начал новую жизнь.

Его разместили в отдельном флигеле, в стороне от главного дома господской усадьбы. Приставили к нему дядьку, однорукого горняка, чей контракт не мог быть выработан в течение жизни одного человека, столько у него набралось взысканий и продлений сроков. Горняк оказался человеком веселым, любителем выпивки и большим знатоком житейской мудрости. От него Бальян перенял почти все те странности, которые впоследствии заставляли других людей шарахаться от герцогского бастарда и бормотать ему в спину:

– Странный он какой-то.

Даже если Бальян и слышал это бормотание, он не обижался.

Воспитатель говорил ему о матери:

– А ты на нее, малец, не сердись. Она ведь малость подвинулась умом. Да и то сказать! У нас в горах кто умом не подвинутый? Тут нормальных людей, почитай, и нет. Человек не приспособлен жить в горах, а особенно – под горой, а мы ведь половину жизни проводим под горой. Как тут не стать сумасшедшими!

– Но Эмеше не ходила в шахты, – возражал Бальян.

– Не ходить-то не ходила, но дышала этим воздухом, – уверенно говорил однорукий и грозил мальчишке узловатым черным пальцем. – Ты вникай, что я говорю, а не противься, ибо я умен и умудрен, а тебе еще жить да жить! Твоя мать сумасшедшая. Запомни раз и навечно и так к ней и относись. У нее это не только по горной, но и по женской части. Женщины здесь часто дуреют. Я отчего не женился?

– Оттого что однорукий? – предположил мальчик.

Дядька сплюнул.

– Дурак ты, – сказал он и целый день потом не разговаривал с воспитанником. Обиделся. Но на другой день все же вернулся к прежней теме.

– Говорю тебе, у нее это по женской части. Она твоего отца – знаешь что?

– Что? – Бальян против воли заинтересовался, смутно ожидая услышать историю о каком-нибудь ужасном злодеянии.

– Что! То, что любила, – сказал старый горняк. – Вот что. Без ума любила – без ума и осталась.

Бальян начал приглядываться к Эмеше, имея в уме недавно полученное знание, и скоро пришел к выводу: его собеседник был совершенно прав. Эмеше не вполне нормальна. Точнее сказать, совершенно ненормальна. Она продолжала любить Вейенто, в этом был смысл ее существования. В тех сумерках, где она обитала, не было ничего, кроме этой неразделенной любви. Она бродила по комнатам и подолгу замирала перед разными предметами, мучительно пытаясь понять: не оттого ли отверг ее Вейенто, что у нее дурно расставлена мебель, некрасивы кувшины с вином или, может быть, дурны гобелены на стенах? Иногда она забиралась на крышу и всматривалась в горы: не едут ли за ней, чтобы вернуть ее в замок, к возлюбленному? Случалось ей забиться в какую-нибудь крохотную комнатку с большим запасом сладких булочек и лихорадочно поедать их там, в темноте и взаперти.

Слуги перестали ей перечить. Бальян понимал, что ему, наверное, следует жалеть мать. Но не мог. Безумие Эмеше вызывало у него лишь отвращение. Он не в силах был понять, как можно сойти с ума от любви.

Наверное, следовало бы возненавидеть отца, который довел мать до такого состояния и ни разу не поинтересовался своим bastardом. Но и это у Бальяна не получалось. Он очень рано начал жить собственной жизнью, отдельной от жизни отца и матери. Он был просто Бальян. Вот мир – и вот человек, без всяких титулов, надежд на будущее или обязательств перед другими.

К двадцати годам Бальян превратился в долговязого парня, широкого в кости, но тощего – про такие руки, как у него, говорили «мослы». Лицо у него было простое и приятное, ширококулое, с ясными глазами. Он был похож на Эмеше. Впрочем, о сходстве судить было в то время уже трудно, поскольку сама Эмеше больше совершенно не напоминала себя прежнюю.

С людьми Бальян сходилась трудно, особенно после смерти своего единственного собеседника, однорукого горняка. Зато у него завелись друзья среди гномов, и это воспринималось окружающими как еще одна странность и без того нелюдимого бастарда.

Лет в четырнадцать Бальян открыл в себе жгучий интерес к камням. Устройство земных недр занимало его воображение в те годы, когда полагалось бы подсматривать за служанками и изучать тонкости фехтовального искусства. Но, поскольку Бальян не был достаточно знатен для того, чтобы ему объяснили, чем он должен интересоваться, а чем не должен, он продолжал исследовать самые обычные с виду булыжники.

В ближайшем горном поселке он обзавелся молотком и выпросил у мастера разрешение спуститься в шахту. Увиденное покорило подростка. Рабочие не понимали, что так восхищает его. А Бальян видел не просто каменные стены и распорки; перед его глазами открылось неизведанное царство, и он понял, что если и желает быть королем, то только здесь, под горами.

Ему открылся потайной рост кристаллов и причины, по которым сквозь толщу породы змеится рудоносная жила. Он знал, что камни живые, и получил подтверждение этому. Гора как будто согласилась разговаривать с мальчиком.

Он подошел к мастеру и показал пальцем на совершенно пустой с виду участок породы:
– Попробуйте здесь.

Мастер открыл было рот, чтобы отогнать назойливого юнца, но потом пожал плечами и крикнул одному из горняков:

– Попробуйте здесь.

Они открыли богатейшую жилу кварца.

Потом, уже на поверхности, мастер допытывался у Бальяна:

– Как ты понял, что искать нужно здесь?

– Я просто знал, – пытался объяснить мальчик.

– Нет, ты расскажи, – приставал мастер.

Бальян вырвался и убежал.

Он нашел старую хижину углежога, где жил до пятилетнего возраста. Там давно уже никого не было: семья не то перебралась в другие края, не то попросту вымерла. Бальян починил крышу, вычистил единственную комнатку, переложил очаг и сделал это место своим убежищем. Здесь он проводил большую часть теплого времени года и только на зиму возвращался в имение. Эмеше почти никогда не знала, где находится ее сын. Впрочем, ее это и не занимало. Она хотела только одного: чтобы Вейенто прислал за ней и чтобы все было как раньше.

* * *

Брак герцога Вейенто с Ибор оказался удачным. Правда, сама Ибор мало радовала своего супруга: она была глуповатой и вздорной. Но все это мелочи. На четвертый год супружеской жизни Ибор наконец сумела родить мальчика – его назвали Аваскейн и воспитывали как будущего герцога Вейенто. В глубочайшей тайне Вейенто-отец надеялся, что когда-нибудь Аваскейн унаследует после него не только герцогство, но и королевский престол.

Ибор не вмешивалась в дела своего мужа. Она довольствовалась тем, что было предоставлено в ее распоряжение: роскошными залами в той части замка, где некогда всецело царил Эмеше, нарядами, выездами на праздники в столицу, соколиной охотой.

Главной заботой Ибор был Аваскейн. Мальчик родился и рос болезненным. Он не любил лошадей, не любил соколов, ему не нравились прогулки по горам. Ибор смотрела на его тонкие бледные руки-палочки и вздыхала. Она очень боялась, что Вейенто в конце концов разочаруется в своем законном отпрыске и вспомнит о существовании бастарда. Для Ибор это было бы катастрофой, потому что она, сколько ни старалась, больше не могла забеременеть.

Однако Вейенто ни о чем подобном не помышлял. Он и прежде, живя с Эмеше, не задавал вопросов о ребенке любовницы. Так с какой стати ему интересоваться этим ребенком сейчас? К тому же тот давным-давно вырос и, по слухам (которые все же доходили до герцогских ушей), сильно чудит.

Бальян обитает где-то в горах, вдали от людей. Он одевается как бродяга и сторонится людей.

Бальян якшается с гномами. Бойко болтает на их жаргоне и даже гостит у них в их таинственном подземном городе, куда людям вход запрещен под страхом смертной казни.

Бальян изредка появляется в горняцких поселках, покупает там еду или инструменты.

Бальяна не видели больше года... жив ли он?

Все, что говорилось о старшем, незаконном сыне, герцог хранил на самой окраине сознания. Бастардов обычно держали «про запас» – на тот случай, если с законным наследником что-нибудь произойдет. Но что может произойти с Аваскейном, который никогда не играет в бурные игры, избегает любого риска, любой опасности, спит с закрытыми окнами, всегда тепло одет и окружен десятком заботливейших слуг? Вейенто не препятствовал мальчику расти изнеженным. Если тот станет королем, ему не понадобится ни физическая сила, ни фехтовальное мастерство, ни умение ездить верхом или командовать армией. У него будет довольно придворных, полководцев, воинов, охранников. Главное, чтобы Аваскейн был достаточно умен и хитер и умел пользоваться сильными и слабыми сторонами окружающих его людей. А искусство манипулирования болезненный ребенок недурно освоил в очень раннем возрасте – и явно не собирался останавливаться на достигнутом.

Глава четвертая КИНЖАЛ В ГАЛЕРЕЕ

Помогая своему юному господину застегнуть пряжку на плече, компаньон королевского брата Пиндар задумчиво разглагольствовал:

– Прошрое царствование знаменовалось неким изысканным вырождением. В этом имелся определенный смысл. Аристократизм всегда должен обладать некоторой толикой декаданса.

Гайфье разглядывал в большом зеркале свое отражение. Рослый плотный подросток с загорелым лицом, с блестящими раскосыми глазами. Пиндар журчал над ухом так убедительно, так вкусно произносил он слова «аристократизм», «декаданс», что Гайфье поддался их обаянию. Ему вдруг ужасно захотелось немножко вырождения. Но сколько он ни всматривался в себя, никаких признаков упадка не видел. Обычное здоровое юное существо.

И это здоровое существо произнесло:

– Мне всегда казалось, что в вырождении нет ничего хорошего. Оно даже не красиво.

– Оно означает древность, – возразил Пиндар. – Оно означает гордость, ибо во многом связано с родственными браками – то есть с нежеланием пускать в свою семью посторонних.

Мальчик пожал плечами.

– Если я правильно припоминаю, в нашей семье как раз традиционно заключались смешанные браки, что и привело к оскудению эльфийской крови. – Он снова посмотрел на себя, отраженного в зеркале: человек, с головы до ног похожий не на эльфа, но просто на собственного отца.

– Оскудение! – подхватил Пиндар. – Вот самое точное слово! Самое пленительное для меня... То, что вот-вот исчезнет. То, что удерживается на краю реальности, уцепившись последним коготком... То, чему суждено сорваться в пропасть. Один только миг, одно слабое дуновение ветра – и оно исчезнет. Вот что я имел в виду.

– Вы хотите сказать, что моя бабушка производила на вас именно такое впечатление? – удивился Гайфье. – Как будто она вот-вот исчезнет?

Все, что Гайфье слышал о покойной королеве, создавало у него прямо противоположное впечатление. Пиндар не позволил себя смутить.

– Я не встречался с ее величеством лично, – проговорил он, – однако в моей памяти запечатлен образ правящей королевы, который существовал для всего народа... А я склонен причислять себя к одному из народа. Да, это так, хотя поэты не имеют ни племени, ни социальной принадлежности.

– Поэты? – переспросил Гайфье, чувствуя себя все более скверно.

Мальчик не любил стихов. Если его компаньон окажется поэтом, то это может обернуться катастрофой. Выслушивать чтение стихов – выше сил Гайфье. Но... не просить же регента отослать Пиндара только из-за этого? «Поэт» – не причина для увольнения.

– Именно поэты, – подтвердил Пиндар с удовольствием, – улавливают незримые флюиды. Поэты претворяют свои ощущения в слова, в магические слова... Не всегда подлежащие рациональному осмыслению, ибо смысл поэзии может таиться в ритме, в звуке – и даже между звуками.

– Я думал, это относится к музыке, – возразил Гайфье.

– Поэзия сродни музыке, – произнес Пиндар. – Поэзия воздействует на человека, минуя сознание. Простым звучанием слов. В человеческой речи тоже скрывается музыка.

– Ну да, – вяло протянул Гайфье. – Конечно... – Он вздохнул.

– Вижу, эта беседа вас не занимает, мой господин. – Пиндар вдруг явил себя чутким и внимательным собеседником.

Гайфье сразу воспрял духом и заговорил об охотничьих собаках. Эта тема интересовала его бесконечно. Он рассказал об одной псине и о том, какой у нее нрав, потом перешел к рыжему кобелю, своему любимцу, и поведал о некоторых его проделках. Пиндар слушал терпеливо, с видом страдальческим, но не перебивая. В конце концов Гайфье пришел к выводу, что его компаньон – вполне сносный человек, и с этим мнением отправился на прогулку.

Оставшись один, Пиндар некоторое время смотрел вслед ушедшему и холодно улыбался. Сын Талиессина не вызывал у Пиндара никаких эмоций. Обычный мальчишка. Глуповат, как и положено в его возрасте. Пиндар вспомнил время, проведенное в Академии. Тогда они все тоже были мальчишками. Почти дети. И в суждениях, и в поступках.

Как различно сложились судьбы бывших однокашников! О Фейнне Пиндар знал, что она теперь – герцогиня Ларра, мать наследника Ларра. Гальен и Аббана казнены за покушение на жизнь правящей королевы.

Эгрей погиб на военной службе. Нелепый толстяк Маргофрон, по слухам, выгодно женился и теперь владеет десятком галантерейных лавок в нескольких городах Королевства. Эмери, кажется, служит королевской семье здесь, в столице. Придворный композитор. Вот с кем хорошо бы встретиться и переговорить...

Желание Пиндара исполнилось в тот же день. Прогуливаясь по саду, Пиндар наткнулся на человека, который не далее как сегодняшним утром появлялся в его мыслях.

Человек этот сидел в расслабленной позе на каменной лавке с ажурной резьбой. На колене он держал кувшин. Поэт радостно воскликнул:

– Эмери!

Ренье вздрогнул. Уже давно никто не принимал его за брата. Эмери немного располнел и благодаря этому выглядел моложе своих лет. Ренье, напротив, казался старше. К тому же он, в отличие от придворного композитора, одевался куда менее щегольски и далеко не так аккуратно.

Подняв голову, Ренье пристально посмотрел на субъекта, который назвал его неправильным именем. Сквозь лысинку и бьющее в глаза благополучие вдруг проступили юношеские черты, и Ренье узнал говорившего.

– Пиндар! Вот неожиданная встреча!

– Не такая уж неожиданная, во всяком случае для меня, – возразил Пиндар, усаживаясь рядом. – Ты позволишь?

Он взял кувшин из руки собеседника, отхлебнул. Удивленно поднял бровь:

– Ты пьешь сидр?

– За неимением лучшего.

– У меня вдруг появилось такое ощущение, Эмери, что ты часто прикладываешься к этому сосуду для слабых духом.

– Твое ощущение совершенно верно, – подтвердил Ренье. Он улыбнулся. – Рассказывай: что ты делаешь здесь? Тебе известно, что сюда допускаются только особы, приближенные к ее величеству... или к Гайфье?

– Разумеется. – Пиндар с важностью кивнул. – Я – особа, приближенная к Гайфье.

– Ты – его придворный... как это называется? – До сих пор Ренье имел дело исключительно с придворными дамами, поэтому слово не сразу пришло к нему на ум. – Кавалер.

– Его компаньон, – поправил Пиндар.

– Приживал?

– Нет. – Пиндар поморщился. – Будем называть вещи своими именами.

– Я и называю... – Ренье вздохнул. – Я хорошо знаю, что такое приживал, можешь мне поверить. Должность хлопотная и неблагодарная, а главное – бессмысленная, но другой не дано.

– Ты говоришь о себе? – Пиндар проницательно прищурился.

– О себе, о тебе... О таких, как мы.

– Поясни.

– Поясняю. Я говорю о неудачниках.

Пиндар пожал плечами.

– Я себя неудачником не считаю...

– Расскажи в таком случае о своей поразительной карьере, – попросил Ренье. – У тебя есть время?

– Для тебя найдется. – Пиндар поднял голову к солнцу, пожевал губами, как бы разминая их перед началом говорения. – Как ты знаешь, образованные люди всегда пользуются большим спросом, так что поиск работы не оказался для меня трудным.

– Предположим, – пробормотал Ренье.

– Я начинал управляющим в одном богатом имении, но эта должность оказалась не по мне, – продолжал Пиндар.

Ренье хмыкнул:

– Проворовался?

Пиндар отодвинулся на самый край скамьи, оскорбленный.

– Не смешно, Эмери. Совершенно лишено остроумия.

– Прости, – примирительным тоном произнес Ренье. – Продолжай. Мне на самом деле очень интересно.

Пиндар помолчал немного – и для того, чтобы наказать собеседника, и для того, чтобы успокоиться.

– Словом, я решил уйти. Меня, кстати, не хотели отпускать! Но я все равно ушел. Для поэта невозможно проводить дни, подсчитывая прибыли, убыли, какие-то надои молока...

– Понимаю, – вставил Ренье.

Пиндар угрожающе блеснул глазами, но Ренье замолк и сидел с самым смиренным видом.

– Мои поэтические таланты оценили в одном из замков, – заговорил Пиндар снова. Теперь он поглядывал на Ренье чуть свысока. – Я нашел там кров, стол и понимание. Однако спустя несколько лет главный ценитель моего творчества умер, и я покинул замок, ибо это место стало для меня юдолью скорби и печальных воспоминаний.

– Ты написал об этом элегию? – поинтересовался Ренье вполне дружеским тоном.

– Цикл элегий, – строго поправил Пиндар. – Цикл из восемнадцати элегий, если быть точным. Они послужили для меня наилучшей рекомендацией... За минувшие годы я сменил шестерых покровителей. Гайфье – седьмой.

– Гайфье увлекается поэзией? – поразился Ренье.

– Что из того? – Пиндар поднял брови. – По-твоему, молодой человек не может любить стихи?

– Может... Но только на Гайфье это очень не похоже.

– Ты хорошо знаком с Гайфье? – Пиндар сразу насторожился, и Ренье уловил: рассеянный интерес к нему бывшего однокашника сделался хищным.

Ренье пожал плечами с напускным безразличием:

– Болтал с ним пару раз.

– Что скажешь?

– Пиндар, я не намерен делиться с тобой впечатлениями о брате нынешней королевы, – сказал Ренье. – По-моему, это было бы неправильным.

– Почему?

– Потому что подобные разговоры превращают нас с тобой в отвратительную породу придворных сплетников.

– Придворные сплетники – вовсе не отвратительная порода, – заявил Пиндар. – Они – источник информации и средство для распространения желательных слухов.

– Без меня, – сказал Ренье.

– Ну ладно, ладно... – Пиндар успокоительно потрепал его по плечу.

Ренье усмехнулся. Теперь можно бранить «эстетику безобразного» и «восторги гниения» сколько угодно: Пиндар не уйдет и даже не обидится. Он выдал себя. Ему нужен Ренье. Нужны его знания о брате королевы.

– Лучше поговорим о тебе, – предложил Пиндар. – Помнишь, каким ты был в Академии?

– Каким? – Ренье с любопытством глянул на Пиндара.

Похоже, тот до сих пор не догадывается о том, что в Академии «Эмери» существовал один в двух лицах. Посвящать его в эту историю прямо сейчас Ренье не собирался. Если Пиндар задержится во дворце, то рано или поздно он узнает о том, что у придворного композитора имеется беспутный младший братец, живущий на содержании у любвеобильных дам и сострадавательных служанок. А сейчас любопытно было бы узнать, какими виделись братья Пиндару в те далекие годы.

– Ты был гордый, – начал Пиндар торжественно, как будто читал одну из своих элегий. – Роковой. Загадочный. Твои скачки настроения яснее прочего свидетельствовали о том, что ты принадлежишь к вырождающемуся древнему роду. Это будоражило воображение, волновало... Да будь я женщиной, я влюбился бы в тебя! Ты был интересный. Понимаешь, о чем я?

– Поэт – почти женщина, – заметил Ренье.

– Да, – согласился Пиндар, ничуть не смутившись. – В том, что касается интуиции, предчувствий, способности доверять неуловимым флюидам...

– Излишняя доверчивость флюидам до добра не доводит, – сказал Ренье и захохотал.

Пиндар невозмутимо дождался, пока смех иссякнет.

– Поэтому мне так печально видеть то, каким ты стал, Эмери, – заключил Пиндар. И наклонился к нему. Спросил доверительно: – Признайся: неужели тебя вполне устраивает такая жизнь? Неужели тебе не хотелось бы хоть немного изменить ее?

Он смотрел своему собеседнику прямо в глаза.

Ренье сказал:

– Вряд ли возможно изменить мою жизнь. Слишком многое осталось позади...

– Что ты имеешь в виду?

– Когда-нибудь объясню.

– Ну а если бы нашелся человек, который предложил бы тебе новую цель? – настойчиво продолжал Пиндар.

– Какую именно?

Пиндар отодвинулся от него, засмеялся принужденно и сказал:

– Не женщину, это точно.

– А, – сказал Ренье, – ну, я подумаю.

Пиндар потрепал его по плечу и встал.

– Подумай, подумай. Ты знаешь, где меня найти. Я почти всегда буду находиться теперь при его высочестве.

– Гайфье не носит титула, – напомнил Ренье. – Внимательней относись к словам, которые употребляешь. Придворная жизнь требует точности.

– Учту, – сказал Пиндар. Ренье проводил его глазами и снова приложился к кувшину. Он не слышал, как Пиндар, отойдя на несколько шагов, прошипел себе под нос: «Кретин!»

* * *

Завидев Ренье, сын Талиессина поспешил к нему навстречу. Гайфье и сам не подозревал о том, что обрадуется ему. Ренье совершенно не походил на все то, к чему привык мальчик. Ренье не был благовоспитанным и говорил то, что приходило на ум. Хуже того, Ренье был неудачником и выпивохой. Но зато в юности он знал Эйле и даже дружил с нею.

Ренье с любопытством смотрел на приближающегося мальчика. Когда Гайфье поравнялся с ним, Ренье приподнялся на скамейке и чуть поклонился.

– Что вы пьете? – осведомился Гайфье, усаживаясь рядом.

– Сидр.

– От него кружится голова?

– Немного.

– Можно я попробую?

– Пожалуйста. Кстати, этот кувшин я стянул на кухне вашего дворца...

– Ну и что? – Гайфье замер, не донеся руку до кувшина. – Плохой сидр?

– Да нет, сидр отменный. Просто если бы я заплатил за эту штуку собственные деньги, я бы, наверное, пожадничал, не стал вас угощать. Но поскольку почти все блага в этой жизни достаются мне исключительно нечестным путем, я – очень щедрый человек.

– А, – сказал Гайфье и отхлебнул.

Старший собеседник наблюдал за ним, весело прищурившись.

– Понравилось?

– Еще не понял, – признался Гайфье.

Ренье отобрал у него кувшин.

– Обычная отговорка для тех, кто хочет уничтожить твои запасы выпивки, – сообщил он. – Мол, «не распробовал». Я и сам так делаю. Иногда.

– Вы постоянно пьете? – спросил Гайфье.

– Постоянно.

– Чтобы... забыть что-то печальное? – решился на следующий вопрос Гайфье.

Ренье покачал головой.

– Это только так считается, – сказал он. – Пьют якобы для того, чтоб забыться. На самом деле это образ жизни. Впрочем, я могу переменить образ жизни. Мне сегодня даже предлагали сделать это. Вы же знакомы с Пиндаром?

По лицу мальчика пробежала странная тень. Как будто он вспомнил о чем-то по меньшей мере неприятном.

– Ну да, – выговорил наконец Гайфье. – Пиндар – мой компаньон. Так это называется. Человек, который обязан развлекать меня разговорами, выслушивать мои жалобы на судьбу и жестокосердых женщин, давать советы и помогать с одеванием. Практически слуга. А я должен с ним откровенничать... кажется.

– И как он вам? Нравится?

Гайфье пожал плечами. И спохватился:

– А вы что, знаете его?

– Были знакомы в юности, – сообщил Ренье. – Он сочинял стихи. Дружил с одной девушкой. Та потом погибла на студенческой дуэли.

– Погибла на дуэли? – прошептал Гайфье. – Так вот почему он такой мрачный...

– Да нет, он был мрачным задолго до этой истории, – сказал Ренье. – Полагаю, таким он выбрался уже из материнской утробы. Показался на свет, сморщился и прокричал на невнятном младенческом наречии: «Чума на вашу голову, куда это меня угораздило?»

Гайфье расхохотался:

– Похоже на него!

– Что вы намерены предпринять в таком случае?

– Терпеть, – сказал Гайфье. – Не могу же я просить отца выгнать человека только потому, что мне не нравится, как он интерпретирует поэзию.

– О! – с непонятной интонацией произнес Ренье.

Гайфье доверчиво улыбнулся:

– В самом деле, голова немного кружится.

– Приятно или неприятно?

– Не знаю. Пожалуй, приятно.

– Значит, вы из наших! – обрадовался Ренье.

Гайфье решил, что момент настал, и заговорил о главном:

– А что еще вы помните о моей матери?

Ренье поразмыслил немного. Потом сказал:

– Пока вы не спросили, мне казалось, будто я знаю об Эйле все. То есть мне нетрудно представить ее себе. Как она смеется, как пугается, как ест. Но как описать это в рассказе? Ни одной истории не могу припомнить. Просто она БЫЛА, понимаете? Очень живая и милая. Да, еще я переодевал ее куклой.

– Куклой?

Ренье кивнул.

– Когда потребовалось спрятать ее во дворце, я не придумал ничего умнее, как переодеть ее куклой. А потом явился Талиессин и украл ее. Беспардонно спер, если называть вещи своими именами.

– В первый раз слышу о том, что мой отец играл с куклами! – поразился Гайфье.

– Ну, он с ними играл, – протянул Ренье. – В те годы в народе поговаривали о том, что принц Талиессин – не мужчина, что от него не может быть детей, что он вообще не в состоянии иметь дело с женщинами. Разное говорили.

Гайфье только качал головой. Никогда в жизни он не слышал подобных вещей о регенте Талиессине. Напротив. Регенту приписывали множество бастардов, шептались о его любовных связях с женщинами по всей стране, рассказывали легенды о его бурном романе с собственной женой. Ходили даже слухи о том, что Талиессин в свое время не то командовал отрядом наемников, не то возглавлял шайку бандитов.

Как бы то ни было, в представлении мальчика отец был настоящим мужчиной. Даже слишком настоящим. Трудно представить себе время, когда Талиессин кому-то казался существом, достойным лишь брезгливой жалости.

– Да, вообразите себе, принц Талиессин играл с куклами, – повторил Ренье задумчиво. – Ему нравилось дразнить окружающих. Его не любили даже его приближенные – придворные кавалеры. А я был в их числе.

– И тоже его не любили? – не веря собственным ушам, спросил Гайфье.

Ренье рассмеялся.

– Я-то? Нет, я – другое дело. Мне нравился Талиессин.

– А сейчас?

Ренье удивленно взглянул на своего молодого собеседника.

– Нравится ли мне теперешний Талиессин?

Мальчик молча кивнул.

– Да, – уверенно ответил Ренье. – Теперешний Талиессин мне нравится. Впрочем, не думаю, чтобы он сильно переменился. Он всегда был таким, просто прежде мы этого не видели. Другое дело, что теперешний Талиессин во мне не нуждается.

– Понимаю, – пробормотал Гайфье.

Его старший собеседник встряхнул кувшином и обнаружил, что там пусто. Поднялся со скамьи.

– Мне пора уходить, – сказал он. – Увидимся в другой раз. Когда я что-нибудь вспомню еще.

– А вы вспомните?

– Непременно, – обещал Ренье. – Память – такая хитрая штука! Начни щекотать ей пятки, как она тотчас выдаст тебе все свои секреты. А секретов там – толстые залежи! Только копни поглубже.

* * *

Эскива не столько ходила, сколько бегала – по дворцу, по саду. Если бы ей дали волю, она бегала бы и по улицам столицы, и по дорогам Королевства. Ей трудно было передвигаться степенно, как надлежало царственной особе.

– Будь у меня крылья! – жаловалась она брату. – Я бы летала.

Гайфье, который твердо ступал по земле, не понимал ее.

– Когда ты несешься сломя голову, ты и половины происходящего вокруг не замечаешь.

– А я обязана замечать? – удивилась Эскива.

– Иногда это бывает полезно.

– И какую пользу ты извлекаешь из своей наблюдательности? – прищурилась Эскива.

– Например, встретил человека, который знал мою мать, – выпалил Гайфье.

Поначалу он хотел удержать этот секрет в себе. Владеть тайной, холить ее в уме, гладить по шерсти, как любимую собаку, – это было сладостно. Но поделиться ею с сестрой, увидеть, как та удивленно округлила рот и заблестела зелеными глазами, – в этом тоже имелась своя прелесть.

Радостное любопытство сменилось на лице Эскивы беспокойством.

– Но ведь ты... – начала она и замолчала.

Гайфье внезапно ощутил неловкость.

– Что?

– То, как госпожа Горэм это выразила... Что мы не родня...

– Глупости! – Гайфье уперся кулаком в бодро. – Выбрось это из головы. До тех пор, пока тебе нужен брат, он у тебя есть, Эскива.

Она опустила глаза.

– И что этот человек рассказывал тебе о твоей матери?

– Что она передевалась куклой... Много интересного.

– А, – протянула Эскива. – Ну ладно. Познакомишь меня с ним как-нибудь при случае.

И убежала.

Длинная светлая галерея во дворце была разрисована фигурками девушек, танцующих с лентами в руках. Если быстро мчаться по этой галерее, не отводя глаз от фигурок, то начинает казаться, будто девушки действительно двигаются, а ленты извиваются, как живые.

Ветки деревьев проникали в галерею через раскрытые верхние окна, и, когда ветер раскачивал их, по противоположной стене двигались причудливые резные тени.

А посреди этого призрачного царства шевелящихся теней и пляшущих настенных росписей бежала эльфийская девочка с золотистой кожей и темными волосами, и только очень яркое солнце могло вызвать медный отлив на ее туго заплетенных косичках.

И вдруг все оборвалось. Эскива запнулась о что-то невидимое и упала, раскинув руки, точно собираясь взлететь.

Она рухнула на пол. От боли, а главное – от обиды у нее потемнело в глазах. Круги и искры затмили ей зрение. Но самое ужасное и обидное было то, что она расквасила себе нос. Кровь закапала на пол, на одежду девочки.

Она села, схватилась за голову. Покачалась из стороны в сторону, надеясь, что так скорее придет в себя. Голова гудела, нос испытывал острую боль, а из глаз лились слезы.

– Как такое могло случиться? – прошептала Эскива.

Она всегда не ходила, а бегала. И быстрее всего – по своей любимой галерее. Об этом всякий во дворце скажет: ее величество летает, как птица, чуть-чуть приподнявшись над землей. Юность и кровь Эльсион Лакар – кипучее сочетание.

И вот теперь ее величество упала и расквасила себе нос. Скоро набегут фрейлины, начнут причитать, вытирать ей лицо, потащат умываться, переодеваться, уложат в постель, принесут сладости. Почитают ей вслух книжку, если она попросит.

Ой, нет. Она не может предстать перед ними в таком виде. Ей нужно привести себя в порядок. Она – королева, она должна вызывать к себе почтение.

Эскива провела рукой вокруг себя и вдруг нащупала то, обо что она споткнулась. Тонкий, выкрашенный черным шнурок, натянутый поперек галереи. Она не заметила его, потому что во время бега смотрела на расписные стены. И, что самое неприятное, – возле места ее падения имелся кинжал.

Воткнутый рукояткой в пол и повернутый вверх острием, он находился как раз там, куда Эскива бы упала, если бы бежала по самой середине галереи. Лишь по случайности она оказалась в шаге от смертельной ловушки.

Несмотря на то что день был жарким, девочка ощутила пронизывающий холод. Все выглядело так, словно ее хотели убить.

Но ведь этого не может быть!

Для людей она всегда была желанной эльфийской владычицей. Она давала кровь Эльсион Лакар Королевству. Без нее Королевство погибнет. Она – величайшая ценность страны.

Мысль о том, что есть кто-то, ненавидящий ее настолько, чтобы попытаться убить, показала Эскиве противоестественной. Она расплакалась снова.

Она не знала, сколько времени просидела на полу, глотая слезы. Должно быть, не слишком долго, потому что ни одна фрейлина так и не появилась в галерее. Свидетелей ее падения и горя не было.

И Эскива взяла себя в руки. Встала. Взяла кинжал, обрезала шнурок. Спрятала его вместе с кинжалом в рукаве. Ей нужно побыть наедине с этими вещами, чтобы хорошенько все обдумать.

И она ушла к себе, стараясь держаться так, чтобы ни у кого не возникло и тени подозрения.

Комнаты Эскивы представляли собой своего рода «цветок» с большой круглой «сердцевинкой» и четырьмя «лепестками». «Сердцевина» была приемным залом, с полукруглыми диванчиками и маленьким фонтаном посередине. В стене приемного зала имелись двери: одна вела в спальню королевы, другая – в ее будуар, третья – в кабинет, четвертая – в комнату для занятий и рукоделия.

Туда и направилась Эскива. Эта комната была самой светлой. Кроме того, там можно было разложить самые неожиданные вещи и не вызвать ничего подозрения. Эскива занималась вышивками, немного мастерила, отдавая предпочтение созданию игрушечных фантастических зверей. Но чаще всего она писала красками или ткала.

Вид шнурка ничего не говорил Эскиве. Разве что его цвет... Она потеряла шнурок пальцами. Так и есть! На пальцах остались следы краски. Скорее всего, тот, кто готовил покушение, позаимствовал черную краску у самой предполагаемой жертвы. Что ж, усмехнулась маленькая королева, в таком решении имелось некое изящество.

Кинжал мог поведать девочке куда больше. Она провела пальцами по лезвию, потрогала рукоятку. Она уже видела эту вещь раньше. Рукоятка, парная к шпаге... Тот же узор, те же тонкие металлические хитросплетения – ловушка для кончика шпаги. Любимый кинжал Гайфье.

Глава пятая

ДЕЛИКАТНОЕ ПОРУЧЕНИЕ

Бальяну минуло шестнадцать, когда он свел дружбу с гномами. Точнее, с одним гномом – но тот, кого назвал другом хотя бы один гном, может рассчитывать на подобное же отношение со стороны всего народа.

С вязанкой хвороста сын Эмеше поднимался к своей хижине. Утром он вынул из силков зайца и теперь готовился отменно закусить. У него еще оставались пряности, купленные в поселке, и полмешка овощей – репы, моркови, капусты. Несложные мысли текли в голове Бальяна, и меньше всего он готов был к неожиданной встрече, которая подстерегала его возле самой хижины.

– Эй, ты! – услышал он резкий голос, звучащий как будто ниоткуда.

Бальян выронил вязанку, схватился за кинжал, висевший у него на поясе.

– Держи руки при себе, – сказал голос, – я тоже умею размахивать ножом, да толку от этого не бывает. Ясно?

– Ясно, – сказал Бальян и наклонился за своей вязанкой. – Хватит прятаться, – добавил он. – Если ты такой храбрый, покажись.

– Здесь никто не прячется, кроме злых намерений, если таковые имеются, – сказал голос.

Из-за приоткрытой двери хижины выступил невысокий коренастый человечек с бородавками на лице и особенно на носу, с жесткими растрепанными черными волосами и бородой и непомерно длинными ручищами.

– Егамин, – буркнул он.

– Меня зовут Бальян, – сказал юноша. – Входи.

– Да я уж и вошел, кстати, – сообщил Егамин.

– После приглашения входить слаще, – сказал Бальян.

Егамин подвигал густыми бровями, пошевелил носом и сказал:

– Ну, наверное, ты прав.

Они устроились в хижине. Бальян разложил огонь в очаге и принялся жарить зайца. Егамин беспокойно наблюдал за тем, как мясо покрывается золотистой корочкой, шумно втягивал ноздрями воздух, вертелся и время от времени бросал на Бальяна испытующие взгляды, как будто хотел заглянуть в самое нутро своего будущего сотрапезника.

Бальян истолковал эти взоры по-своему:

– Если ты голоден, могу угостить тебя лепешкой, только она черствая. Я сам хлеба не пеку, беру у горняков в поселке. Для меня нарочно делают лишние.

– А разве это не запрещено? – удивился Егамин.

– Почему запрещено? – в свою очередь удивился Бальян.

– У ваших в поселках такие обычаи, – пояснил Егамин. – Я нарочно интересовался. Все по счету. Мука по счету, лепешки – тоже.

– Не знаю. – Бальян пожал плечами. – У меня есть собственные деньги, так что я просто размещаю там заказ.

– Заказ?

– Ну да. Нет ничего проще. Договариваешься с мастером и размещаешь заказ, а потом оплачиваешь. Осталось ли что-то из того, что тебе непонятно?

– Да, – сказал Егамин. – Откуда у тебя собственные деньги?

– А что?

– Молод еще! – отрезал гном.

Бальян немного поразмыслил над его словами, а потом спросил:

– Разве деньги и молодость каким-то образом противоречат друг другу?

– Не знаю, – сказал гном, явно нервничая. – Откуда мне знать? Я не человек. Ваши обычаи остаются для меня непонятной белибердой. Абракадаброй – если угодно.

– Да нет, не угодно, – сказал Бальян и помрачнел.

Он видел, что его собеседник чем-то сильно взволнован, но не решался задавать вопросы. Из обрывочных сведений о гномах, которые ему удалось получить от горняков, Бальян знал, что этот народец не любит распространяться о своих делах, особенно перед посторонними. Требуется затратить очень много сил и времени для того, чтобы войти в доверие к ним. Обычно людям это не удается – гномы отвергают любые предложения дружбы и строго придерживаются того договора о мире и сотрудничестве, который первый герцог Вейенто, Мэлгвин, заключил с их вождями.

– Стало быть, у тебя есть собственные деньги, хоть ты и молокосос, – сказал Егамин.

– Ну да. Я ведь только что тебе об этом рассказывал.

– Ага. Значит, ты – знатный молокосос.

– Можно выразить и так.

Егамин воззрился на него с возмущением.

– А теперь скажи мне, Бальян, против чего ты протестуешь: против «знатного» или против «молокососа»?

– По большому счету неверно и то, и другое. Я не так уж молод, коль скоро в состоянии жить один, сам могу поймать зайца или договориться с другими людьми о том, чтобы для меня выпекали хлеб.

– Кстати, дай его сюда, – оборвал Егамин.

Он схватил черствую лепешку и в мгновение ока сглодал ее желтыми квадратными зубами.

– С другой стороны, – неторопливо продолжал Бальян, – трудно считать меня знатным...

Егамин застыл с последним недожеванным куском за щекой. Потом его бородатая челюсть медленно задвигалась вновь.

– Так ты – ублюдок герцога? – выговорил наконец Егамин. – О тебе болтали. И люди в поселке, и наши – тоже.

– Вот против слова «ублюдок» я намерен протестовать, – сказал юноша.

– Почему? Разве оно неточное?

– Слишком уж точное... и к тому же оскорбительное.

– Прости. Прости. – Гном забегал глазками, о чем-то поспешно размышляя. Потом удивленно спросил: – А как тебя называть?

– Просто по имени. Бальян.

– Но герцог – твой отец?

– Да.

– Ты с ним знаком?

– Нет.

– Придется познакомиться, – сказал Егамин.

– Но я вовсе не хочу знакомиться с моим отцом! – возмутился Бальян. – Для чего мне это? Шестнадцать лет он не желал ничего слышать обо мне, и вдруг я к нему явлюсь: «Милый папа, я – твой ублюдок... Позволь тебя обнять!»

– Ага! – возликовал гном. – Ты сам себя так называешь.

– Мне можно, тебе нельзя.

Гном опять насупился, потом махнул рукой:

– Меня предупреждали, что понять человека практически невозможно. Занятие для слабоумных. А я – один из самых умных. – Он понизил голос и добавил: – Я посещал специальные

курсы «Основы человеческих повадок, их обычаи, бытовое поведение и представления о хорошем». У нас организовали несколько лет назад для желающих.

– Здорово! – воскликнул Бальян. – А кто там преподает?

– Самые мудрые гномы, разумеется.

– Вам лучше бы пригласить в качестве консультанта какого-нибудь человека, – посоветовал Бальян.

Егамин сильно замахал руками.

– Ты что! Ты что! Людям запрещен вход в наши города. Ты разве не знал? Это предусмотрено договором с герцогами Вейнто. Твой отец, кстати, подтвердил эту договоренность. Ни один человек... кроме некоторых особых случаев... – Он задумался. – Впрочем, в виде учебного пособия человек был бы на таких курсах очень кстати.

– В виде консультанта.

– Нет, – сказал гном тоном, не терпящим возражений.

– Хорошо, – согласился Бальян. И вдруг вскинулся: – Не меня ли ты хочешь пригласить на эту должность?

Гном замялся.

– Ну, раз уж ты об этом заговорил... Впоследствии можно было бы подумать и о такой форме сотрудничества... Нет, вообще-то я пришел по совершенно другому делу. Необходимо поговорить с герцогом.

– Вот ты и поговори. Гномам не запрещен вход в человеческие поселения. И в замок Вейнто – тоже. Входи да разговаривай сколько душе угодно.

Бальян снял зайца с огня и, положив на глиняное блюдо, начал разделявать. Гном нервно поглядывал то на мясо, то на выход из хижины, то на спокойное лицо юноши. Наконец Егамин снова решил нарушить молчание:

– Видишь ли, я не могу.

– Ну так пусть этим займется кто-нибудь из ваших мудрейших.

– Невозможно.

Бальян отложил нож, уселся удобнее, уставился в лицо своему собеседнику.

– Егамин, у тебя есть какое-то важное дело к моему отцу. Я так и не понял, кто все-таки должен обсуждать его с герцогом Вейнто.

– Ты, – сказал Егамин.

– Кажется, я достаточно ясно высказался по последнему вопросу. Нет.

– Да, – упрямо заявил Егамин.

– Почему?

– Я открою тебе... – Егамин облизнулся. – Нет, сперва давай поедим.

– Может быть, сначала все-таки объяснишь?

– Я боюсь, что после этого объяснения ты меня выгонишь и не видать мне зайчатины, а она на удивление хорошо пахнет. Обычно человеческая кухня жутко смердит.

Бальян рассмеялся.

– Это потому, что в поселке чаще всего пахнет подгоревшей кашей. Угощайся. Давай разговаривать за едой.

– Ты действительно волнуешься? – удивился гном.

– По правде сказать, да, – кивнул Бальян.

– Это хорошо... Дело очень деликатное. Видишь ли, ваши горняки добрались до одного места, которое им представляется богатым месторождением берилла.

– Что-то я не слышал об этом.

– Еще услышишь. Они близки к цели. Завтра-послезавтра отыщут.

– Если это месторождение находится на землях, которые, согласно договору, людям разрешено разрабатывать, не вижу проблемы, – сказал Бальян. – Уверю тебя, герцог Вейенто не нарушит ваших прав ни на йоту.

– Так-то оно так, да это мы хотим нарушить ваши права... – вздохнул гном. – Просить об этом герцога лично мы не можем. В герцогстве все по закону. В обход закона можно пойти только в одном случае: если действовать через родственников.

– Это ваши мудрейшие на курсах «Основ человеческого поведения» тебе рассказали?

– Да нет, просто так делаются дела во всем мире и у всех народов, не только у людей, но и у гномов, и у драконов – если таковые существуют... вообще у всех.

Бальян рассмеялся.

– Я – не самый удачный выбор родственника. А что это за бериллы, если вы не хотите, чтобы мы их разрабатывали?

Гном замялся.

– Если ты хочешь, чтобы я переступил через себя и явился знакомиться с отцом, имея на руках гномскую просьбу, – сказал Бальян строго, – то тебе тоже придется переступить через себя и открыть мне тайну.

– Даже постыдную?

– Ничего не поделаешь. Я – друг.

– Да, ты друг, – согласился Егамин, жуя зайчатину. – Еще какой друг! Ладно, слушай. Как тебе известно, каждый гном после смерти превращается в камень... Мне продолжать? – с откровенной надеждой на отрицательный ответ спросил он.

Бальян сделал строгое лицо и кивнул.

– Ладно, – сдался гном. – В зависимости от нрава, степени добродетельности, законопослушности, мудрости, трудолюбивости и других качеств гном превращается в гранит, рубин, изумруд, кварц... Мне продолжать?

– Перечисление камней можно остановить, – сказал Бальян. – Продолжай о главном.

– Жил среди нас мудрый по имени Алестир, – вздыхая на все лады, сказал гном. – Нрав у него был тяжелый, но он многое знал, а чего не знал, то провидел. Словом, он насмерть разругался со старейшинами, нарушил подряд десяток законов, если не более, и в конце концов был изгнан. По слухам, он жил с любовницей из человеческого рода. По счастью, у него не было детей, не то мы бы вообще не знали, куда деваться от стыда!

– Так может, и любовницы не было? – предположил Бальян.

– Нет, любовница была... – Егамин тяжело вздохнул несколько раз подряд и потянулся за новым куском мяса. – Когда настала Алестиру пора умирать... Мне продолжать?

Бальян молча кивнул.

Разразившись новой серией хриплых вздохов, Егамин наконец подступился к главному:

– Великая мудрость превратила плоть Алестира в берилл. Гигантский монокристалл берилла. Почти без трещин. Перед смертью старый хрыч решил подарить гномское каменное бессмертие и своей любовнице. Он попросил ее обнять себя в последний раз. Доверчивая дура так и сделала – и застыла внутри кристалла, как муха в янтаре!

– Стало быть, не сегодня-завтра наши горняки найдут огромный монокристалл берилла, внутри которого находится тело женщины?

Бальян, казалось, не мог поверить услышанному. Егамин кивнул.

– Ты выразил в нескольких словах то, о чем мы на большом совете всего народа пытались сказать в течение пяти суток непрерывного совещания!

– И этот кристалл находится на человеческой земле?

– Точно. Ведь Алестир умер в изгнании!

– Кошмарная ситуация.

– Весь наш позор выйдет наружу! – Гном разволновался так, что забегал по тесной хижине, мелко жуя на ходу. – Люди узнают о том, что мы изгнали мудреца! Люди будут глазеть на застывшую женщину! Люди поймут, что гном взял себе любовницу из вашего племени! Словом, это будет общий крах нравственности.

– Ты хочешь, чтобы я отправился к Вейенто и шепнул ему на ухо просьбу – не разрабатывать участок, который я ему укажу?

– Точнее не выразишь... От имени нашего совета старейшин я приглашаю тебя на наши курсы «Основ человеческого поведения» в качестве учебного пособия. Оплата почасовая.

Бальян сказал:

– Я выполню вашу просьбу. Мне очень хотелось бы дружить с народом гномов, потому что общение с людьми почему-то мне не дается, а жить в одиночестве иногда бывает утомительно.

Гном остановился посреди хижины. Глянул на Бадьяна совершенно обезумевшим взором, а затем преспокойно произнес:

– А, ну вот и хорошо. Я знал, что ты согласишься.

* * *

Первая встреча Бальяна с отцом состоялась, таким образом, по просьбе народа гномов. Герцогу Вейенто доложили, что его желает видеть представительство его союзников по совершенно личному, конфиденциальному и, можно сказать, тайному делу. Вейенто, чрезвычайно дороживший отношениями с подземным народом, сразу отложил все дела и согласился принять их представителя.

Каково же было удивление герцога, когда к нему ввели не бородатого гнома с могучими ручищами, а юного представителя рода человеческого! Юноша, костлявый, крепкий, со скуластым лицом и волосами цвета соломы, очень просто одетый, поклонился герцогу, и по этому поклону Вейенто сразу понял: паренек кланяться не привык.

– Я ждал гнома, – сказал Вейенто вместо приветствия. – Кто ты?

– Меня зовут Бальян, – ответил юноша спокойно, – и я действительно представляю перед вашей милостью интересы народа гномов.

– Кто ты? – снова спросил герцог. – Гномский выкормыш? Я слышал о том, что иногда гномы подбирают человеческих детей и позволяют им вырасти в подземных городах. Такие люди становятся потом посредниками между двумя мирами.

– Если таковые и бывают, то мне о них ничего не известно, – ответил юноша. – Нет, ваша милость, я вырос среди самых обычных людей.

– В таком случае объясни, почему гномы обратились к тебе с просьбой говорить передо мной от их имени, – потребовал герцог. – У тебя есть какие-то особые заслуги перед ними?

Юноша покачал головой.

– Они надеялись, что ваша милость прислушается ко мне, потому что... – Он набрал в грудь побольше воздуха и замолчал. Он и не подозревал о том, как трудно будет ему выговорить эти слова, но наконец решился: – Потому что я ваш сын, ваша милость. Я – Бальян, сын Эмеше. Разве вы забыли о ней?

Вейенто сдвинул брови.

– Разумеется, я не забыл Эмеше. Она была... чудесная. Замечательная. Она любила меня. Не мой титул, а меня. Старалась во всем угодить, не требовала ничего... – Он вздохнул. – Сказать по правде, я до сих пор частенько о ней жалею. Как она живет?

– Она сошла с ума, – спокойно ответил Бальян и с удивлением увидел, что герцог вздрогнул. – Неужели вашей милости не доносили об этом? Я думал, вы знаете обо всем, что происходит в герцогстве.

– Да... Но я не верил, – пробормотал герцог. – Она всегда была такая... здравомыслящая. Любила красивые вещи. Твердо стояла на земле. Как-то не верится...

– Ну так пусть поверится. Моя мать сошла с ума, потому что слишком сильно любила вашу милость. – Бальян помолчал немного, потом добавил со всей силой молодой искренности: – Впрочем, если хотите знать мое мнение, ваша милость, она, по всей вероятности, и прежде была не вполне нормальна. Я думаю, она потеряла бы рассудок в любом случае. Только это приняло бы какие-то другие формы. Она слишком страстная, так мне объяснял мой воспитатель. Он говорил, что у некоторых женщин дурная кровь плохо влияет не только на поведение, но и на умственные способности.

Вейенто пробормотал:

– Благодарю...

Как ни был он взволнован известиями об Эмеше, он продолжал внимательно наблюдать за своим незаконным сыном. За юным незнакомцем. Отметил его речь – спокойную, правильную, временами даже книжную. Речь образованного человека. Хорошо, что его обучили читать.

– Но почему же гномы облекли тебя таким доверием?

– Вероятно, у них больше никого под рукой не оказалось...

И Бальян рассказал историю о гноме-изгнаннике. Вейенто выслушал без улыбки, вполне серьезно, и в заключение кивнул:

– Согласен. Я выполню их просьбу. Сегодня же отправлю письмо с запрещением исследовать этот район. Без всяких объяснений, разумеется.

Вейенто встал. Несколько секунд он колебался – не следует ли ему обнять сына, но затем ограничился тем, что протянул ему руку для поцелуя. Бальян взял отца за руку, подержал немного и отпустил.

– Я был рад встретиться с вашей милостью, – просто сказал он. – Прощайте. Благодарю вас за понимание.

Глава шестая

НАМЕКИ И НЕДОМОЛВКИ

Теперь Гайфье обедал в обществе Пиндара. По-видимому, компаньон считал своей обязанностью развлекать молодого господина беседой во время вкушения пищи. Сам Пиндар трапезничал весьма умеренно и при том являл столь изысканные манеры, что у Гайфье кусок застревал в горле.

Мальчик привык есть быстро, хватая мясо руками и орудуя ножом, вилку же оставляя в пренебрежении. Пиндар находил это недопустимым, однако сказать о том прямо не осмеливался и потому решил представлять собою воплощенный укор ухваткам королевского брата.

– Вы уже побывали на псарне? – спросил Гайфье своего компаньона. Мальчик говорил с набитым ртом, потому что но обыкновению торопился.

– Нет, мой господин, – отозвался Пиндар степенно. – Пока что не нашлось времени. Хотя я непременно загляну туда, коль скоро вы на этом настаиваете.

– Да нет, не настаиваю, – пробормотал Гайфье. – Я думал, вам охота поглядеть на рыжего. Помните, я рассказывал?

– Разумеется, – молвил Пиндар. – Однако я прогуливался по саду в поисках достойных тем для разговора. Изысканные застольные беседы – необходимость для...

– Да бросьте вы! – перебил Гайфье. – Для меня нет никакой такой необходимости. Я – просто Гайфье, помните?

– Возможно, когда-нибудь ее величество захочет видеть вас рядом с собой, – сказал Пиндар многозначительно. – И тогда вам непременно пригодится все то, чему вы были обучены в юные годы.

– Ее величество усадит рядом с собой на трон своего мужа, когда придет ее время, – сказал Гайфье. – А меня ждет веселая жизнь, полная приключений. И собак, – добавил он, лукаво блеснув глазами. – В моем положении есть кое-что хорошее. Да что говорить, я считаю его наилучшим!

– Вы это всерьез? – осведомился Пиндар.

– Конечно!

– В таком случае у вас счастливый характер, мой господин, – заявил Пиндар и отрезал ножичком маленький кусочек от мяса, лежавшего у него в тарелке. Он нацепил кусочек на зубчик вилочки и деликатно отправил его в рот.

Гайфье вдруг ощутил отвращение. Он не понимал, откуда взялось это чувство, но оно было однозначным. Вид пса, лопающего из миски, никогда не пробуждал в мальчике подобных эмоций, наоборот. А аккуратно жующий Пиндар с полужакрытыми глазами и отставленным мизинцем почему-то вызывал прямо противоположную реакцию.

Гайфье поскорее проглотил то, что держал за щекой. Схватил кубок, выхлебал сильно разбавленное вино.

– Ну ладно, я пойду, – сказал он, вскакивая.

Пиндар с кроткой укоризной принялся отрезать новый кусочек.

– Желаю вам приятного дня, мой господин. Если я понадобится, позвоните. Я буду у себя.

– Угу, – сказал Гайфье, спасаясь бегством.

«В принципе, он не так уж и плох, – думал мальчик, направляясь к приемной королевы. – Над ним можно подшучивать, подсовывать ему лягушек в постель, высмеивать его эстетические принципы... или завести разговор о прелестях гниения во время обеда – интересно,

поперхнет он или нет? В общем, есть где разгуляться. С няней Горэм такой фокус бы явно не прошел».

Ему хотелось поделиться с сестрой своими наблюдениями. Может быть, она захочет принять участие в розыгрышах, которые ожидали ничего не подозревающего компаньона.

Гайфье вошел в приемную и первым делом сунул жирные пальцы в фонтан. Прополоскав их в прозрачных струях, мальчик вытер руки об одежду и крикнул:

– Эскива! Ваше величество!

Он обошел все двери, выходящие в круглую приемную, и постучал в каждую по очереди.

– Эскива! Ты здесь?

Она находилась в своем кабинете.

– Входи.

Дверь распахнулась. Гайфье ввалился в рабочую комнату сестры и остановился посреди развала. Везде лежали раскрытые коробки с красками, на полу подсыхали только что законченные рисунки.

На одном была изображена летящая девичья фигурка с раскинутыми руками и море кинжалов под ней. Другая представляла девочку с крыльями, танцующую на ножах. Танцовщица стояла, поднявшись на пальцы и едва прикасаясь кончиками пальцев ног к задранным остриям ножей, а крылья ее напряженно трепетали.

Третья работа еще не была закончена. Она явно не получалась; Эскива быстро перечеркнула ее кистью крест-накрест и бросила на пол.

– Хорошо, что ты пришел, – сказала она брату.

Она держалась странно. Напряженно и отстраненно. Как будто у нее имелась какая-то нехорошая тайна, в которую она ни за что не посвятит Гайфье, даже если он сильно попросит.

Ему сразу расхотелось делиться с нею своими планами касательно превращения жизни Пиндара в сплошную клоунаду. Он наклонился над готовыми рисунками. Нехорошее предчувствие закралось в его душу. Он не мог найти определения этому. Просто стало тяжело на сердце. Как будто детство закончилось, и ему только что сообщили об этом.

Эскива внимательно наблюдала за братом.

– Нравятся картинки? – кивнула она на еще влажные рисунки.

Он пожал плечами.

– Немного зловеще. Но в общем и целом – да, пожалуй, нравятся.

И тут поймал ее взгляд. Она смотрела прямо ему в глаза, так пристально, что ему стало совсем не по себе.

– **НРАВЯТСЯ?** – переспросила Эскива так, словно вкладывала в это слово какой-то дополнительный смысл. И он, Гайфье, обязан был понять, что это за смысл и что все это означает.

Но он ничего не понимал.

– Ну да, – протянул он растерянно. – Ты рисуешь все лучше и лучше... Тайнственно и волшебю. Совершенно в духе Эльсион Лакар. – И с отчаянием добавил: – Эскива, я не знаю, что еще сказать! Мне просто нравится.

– И форма, и содержание? – уточнила она.

– Скорее форма, чем содержание, – признал Гайфье.

– Да? Почему?

– Эскива, не наседай на меня так – довольно с меня и Пиндара! – взмолился Гайфье. –

По-моему, сюжеты немного пугают...

– Тебя это пугает? – наседала Эскива.

– Вы оба сегодня взялись меня мучить! – Гайфье взмахнул руками и едва не своротил на пол коробку с красками. Эскива успела ее поймать в последний момент. – И ты, и Пиндар! Видела бы ты, как он кушает! Стошнить может.

– А, – протянула девочка с подчеркнуто рассеянным видом. – Ну, конечно. Кстати, я тут нашла случайно. Забери.

Она положила перед ним кинжал. Гайфье взял его в руки, повертел.

– Нашла? – удивился он. – Где?

– В галерее.

– Что он там делал?

– Не знаю, он не говорит. Лежал.

– Странно, – пробормотал Гайфье. – Лежал в галерее? Но я не был в галерее, ни сегодня, ни вчера.

– Ну, не знаю уж, когда ты его там обронил, – сказала Эскива. – Во всяком случае, забери, чтобы никто не поранился.

Гайфье машинально потрогал острое и, конечно, тут же наколол палец. Он сунул палец в рот, скорчил гримасу.

– Шуточки у тебя, – пробормотал он. – Что еще?

– Не знаю. – Она передернула острым плечиком. – До конца дня многое может случиться. Или ничего.

– Ладно, я пойду, – сдался Гайфье. Он утратил всякую надежду понять, куда клонит Эскива. Иногда на сестрицу нападало такое настроение, что безопаснее было держаться от нее подальше.

– А, ну хорошо, иди, если тебе надо, – с подчеркнутым равнодушием сказала она.

Гайфье выскочил из ее комнаты.

Держа кинжал в руке, он отправился бродить по дворцу. Придворные дамы сестры провожали его насмешливыми взглядами.

Некоторые из этих девушек уже заглядывались на пригожего сынка Талиессина. Он выглядел старше своих четырнадцати, так что вполне мог стать парой и для шестнадцатилетней девушки, и для семнадцатилетней и даже для восемнадцатилетней. Ни одна из них пока что не была удостоена его вниманием, но они продолжали вести осаду и порой просто не давали ему прохода.

Когда по дворцу распространилась весть о том, что Уида вовсе не мать Гайфье, интерес фрейлин к мальчику отнюдь не уменьшился. Напротив, стал сильнее. Коль скоро Гайфье – не только не наследник трона, но и вообще не Эльсион Лакар, а всего лишь внебрачный отпрыск регента, шансы заполучить его в мужа существенно возросли.

Он продолжал не замечать их взглядов, их перемигиваний и двусмысленных улыбок. Совсем другие мысли занимали королевского брата. Дурное предчувствие, появившееся у него при виде новых рисунков Эскивы, с каждой минутой усиливалось. Он уселся на скамью, что стояла у стены галереи, напротив окна, и принялся рассматривать свой кинжал.

Что-то не складывалось. Он брал с собой кинжал, это точно. Ему нравилось чувствовать себя вооруженным. Красивая и коварная рукоять, прочное острое лезвие. И ножны под стать.

Когда же он обронил кинжал? Как это могло случиться?

Гайфье провел пальцами по рукоятке и вдруг нащупал шершавину. Не веря открытию, поднес к глазам. Так и есть, свежая царапина на рукоятке. С чего бы ей там взяться?

Он покачал головой. Бедная его голова! Ее как будто набили сырыми опилками – он больше ничего не соображал. И сколько ни пытался заставить себя думать, у него не получалось. Сплошная мыслительная глухота.

Надо будет спросить Пиндара: случается ли с ним нечто подобное. Гайфье подозревал, что подобный ступор – одно из обычных явлений взрослой жизни. Детская острота соображения как будто навек покинула его, и оттого душа вдруг наполнилась мутной тоской.

Гайфье встал и медленно пошел по галерее, осматривая на ходу стены и пол. Он не знал, что именно ищет, но, когда нашел, сразу догадался: вот оно! То, чего здесь быть не должно,

и то, что тем не менее имелось. Странно, почему оно никому не бросилось в глаза. Наверное, потому, что никто больше не терял здесь кинжалов.

Гайфье подошел к стене, опустился на колени, осмотрел и даже обнюхал, как пес, обрывок веревочки, прикрепленной к стенке. Веревочка была привязана к кольцу, куда в темное время суток вставлялся держатель для факела. Обрывок, выкрашенный в черный цвет.

Не до конца понимая происходящее, Гайфье повернулся и глянул на противоположную стену. Такое же кольцо для держателя – и такой же обрывок.

Тонкий шнурок, черный, почти неразличимый в рассеянном свете, заливающим галерею. Он был протянут поперек пути с таким расчетом, чтобы об него споткнулись и упали. Учитывая привычку Эскивы бегать по галерее сломя голову и не смотреть под ноги...

Гайфье похолодел. Прошелся поперек галереи, от одного обрывка до другого. И рухнул на колени там, где разглядел щербины в полу. Со стороны могло бы показаться, что мальчик оказывает мистическое поклонение какому-то незримому божеству, что внезапно явилось перед ним в галерее. Дрожащими руками он ощупал пол. Теперь стало понятно, почему шнурок натянули именно здесь. Тот, кто втыкал кинжал рукояткой вниз, искал место, где каменные плиты пола расходились, освобождая достаточно пространства для рукояти. И все же ему пришлось постараться, пристраивая кинжал. На рукоятке и на камнях остались царапины.

Эскива бежала по галерее, зацепилась за шнурок и упала. Чуть левее – и кинжал пронзил бы ее сердце.

Гайфье подошел к окну, замер, приложившись лбом к теплой раме. Сад раскинулся перед мальчиком – сонный, спокойный, полный ленивого достоинства. Цветы не спеша распространяли густой аромат, листья чуть шевелились. Каждый куст, каждое дерево, каждая травинка были заняты собственным делом. Созерцать их дозволялось, мешать им – ни в коем случае!

Постепенно Гайфье успокаивался, туман, окутывавший сознание, рассеивался. Мальчик уже знал, что ему не почудилось: кто-то на самом деле пытался причинить вред его сестре. И этот «кто-то» воспользовался кинжалом Гайфье.

Разговаривать с Эскивой бесполезно. Когда у сестры случались неприятности, она замыкалась в себе. Бросала два-три намека, но до объяснений не снисходила. Оставалось одно: ждать, пока она перестанет таиться и все-таки заговорит. Дня через три-четыре. Тогда он попытается откровенно объясниться с нею.

А пытаться поговорить с ней сейчас означало нарваться на неприятности. Услышать десяток колких слов да пару намеков, от которых делается скверно на душе. Нет уж, спасибо. Он разберется сам и предоставит королеве собственные выводы.

Глава седьмая ДВА СНОВИДЕНИЯ

Труделиза была идеальной любовницей: красива, глупа, добросердечна и по мере возможности – щедра. Столь же идеальным рогоносцем являлся ее муж, королевский виночерпий. Старше жены на двадцать лет, он представлял собой классический образец зануды.

Именно такое определение подобрал для него Ренье, когда впервые обратил свои взоры на Труделизу. Виночерпий обладал внушительной фигурой. Он подавлял. Он обладал великолепными манерами и никогда не употреблял спиртного. По мнению Ренье, такому человеку нечего делать рядом с хорошенькой юной девушкой; однако, как нетрудно догадаться, мнения Ренье никто не спрашивал. Брак Труделизы был заключен. Ренье оставалось только попытаться исправить положение, чем он и занялся спустя год после замужества дамы.

Как раз к этому времени Труделиза начала скучать и томиться. Новизна супружеских отношений притупилась.

Каждый день происходило одно и то же: перед обедом виночерпий покидал апартаменты, отведенные ему с супругой в небольшом красивом флигеле в садах дворцового комплекса. В дверях он неизменно оборачивался и торжественно произносил: «Я обязан выполнить свой долг» – с таким видом, словно его призывали на поле брани.

На королевских обедах муж Труделизы тщательно следил за тем, как разливают, разводят водой и разносят вино. На этих церемонных трапезах обычно присутствовали все королевские фрейлины и сама королева.

Изредка Эскива уклонялась от сидения за общим столом и тайком перекусывала где-нибудь на кухне. Она называла это «совершить набег»: врывается в кухню, хватала какой-нибудь кусочек полакомее и, приветственно махнув рукой стряпухам, убегала.

Стряпухи втайне обожали ее за это. «Если у ребенка хороший аппетит, – говорила одна из них, самая авторитетная, – значит, и душа хорошая. Ну а раз ее величество любит покушать, стало быть, нас ожидает прекрасное правление».

Но, как правило, королева все-таки предпочитала являться в роскошную столовую и занимать место во главе стола с накрахмаленной скатертью. Кое-какую прелесть в церемонных приемах пищи она все же находила. Например, Эскиве нравилось не знать заранее, какое блюдо подадут. Это всегда выглядело как попытка устроить ей сюрприз.

Виночерпий с его устрашающей респектабельностью не входил в число любимых слуг Эскивы, но она мирилась с его присутствием. По крайней мере, он старался не попадаться на глаза и стоял при входе с суровым и мрачным лицом, в то время как слуги с подносами и чашами сновали взад-вперед.

После королевского обеда виночерпий обыкновенно удалялся в сад и проводил там час в размышлениях. Обычно эти «размышления» сводились к тому, что он дремал, поглядывая на фонтан и разбитую вокруг него клумбу. Никому не известно, какие мысли бродили при этом под его складчатым лбом.

Затем, очнувшись от приятной полудремы, виночерпий направлялся на королевскую кухню, дабы отдать там распоряжения касательно завтрашнего выбора вин и температуры воды, которой надлежит эти вина разбавить. После этого он считал возможным вернуться наконец домой, к очаровательной Труделизе.

Труделиза вела несколько иной образ жизни. Она вставала поздно и бездельничала до второго завтрака (первый она пропускала, а второй вкушала лежа в постели).

Затем гуляла, дабы не утрачивать нежного румянца. До вечера у нее имелось свободное время, но вечер она обязана была проводить в обществе мужа. Читать ему вслух, угощать его милой болтовней, купать в ароматических ваннах и укладывать спать.

Ренье точно угадал момент, когда Труделиза сочла свою жизнь лишенной цели и смысла, и предстал перед ней во всем блеске разочарованности, загадки и готовности развлекать.

Для начала дама заинтересовалась.

Несмотря на возраст и не вполне свежий цвет лица, Ренье все еще оставался привлекательным. Многие женщины просто обожали его – за готовность слушать их, давать им советы и любить их от всей души, зачастую ничего не требуя взамен.

– Я прежде вас не встречала, – заметила Труделиза в первый раз, когда «совершенно случайно» столкнулась с Ренье в королевском саду. – Кто вы?

– Мое имя Ренье, сударыня, и с некоторых пор я – полное никто, – ответил он, улыбаясь. –

Однако для вас я с удовольствием стану кем-то.

– Кем? – спросила Труделиза и пустила в него из-под ресниц убийственную стрелу.

– Кем захотите.

– Другом?

– С удовольствием.

– Советчиком?

– Несомненно.

– Подругой?

– Почту за честь.

– Умудренной тетушкой?

– Это всегда.

– Может быть, бабушкой?

– Бабушкой – пожалуй, чересчур. Дедушкой – с большим трудом. Вас не устроил бы кузен?

– Кузен? – Труделиза задумалась. – Кажется, это ловушка, – сказала она наконец.

– Почему? – удивился Ренье.

– Кузен – всегда ловушка для кузины.

– Идеально выражено, – сказал Ренье и взял ее под руку. – Пожалуй, остановимся на добром друге.

– И вы не будете претендовать на большее? – с подозрением спросила она.

– Разумеется, нет! – пылко ответил он.

После этого она пригласила его в свою постель.

Ренье навещал Труделизу два-три раза в неделю. Для них не составляло большого труда скрывать свои отношения от господина королевского виночерпия, поскольку тот никогда не нарушал собственного расписания и, следовательно, ни разу не застал любовников врасплох.

Труделиза давала Ренье деньги, снабжала его кое-какими безделушками, из тех, что существенно украшают жизнь, а он отвечал ей полным пониманием и, когда она изъявляла желание, дарил ей нежные ласки.

У Ренье имелись и другие сердечные подруги, в том числе и среди кухонных служанок: с этими он был не вполне честен, поскольку в отношениях с ними преследовал кое-какую корысть, но простые девушки не слишком на него обижались. «Бедняжка, досталось ему в жизни от женщин, – говорила одна из них, – вот помяните мое слово, когда-нибудь мы узнаем печальную любовную историю. Не его вина, что он не может любить только одну и ищет забвения среди десятка подруг».

Пиндар обнаружил Ренье, когда тот выбирался из покоев Труделизы. Поэт разгуливал по саду, осваиваясь с новым окружением. Изучал расположение комнат, знакомился с обитателями дворца.

Ему все было интересно: и любовные связи, и кулинарные предпочтения, не говоря уж о расписании дежурств придворной стражи и нравах здешних командиров...

Вид Ренье, лезущего через окно, не мог не привлечь внимания Пиндара. Поэт по достоинству оценил расположение окна: рассмотреть происходящее можно было лишь в том случае, если находиться в непосредственной близости. С одной стороны окно заслонял пышный розовый куст, с другой – изящная башенка, пристроенная к стене дворца, своего рода граненый «фонарик», в котором размещалась маленькая оранжерея.

– Эй! – окликнул Пиндар.

Ренье покачнулся, потерял равновесие и неловко свалился в траву.

– Это ты, – возмущенно сказал он, садясь и вытряхивая сухие листики из волос. – Зачем ты меня испугал?

– А ты испугался?

– Ужасно!

– Ладно, за мной угощение, – миролюбивым тоном произнес Пиндар. – Рассказывай, что ты здесь делал.

– Ну и что я здесь, по-твоему, делал? – досадливо отозвался Ренье. – Вылезал из окна. За окном находится комната, в комнате находится дама.

– Почему же через окно?

– Потому что даму не нужно компрометировать.

– Муж! – догадался Пиндар.

– Да, – кивнул Ренье без малейшего признака раскаяния. – Занудная скотина. Полагаю, выйдя за него замуж, моя дама поняла свою ошибку мгновенно, однако принять кое-какие контрмеры решила лишь через год после заключения брака. Что ж, ей повезло, потому что поблизости оказался я – неизменный утешитель одиноких и разочарованных женщин.

– По-твоему, это карьера?

– В своем роде – да, – сказал Ренье. – Одно плохо: с годами я делаюсь все менее интересен. Раньше достаточно было подмигнуть девушке – и она твоя, а теперь приходится подолгу морочить ей голову. По-моему, я старею.

– Это точно, – подтвердил Пиндар.

Ренье с укоризной взглянул на него.

– Мог бы и возразить, хотя бы для приличия.

– Ну уж нет! – рассмеялся Пиндар. – Не стану я соблюдать приличия с человеком, который лазает в окна к чужим женам!

Они прошли по саду. Пиндар с интересом озирался по сторонам.

– Значит, ее муж – виночерпий, – задумчиво повторил он.

– Полагаю, это не имеет большого значения, – сказал Ренье. – Поскольку он – фигура скорее умозрительная. Он не столько присутствует, сколько отсутствует.

– Удивительно, что ты ни разу не попался, – вздохнул Пиндар.

– Виночерпий живет по строгому расписанию, которое установил для себя сам, – пояснил Ренье. – Это очень удобно. И для него, и для меня не возникает неловких ситуаций. Знаешь, – добавил он, – я все думал над твоими словами – доволен ли я своей жизнью и не хочу ли что-нибудь в ней изменить. Ну так вот, в любом случае, если я затаю с этим, то скоро у меня просто не останется такой возможности...

– Почему? – строго спросил Пиндар.

– Я ведь уже сказал тебе, что старею... Старики консервативны. Коснеют в том, к чему привыкли. А я привык лазить в окна к чужим женам.

– У тебя ведь, кажется, есть имение в двух днях от столицы? – напомнил Пиндар. – Может быть, стоит отправиться туда, если в столице дела не складываются? В конце концов, жить на содержании у дамы как-то... постыдно, что ли.

Ренье поразился осведомленности Пиндара в том, что касалось материального состояния бывшего однокашника. Такие, как Пиндар, чрезвычайно внимательны к подобным вещам. Никогда не забывают того, что выяснили однажды, и зачем-то хранят это в памяти долгие годы.

А вот Ренье даже не потрудился узнать, есть ли у Пиндара какая-либо земельная собственность. Когда они учились в Академии, Ренье в основном занимался тем, что вышучивал эстетические принципы мрачного поэта и совершенно не интересовался его имущественным положением.

На миг Ренье подумалось: сколько еще человек знает о нем все? Собирает о нем сведения – просто так, на всякий случай. Как будто везде – в траве, в стенах домов, в камнях мостовой, даже в просвете между облаками – следят невидимые глаза.

Наваждение длилось недолго и скоро развеялось. Ренье принужденно засмеялся.

– Ладно, оставим мою даму в покое. В конце концов, я даю ей лишь малое утешение, а с годами и вовсе стану не нужен. Либо превращусь в друга семьи, что еще хуже. Буду посещать ее, в присутствии мужа, по определенным дням. Присутствовать на полдниках и рассуждать о сортах вина, погоде и дворцовых сплетнях.

Ренье передернуло, а Пиндар засмеялся.

* * *

Как ни старался Пиндар, ему не удавалось развеять дурное настроение своего господина. Гайфье, насколько успел разузнать Пиндар, обычно всегда отличался веселым нравом, ни о чем подолгу не задумывался, охотно пускался в маленькие приключения, старался не обижать людей, хотя людям предпочитал собак и лошадей.

«Вот еще одна странность, – раздумывал Пиндар, глядя, как Гайфье, насупившись, сидит в кресле и смотрит в книгу, но не читает. – Что так огорчило его? История с нянькой Горэм? Но рано или поздно он бы все равно узнал о том, что Уида – не мать ему. Будь иначе, у него имелись бы признаки принадлежности к народу Эльсион Лакар, а он – человек, с головы до ног человек. Не больше, но и не меньше. Это еще не повод огорчаться... Что же так вывело его из равновесия?»

Пиндар ошибался, оценивая состояние Гайфье. Мальчик не огорчился – он мучительно раздумывал над случившимся. Эскива продолжала избегать встреч и разговоров. Всем своим видом она показывала брату, что знает некую тайну. И до тех пор, пока сам Гайфье не разгадает загадку, их отношения будут оставаться натянутыми.

Гайфье честно пытался найти ответ. Кто-то натянул в галерее шнур и подложил кинжал. Сам Гайфье этого не делал. Кто-то взял его кинжал... Дальше этого мысли Гайфье не шли. У него сразу начинала болеть голова. Он знал только одно: сам он ни за какие блага мира не согласился бы причинить вред Эскиве. Удивительно, как она до сих пор не поняла этого.

– Мой господин, – заговорил с мальчиком Пиндар, вкрадчиво кашлянув, – книга, которую вы изволите читать, весьма сложна для понимания.

Гайфье поднял голову. Рассеянно взглянул на собеседника, как будто только что заметил его присутствие.

– Да?

– Да. Это символическая поэма, где каждое действующее лицо обладает двумя, тремя смыслами. Как шкатулка с двойным дном.

– Правда?

– Позвольте я объясню. – Пиндар подсел поближе, и Гайфье поневоле очнулся от своей болезненной задумчивости. – Смотрите, здесь рассказывается о даме, которая отправилась в

лес на поиски своей сбежавшей собачки. Но это также может символизировать душу в поисках любви.

– Любовь как-то мало похожа на собачку, – неуверенно проговорил Гайфье. Было очевидно, что тема разговора его не занимает, но Пиндар решительно отказывался принимать это во внимание.

– Здесь вы допускаете ошибку! – воскликнул поэт. – Любовь, как и собачка, всегда остается с человеком, а когда человек все-таки теряет любовь, по неосмотрительности или невниманию, – он страдает. И собачка тоже страдает.

– А темный лес? – спросил Гайфье, уловив в словах Пиндара слабый ответ правоты.

– Жизненные обстоятельства!

– Красивый кавалер?

– Это образ друга, – сказал Пиндар.

– А может так случиться, что друг окажется предателем? – спросил Гайфье, щурясь.

– Такое случается, но... почему вы спрашиваете? – Голос Пиндара зазвучал вдруг напряженно, как будто Гайфье затронул тему, лично важную для самого Пиндара. Вовсе не такую отвлеченную, как символическое истолкование поэмы.

– Да так. – Гайфье пожал плечами. – Просто хотелось бы понять, какими символами можно выразить это.

– Дорога, уводящая в трясины, – сказал Пиндар. – Один из самых распространенных символов.

– Дорога образ процесса, то есть дружбы как истории, как развития отношений, – возразил Гайфье. – А вот ложный друг что это? Это должна быть какая-то вещь, какое-то существо.

– Вы исключительно тонко понимаете суть, – сказал Пиндар.

И вздохнул.

– Вас что-то гложет, мой господни?

Гайфье встал, отложил книгу. Посмотрел на Пиндара холодно.

– Вас это не касается, – сказал он.

Пиндар не отвел глаз. Сказал прямо:

– Я здесь для того, чтобы развлекать нас беседами, быть вашим приятелем. Угодать вам, прислуживать. Постараться стать вашим другом. Да, я получаю за это жалованье, но это еще не повод презирать мои старания.

– Друг за деньги, – сказал Гайфье. – Интересно, каким символом можно выразить такое?

Пиндар криво пожал плечами.

– Если мне прекратят выплату жалованья, я, конечно, уеду из дворца, но вряд ли перестану быть вашим искренним другом...

Гайфье помолчал, а потом сказал:

– Простите.

И выскочил из комнаты.

Пиндар, усмехнувшись, проводил его глазами. Хорошая штука – видимость правды. На такую натуру, как у Гайфье, оказывает просто магическое воздействие.

Он подобрал книгу, уселся в кресло и начал читать.

Текст, как и говорил Пиндар, был довольно сложен для понимания, хотя сам Пиндар привычно щелкал, как орешки, замысловатые символы, разбросанные по поэме.

И вдруг в мгновение ока все переменялось. Неожиданно Пиндар увидел, что находится в саду, под почерневшим небом, а рядом с ним – Эмери (тот, кого он считал Эмери).

Тот выглядел совершенно иначе, чем при их встрече: сильно исхудавший, с бельмом на месте выбитого в драке глаза и поседевшими, растрепанными волосами. И все-таки это был он.

Они разговаривали, как и тогда, сидя на каменной лавке в королевском саду. Пиндар все допытывался, как это вышло, что его приятель поседел столь стремительно и что заставило его

за короткий срок так истощать, а его собеседник досадливо отмахивался: важным было нечто совершенно иное. Нечто, чему он не мог подобрать определения.

Огромная черная птица пролетела над их головами. Пиндар пугливо проводил ее взглядом. Тьма сгущалась все больше. Птица превратилась в большой лист, сорванный ветром с дерева.

– Ты видел? – прошептал Пиндар у собеседника.

– Да, – ответил тот спокойно и тронул заплывшую глазницу.

Лист неподвижно повис над головами собеседников. Пиндар тихо вскрикнул и проснулся – так, словно его толчком выбросило из сна.

Он потер лицо ладонями, вздохнул. Всего лишь сон...

Но было в этом сне нечто более существенное, нежели просто сменяющие друг друга картинки, беспокоящие сознание.

Предупреждение? Побуждение к более решительным действиям?

Возможно, стоит сегодня разыскать Эмери (того, кого он считал за Эмери) и вместо туманных разговоров о том, что «надо бы прекратить пить и изменить образ жизни», объяснить ему прямо – с какой целью Пиндар прибыл к королевскому двору и чего он хочет от бывшего однокашника.

* * *

Ренье лениво растянулся на прохладной постели. Труделиза сидела боком на ручке кресла и кушала вишни из большого расписного глиняного блюда, стоявшего на подоконнике.

Пышные светлые волосы молодой женщины были распущены. Она то и дело убирала прядку с виска и уже успела оставить на коже несколько красноватых полосок испачканными вишневым соком пальцами. Ренье любовался матовым блеском ее кожи, нежной спиной, тонким затылком.

– Странно, что он ни о чем не догадывается, – проговорила она вдруг.

Мысли Ренье были весьма далеки от людей, которые о чем-то «догадываются», поэтому он лениво удивился:

– Кто?

– Муж. – Труделиза глянула на любовника с легкой досадой. – Мой муж. Почему-то ему и в голову не приходит, что я могу завести себе другого мужчину.

– Ну, такое редко приходит в голову, – Ренье сладко зевнул.

Она рассердилась:

– Не смейте зевать! Я говорю о том, что для меня важно!

– Труделиза, – он приподнялся на локте, как бы показывая этим серьезность своего отношения к теме разговора, – поверьте мне: чем дольше он не знает, тем лучше. А лучше всего было бы, чтобы он вовсе не узнал ни о чем.

– Да?

Она накрутила прядку на палец, потянула, отпустила. Завитой локон, пружиня, повис у виска.

– Да, – убежденно сказал Ренье. – Не открывайте ему правды. Ни под каким видом. Впрочем, вы ведь всегда можете уйти от мужа, если захотите.

– Ну нет, – протянула она, – он богатый.

– Стало быть, обманывайте его и впредь. Ему совершенно незачем знать, что он не в состоянии сделать вас полностью счастливой. Вы просто обязаны щадить его самолюбие.

– Ладно, вы меня успокоили...

Она взяла вишенку и сунула Ренье в рот.

– У нас есть еще почти час времени до его возвращения, – добавила женщина. – Я только что видела, как ее величество бежит по саду в сторону мастерских.

В одно и то же время Эскива проходила под окнами Труделизы: юная королева направлялась к мастерице, у которой брала уроки ткаческого искусства. В мастерской был установлен для королевы особый станок, а на стене висел картон, сделанный по ее собственноручному рисунку.

Узор будущего гобелена изображал скачущих лошадей с масками в виде женских лиц, надетых на лошадиные морды. Над табуном летели птицы, и каждая несла в клюве такую же маску.

Наставница держалась с ее величеством так, словно Эскива была самой обыкновенной ученицей. Запрещала ей спешить во время работы, не позволяла работать свыше одного часа, чтобы не сбивалась рука и не терял верность глаз. Придиралась к каждой ошибке.

Работа очень увлекала Эскиву, и она всегда торопилась на урок.

Ренье выплюнул вишневую косточку и, вскочив на постели, схватил Труделизу за плечи. Она вскрикнула, но было уже поздно: он уронил ее на простыни и зарылся лицом в ее душистые волосы.

Спустя полчаса Ренье, полностью одетый, уходил из апартаментов виночерпия. До возвращения мужа оставалось ровно полчаса.

Труделиза придирчиво осматривала комнату, чтобы там не оставалось никаких следов присутствия чужого человека.

– Все, дорогая, до завтра. – Ренье поцеловал ее в последний раз и выскочил из окна.

Он ничуть не удивился, когда вновь заметил поблизости Пиндара.

– Следишь за мной, а? – спросил Ренье.

Пиндар покачал головой.

– Это не то, что ты подумал.

– А что я подумал? – Ренье удивленно склонил голову набок. – Потому что я вообще ничего не подумал. Понюхай... – И сунул Пиндару свою руку.

Тот с недоумением наклонился, словно намеревался поцеловать протянутую руку, и провел носом по тыльной стороне ладони Ренье.

– Чувствуешь? – смешливо приподняв брови, спросил Ренье.

– Что? – Пиндар уставился на него, заморгал. – Что я должен чувствовать?

– Запах женской кожи.

– Просто запах кожи. Кажется, ты ел вишни.

– Проклятье, Пиндар, от тебя ничто не скроется! – Ренье захохотал. – Я лежал в постели с женщиной и ел вишни. По-твоему, у меня после этого могут быть в голове какие-то мысли? А вот и ее муж, кстати.

На дорожке сада показался виночерпий. Он шагал уверенным, спокойным шагом. Голова высоко поднята, плечи развернуты.

– Сам по себе вовсе неплох, – заметил Ренье, окинув виночерпия взглядом, полным почти отеческой заботы. – Мне есть чем гордиться: я выполняю львиную долю его обязанностей. И вот погляди, как хорошо он выглядит. Свеж, бодр и полон сил.

Виночерпий рассеянно приветствовал двоих придворных.

Ренье поклонился, Пиндар последовал его примеру.

– Не смотри на него так пристально, – прошипел Ренье приятелю. – Он может заподозрить.

Пиндар хмыкнул.

– И что он сделает, если заподозрит?

– Понятия не имею. Никогда не знаешь, чего ожидать от добродетельного человека. Другое дело – мы, развратники и пьяницы. Мы предсказуемы, щедры и милосердны.

Пиндар принужденно засмеялся.

– Пожалуйста, не причисляй к числу развратников и пьяниц меня. Я бываю щедр, я почти всегда милосерден. Возможно, я даже предскажуем. Но...

– Ладно, ладно, понял. – Ренье махнул рукой. – Ну вот, Труделиза потеряна для любви до следующего дня, а впереди долгий вечер, и мне надо бы как-нибудь убить время.

– Чем займешься? – полюбопытствовал Пиндар.

– Пойду играть в кости. У меня остался кредит в одной таверне, так что сегодня вечером я рассчитываю изрядно повеселиться.

– И тебе на самом деле весело? – спросил Пиндар.

– Что есть веселье в полном смысле этого слова? – спросил Ренье. И сам ответил: – По настоящему весело бывает только счастливому человеку. А счастье требует сочетания слишком большого количества независимых друг от друга факторов.

– Кстати, раз уж мы заговорили о сочетании разных факторов, – спохватился Пиндар. – Завтра твой любезный виночерпий вернется на час раньше обычного времени.

– Откуда ты знаешь? – насторожился Ренье.

– Случайно слышал разговор. Да не бойся ты, он действительно ничего не подозревает! – рассмеялся Пиндар.

– Думаешь, я боюсь за себя? – Ренье передернул плечами. – Дракой больше, дракой меньше... Даже если он наймет десяток негодяев с дубинами, чтобы проучить меня в темном переулке, думаю, я сумею отбиться... и удрать.

– А что, такое уже случилось?

– Не уклоняйся от темы. Если я и опасуюсь, то только за Труделизу. Она ужасно не хочет развода. Бедность и все такое.

– Понимаю, – кивнул Пиндар. – Бедность отвратительна. Словом, я тебя предупредил.

– Спасибо. – Ренье хлопнул Пиндара по плечу и ушел, беспечно насвистывая.

Пиндар долго смотрел ему вслед, и постепенно лицо бывшего поэта принимало все более странное выражение. «Кретин, – повторил он шепотом. – Все оказалось куда проще, чем я думал... И не надо ничего объяснять. Пока».

Дела шли неплохо, и очень скоро все будет кончено. Одно только оставляло неприятный осадок: тот короткий сон над книгой, так смутивший Пиндара, совершенно не желал развеиваться; напротив – с каждой минутой он представлялся поэту все более реальным.

* * *

У Ренье была разработана сложная система добычи средств к существованию. Он потратил немало времени и сил на создание разветвленной сети кредиторов, часть из которых хорошо знала друг друга, а часть – пребывала в неведении. Это позволяло успешно манипулировать незначительными суммами и простительным враньем.

Пользоваться в таких случаях помощью брата Ренье избегал. По целому ряду причин. У Эмери неплохо сложилась жизнь. Может быть, не так хорошо, как мечталось когда-то, но все же старший брат выглядел совершенно довольным. Эмери был избавлен от необходимости заниматься чем-то еще, кроме своей музыки. Дом в столице, хорошая стряпуха, верный старый Фоллон, служивший еще дядюшке Адобекку...

У Эмери не было возлюбленной. Он так и не нашел себе женщину по сердцу. Но разговаривать на эту тему не хотел.

Ренье оставался единственной занозой на гладком жизненном пути брата. Поэтому Ренье не считал возможным обременять Эмери своей персоной более, чем это необходимо.

Случайно или нет, но во время своих вечерних странствий по городу Ренье опять очутился возле «Мышей и карликов». Заходить в эту таверну ему сегодня не хотелось, поэтому он прошел мимо – и скоро остановился на том месте, где накануне нашли тело девушки.

Ренье присел на корточки, рассматривая камни мостовой. Вот здесь была кровь. Добрые жители переулка уже смыли ее, вылив сюда несколько бочек воды, однако следы все же остались, особенно между булыжниками. Поддавшись странному чувству, Ренье коснулся пальцами темного пятна.

На миг ему показалось, что он вот-вот потеряет сознание: голова у него закружилась, в глазах потемнело... и внезапно он увидел себя в сумеречном саду.

Большие листья, сорванные с деревьев и похожие на хлопья пепла, с неестественной медлительностью кружили над головой. Они двигались беззвучно, и казалось, будто в их кожистых плоских телах скрывается рассудок, холодный и ограниченный.

В этом мире почти не было деталей. Обычно Ренье замечал тысячи мелких подробностей окружающего, но здесь ничего не было, кроме полумрака, листьев и мертвых ветвей.

А потом Ренье разглядел рядом с собой человека, похожего на Пиндара, но гораздо более уродливого, с большим шишковатым черепом и пустыми глазами. Он выглядел так, словно был сродни этим молчаливым, приглядывающимся листьям.

И человек этот суетливо допытывался: «Почему ты такой седой, Эмери? Когда это ты успел так исхудать? Кто выбил тебе глаз?»

Ренье схватился рукой за лицо и обнаружил грубый шрам на месте глазницы. Он подавился собственным криком и проснулся от резкого удара по лицу.

– Проклятье, я действительно потерял сознание, – пробормотал он. – Как это вышло?

Он встал с мостовой и потер скулу, ушибленную во время падения.

– Пора уходить, – сказал он себе. – Что здесь такое творится?

Он резко обернулся, потому что на миг ему почудилось, будто сзади кто-то находится, но в переулке никого не оказалось. Ренье плюнул и зашагал прочь.

* * *

Нынче вечером выигрыш в кости оказался больше, чем мог рассчитывать Ренье. Он играл до полуночи и ни разу не проигрался. Когда он уходил из таверны, с ним было два увесистых мешочка, набитых золотыми монетами.

Насвистывая, Ренье шагал по темным улицам. Мысли в голове роились неоформленные, но радостные. Он уверенно свернул за очередной угол, когда резкий толчок в грудь заставил его пошатнуться и прижаться к стене.

– Это он! – отчетливо и громко проговорил из темноты чей-то голос.

И больше никто не произнес ни слова.

Ренье вытащил шпагу, готовясь защищаться. Он понятия не имел о том, кто на него напал; не знал он и причины этого. Врагов у него хватало, хотя далеко не обо всех Ренье был осведомлен. А может быть, его просто-напросто хотели ограбить.

В тусклом свете масляного фонаря Ренье видел лицо ближайшего к нему противника. Стекла фонаря были засижены мухами, и световое пятно на щеке незнакомца делало его рябым.

Второй чужак пробирался к жертве с другого боку; третий нервно топтался в отдалении, возле угла.

Ренье резко переместился в сторону и атаковал первым. Незнакомец отбил выпад и широко ухмыльнулся. Он явно считал Ренье легкой добычей: еще бы – немолодой, подвыпивший, к тому же прихрамывает...

Ренье не дал ему времени вернуться в позицию, удобную для атаки, и снова нанес удар. И еще один. После этого незнакомец больше не ухмылялся. Прикусил губу, прищурился.

Ренье окинул его быстрым взглядом, оценивая. Таких он терпеть не мог – чумазый красавчик, неотразимый поедатель служаночьих сердец.

Поймав краем глаза движение сбоку, Ренье стремительно развернулся и принял на середине клинка удар второго противника, после чего одним прыжком переместился левее – как раз вовремя, чтобы отразить новую атаку первого.

Между тем третий, тот, что жался возле угла, взмахнул рукой, как будто приветствуя кого-то. Краем глаза Ренье уловил это движение. Он резко присел, и метательный нож бесполезно и как-то празднично зазвенел на камнях мостовой.

Следовало заканчивать бой как можно скорее. Ренье отнюдь не переоценивал свои силы: через несколько минут он потеряет дыхание. Все-таки ему не двадцать лет, хотя дерется он чаще, чем ему бы хотелось. Да и ребра, пострадавшие во время драки в «Мышах и карликах», предательски давали о себе знать.

Мгновенным выпадом Ренье уложил «красавчика». На смазливом лице появилось недоуменное и даже обиженное выражение, когда клинок Ренье вошел под горло противника. Затем блестящие губы шевельнулись, на них вздулся красный пузырь... Ренье показалось, что он слышит тихий хрустальный звон, когда пузырь этот лопнул, а глаза «красавчика» затянуло пленкой, как у сдохшей собаки.

Выпрямляясь, Ренье выдернул шпагу из тела упавшего и тотчас же ощутил жгучую боль в боку: острие шпаги второго врага вонзилось ему между ребрами.

– Проклятье!

Стараясь не обращать внимания на боль, Ренье наотмашь ударил его шпагой по лицу. Тот закричал, выронил оружие и бросился бежать.

Третий – парень с метательными ножами – в растерянности замер посреди переулка. Вне себя от гнева, Ренье зашагал к нему.

Самому Ренье казалось, что он идет очень медленно, тщательно выбирая, куда поставить ногу, но для его последнего противника все обстояло совершенно иначе.

«...Никакого риска, – так говорил этому паренюк ныне покойный “красавчик”. – Он ведь старый, наверняка руки трясутся. А сегодня он еще и много выпил... Проклятый самоуверенный аристократ! Думает, в столице ему ничего не грозит... Просто догоним его в переулке и перережем горло. Заберем деньги и смоемся».

«Нас найдут», – сомневался парень.

«Нет. – Старший его приятель покачал головой и засмеялся. – Слышал, здесь недавно убили женщину? Второе убийство спишут на того же негодяя».

«Или нам припишут обе смерти», – возразил парень.

Оба его сообщника расхохотались, и в этом смехе утонули все сомнения.

И вот теперь приходится расхлебывать последствия. «Красавчик» мертв, второй с располосованным лицом, завывая, скрылся в темноте. А «хромой и старый» надвигается на третьего неотвратно, как судьба, – с окровавленной шпагой в руке, с темным пятном на боку. Больше всего парня завораживало то обстоятельство, что Ренье как будто не замечал своей раны. Двигался так, словно вовсе не ощущал никакой боли, а ведь ему полагалось слабеть с каждым мгновением.

Нужно бежать, понял парень. И вместо этого упал на колени.

Ренье остановился над ним, кончиком шпаги поворошил волосы на склоненной макушке.

– Эй, ты, – проговорил Ренье заплетающимся языком, – это ведь ты метнул в меня кинжал?

Парень молчал.

– Засранец ты, – сказал Ренье, повернулся к нему спиной и побрел дальше.

Подняв голову, парень удивленно смотрел ему вслед.

* * *

Когда Ренье вернулся к себе, уже светало. Бок болел, мир перед глазами медленно вращался. Следовало поскорее позвать кого-нибудь на помощь, и Ренье заглянул к одной из знакомых служанок – той, что жила ближе всего.

Девушка мирно спала. Ее кудрявая головка покоилась на руке одного из дворцовых стражников. Во сне девушка раздумянулась, от нее тянуло домашним теплом, покоем, удовлетворенностью. Одна только мысль о том, как пахнут ее волосы, могла бы свести с ума.

Ренье осторожно потряс девушку за плечо, а когда она сонно подняла ресницы, молча отвел руку, которой зажимал рану, и показал окровавленный бок.

Она так и ахнула:

– Господин Ренье! Как вас угораздило?

– Ничего особенного, – шепотом ответил Ренье. – Обычное дело.

– Ой, – сказала служанка, закатывая глаза.

Ее возлюбленный также был разбужен.

– Что здесь творится? – пробормотал он недовольно. И вдруг подскочил, заметив в комнате постороннего мужчину. – Ты кто?

– Смотря в каком аспекте, – мудро ответил Ренье. – В основном – человек, которого продырявили.

– Ясно, – сказал стражник хмуро. И перевел взгляд на свою подругу: – Принеси воды в тазу, тряпок, скорее... Проклятье, какое дурацкое начало дня!

Глава восьмая ЗРЯЧИЕ СКАЛЫ

Бальян стал первым человеком, которого гномы добровольно пустили в свои жилища. Первым за все то время, что люди обустроились в этих горах и основали здесь герцогство Вейенто. То есть, коротко говоря, – первым с эпохи Мэлгвина.

– Ты хоть понимаешь, что это значит? – допытывался у него Егамин.

Бальян пожал плечами и улыбнулся.

– Я знаю, что должен испытывать гордость как бы за все человечество разом, – признал он. – Вообще – ощущать себя посланцем всех людей одновременно. Но ничего такого я не чувствую. Все мои эмоции – только мои, и только.

– Что-то я тебя не понял, – прищурился гном. – Тебе разве не интересно?

– Разумеется, мне интересно! – горячо проговорил Бальян. – Но это интересно только мне, мне одному. Я не ощущаю, как за моей спиной выстроилось все человечество и с нетерпением тянет шеи: «Покажи, покажи!..»

– Это потому, что ты одиночка, – сказал гном. – Может, оно и к лучшему, – заключил он, поразмыслив. – Идем. Магистр Даланн ждет.

Они пролезли в невероятно узкую расщелину и очутились в пещере. Там было темно, однако Егамин безошибочно отыскал факел и зажег его. Бальян принялся оглядываться по сторонам в надежде заметить что-нибудь примечательное. Егамин прикрикнул на него:

– Ничего тут нет! Нечего вертеть головой. Лучше не споткнись, не то сломаешь себе шею.

Он осветил своему спутнику, и Бальян увидел ступени, уводящие в глубину горы. Приятели начали спускаться. Ступени были все разного размера, так что Бальян очень скоро устал. Гном же, напротив, скакал все быстрее, как будто спуск прибавлял ему сил, и чем глубже под землей он оказывался, тем бодрее себя чувствовал.

Наконец лестница закончилась. Под ногами была ровная почва.

Гном постучал по ней каблуком сапога.

– Мы на проспекте. Идем.

Он потушил факел и сунул его в специально устроенное для таких целей гнездо. Кто-нибудь будет подниматься по ступеням, с которых они только что сошли, и воспользуется тем же факелом. Наверху имелось аналогичное гнездо.

Поначалу проспект представлял собой темный тоннель, прорубленный в толще горных пород. Временами Бальяну приходилось идти согнувшись в три погибели, но постепенно потолок становился выше, и юноша смог выпрямиться.

Некоторое время они передвигались в полной темноте. Впереди уверенно стучали сапоги Егамина: судя по всему, никаких препятствий, поворотов или ям в тоннеле не имелось, так что Бальян шагал, ничего не видя, без боязни упасть или наткнуться на какой-нибудь столб.

Затем впереди показался свет, и внезапно оба путника очутились на большой площади. Здесь было светло и просторно. Под высоченным куполом, заменявшим небо, имелось множество узких окон, так что дневной свет изливался сюда непрерывным потоком.

Все дома, окружавшие площадь, были вырублены в скальной породе, и у Бальяна появился случай убедиться в том, какими искусными резчиками по камню были гномы. Здесь невозможно встретить два одинаковых узора. В причудливых переплетениях скрывались странные чудовища с печальными глазами, над окнами стояли, таращась на пришельцев, бородастые светила, над дверями располагались драконы, русалки, кони с человеческими лицами, птицы с женской грудью. Многие стены украшались инкрустациями, преимущественно из

обломков самоцветных камней или из стекла. Все это блестело, переливалось, отражая солнечный свет.

– Что застыл? – Егамин подтолкнул своего спутника в спину. – Идем. Еще успеешь налюбоваться.

Он увлек Бальяна под арку, и они очутились в новом тоннеле. Однако здесь, в отличие от первого, было светло. Приятный рассеянный свет заливал стену, в которой через каждые десять шагов были высечены ниши. Одни ниши стояли пустыми, в других красовались вазы или статуи.

Этот тоннель привел на новую площадь, еще больше прежней, однако не такую роскошную. Резьба здесь была попроще, а цветных стекол не водилось вовсе.

Егамин блеснул глазами:

– Думаешь, здесь гномы победнее живут, да?

Бальян пожал плечами.

– Сказать по правде, я ничего не думаю...

– Ошеломлен, а? Ну, признайся, ты ошеломлен?

– Признаюсь, – засмеялся Бальян. – Здесь очень красиво... – Он подумал немного и поправился: – Нет, от красоты так не дуреют. Здесь – невероятно. Вот правильное слово.

– А, ты умеешь подбирать слова, – обрадовался Егамин. – Магистру это понравится. Она строго следит за подбором слов. Говорит, от этого зависит взаимопонимание.

– Она правильно говорит.

– Тебе откуда знать? Ты разве магистр?

– Нет, но мой учитель утверждал то же самое.

– А он был магистром?

– Еще каким! Ему в процессе учености руку оторвало.

– Ученость – не процесс. А еще говорил, будто понимаешь, что такое – правильный подбор слов.

– Я только учусь, – сказал Бальян.

– Ну так вот, – как ни в чем не бывало произнес гном, указывая на окружающие их здания, – здесь живут еще более уважаемые и богатые гномы. Лаконичность в украшении их жилищ – тому свидетельство. Многие изысканно мыслящие представители нашего народа предпочитают созерцать одно-единственное украшение и напитывать тем свою душу. А слухи о том, что гномам якобы лишь бы нахапать самоцветов, пристроиться на куче драгоценностей своей каменной задницей и толстеть от счастья обладания, – все это клевета. Ясно тебе?

– Ясно, – сказал Бальян. – Я сам никогда так не думал. И не говорил.

– Вот и впредь не говори.

Егамин увлек своего молодого приятеля к лестнице, прорубленной прямо в стене здания. Они начали подниматься.

– Нам на пятый этаж, – сообщил Егамин, пыхтя. – Это тоже устроено со смыслом. Чтобы всякий, кто желает приобщиться к мудрости, осознал... – Он остановился и перевел дух. – Осознал трудности, – заключил Егамин.

Дверь в помещение была деревянной, и Бальян без всяких разъяснений сразу понял, что это еще одна примета изысканной роскоши. Дерево у гномов было редкостью.

Они очутились в просторном светлом помещении с голыми каменными стенами. Посреди помещения находилось большое кресло с высокой спинкой – явно человеческой работы. У стены имелся сундук с монограммой герцога Вейенто. Никакой другой мебели в комнате не было, насколько успел заметить Бальян.

Впрочем, разглядывать комнату времени у него не было. Заслышав шаги, туда поспешила целая толпа гномов. Впереди шагала гномская дама, плотная карлица с множеством бородавок и жесткими волосками бороды. На ней было просторное белое платье с длинными рукавами.

Волосы она носила убранными под плотный белый платок с единственной красной полосой надо лбом. Ее маленькие глазки так и буравили вошедших.

Егамин преклонил колени, а Бальян ограничился поклоном.

– Магистр Даланн! – воскликнул Егамин, вскакивая с колен. – Я привел человека, который, возможно, с вашего согласия будет принят на службу в качестве учебного пособия...

– Консультанта, – сквозь зубы поправил Бальян.

– ...на курсах «Основы человеческих повадок»! – закричал Егамин.

– С почасовой оплатой, – добавил Бальян.

Магистр Даланн смерила Бальяна взглядом и важно проговорила:

– Когда я читала курс теоретической эстетики в Академии Коммарши, люди были моими основными слушателями. И, смею заверить, я умела донести до них мои мысли.

– В этом нет сомнения, – пробормотал Бальян.

– Кто ты? – спросила Даланн. – В чем твоя ценность?

– Ну, я человек, – сказал Бальян. – Чистокровный человек. Кое-что знаю о повадках моего племени.

– Кое-что? – Магистр так и впилась в него взглядом.

Кругом шумели другие гномы – слушатели курса.

– Почасовая оплата? Неслыханно!

– Да мы сами можем!..

– Я был раз в поселке – он на них не похож! Наверняка эльф!

– Тихо! – гаркнула Даланн. – Это человек. Пусть назовется.

– Меня зовут Бальян.

Вперед протолкался Егамин:

– Это тот самый... Он выручил нас... в том деликатном деле. – Намек был более чем очевиден, и гномы притихли.

– А! – Взгляд магистра Даланн сразу изменился.

Даланн до сих пор не забыла о том, как отнесся к ней герцог Вейенто, когда она провалила свое шпионское задание и очутилась в руках у регента Талиессина. Вейенто пришел к ней на помощь, он забрал ее из тесной клетки, вырвал из злобных лап эльфа и увез с собой в горы. И впоследствии никогда не напоминал о своем благодеянии.

– Сын герцога, пусть даже незаконный, всегда желанный гость у народа гномов, – сказала Даланн просто.

Теперь карлики окружили Бальяна со всех сторон. Повсюду он видел ухмылки на бородатых лицах, а тяжелые, как булыжники, кулаки дружески подталкивали его в бока и колотили по плечам, так что Бальян даже представить себе боялся, сколько синяков ему по-приятельски насажали.

– Мы построим лекцию как серию вопросов и ответов, – решила Даланн. – Спрашивайте у него обо всем касательно обыденного человеческого поведения. О первом, что придет вам на ум. Он будет отвечать искренне, не обижаясь и не утаивая никаких подробностей. А я потом объясню вам ошибки, которые он делает.

* * *

Дружба Бальяна с магистром Даланн длилась четыре года, с момента их знакомства и до того дня, когда Даланн, почувствовав приближение смерти, послала за Бальяном, чтобы проститься с ним.

Он примчался, как только известие дошло до него, и застал магистра еще живой. Даланн всегда слыла среди гномов мудрой прозорливицей. Когда прошел слух о том, что скоро она обратится в камень и замолчит навсегда, к ней хлынули толпы соплеменников, и для каждого она находила слово пророчества.

– Ты стоишь на граните, – сказала она одному, а другому предрекла: – Твой камень рас- трескался.

Она видела гномов как камни, и их судьба представлялась ей в виде определенной горной породы или минерала. Известно, что после смерти гномская плоть превращается в камень, и по тому, каков этот камень, можно судить и об истинной сущности почившего. А Даланн могла назвать вид минерала еще до того, как гном умрет.

Обычно она таила свои знания про себя. Но перед тем как уйти навечно, она разверзла уста и стала говорить без устали. С трепетом, с ужасом слушали ее соплеменники.

Бальян ворвался в зал и сразу кинулся к умирающей. Перед ним расступились, хоть и неохотно, потому что Даланн, заслышав голос Бальяна, встrepенулась и сделала знак, чтобы юношу пропустили.

Он уселся рядом с ее ложем на корточки. Коснулся ее руки. Она сильно стиснула его пальцы.

– Твой отец был моим благодетелем, – сказала Даланн. – Но я не смею завещать тебе мою благодарность. Она касается только меня и умрет вместе со мной.

– Хорошо, – сказал Бальян.

Магистр лукаво блеснула глазами.

– За четыре года ты ни разу не солгал мне.

– Я старался не лгать, – объяснил Бальян.

– Кто учил тебя этому?

– Никто... Просто так казалось удобнее.

– Тебе незачем лгать, – вздохнула Даланн. – Я много лгала, и знаю, какие беды это иногда вызывает. Но иногда ложь позволяет избежать беды. Об этом тоже следует помнить.

– Хорошо, – сказал Бальян.

– Ты стоишь на базальте, – сказала Даланн. – Теперь уходи. У меня больше нет для тебя времени.

Бальян приподнялся и поцеловал ее в лоб. Гномы возмущенно зашумели, но, знакомые с человеческим обычаем прощания, не посмели сказать Бальяну ни слова.

Широким шагом направился он к выходу. За спиной Бальян слышал негромкий, но четкий голос Даланн, обращенный к гномам, что подходили к ней один за другим:

– Ты стоишь на песчанике, будь осторожен, брат.

– Ты стоишь на берилле, добрый брат.

– Ты стоишь на чистейшем аквамарине, мой хрупкий брат.

– Ты стоишь на кварце...

– Ты стоишь на камне, на камне...

Она не назвала камень. Голос ее оборвался. Бальян стремительно обернулся. На мгновение толпа гномов расступилась, и глазам юноши предстала глыба полупрозрачного розового родонита – без единой темной прожилки, что само по себе казалось невозможным, чудесным.

Бальяну чудилось, что камень хранит очертания гномского тела. Как будто кто-то в считанные секунды изваял фигуру магистра Даланн прямо в скальной породе. Видны были ее руки, сложенные на груди в благословляющем жесте, даже железное кольцо на пальце можно было различить. Ее лицо, которое за годы дружбы Бальян перестал считать безобразным, хранило выражение мудрой доброты. Проницательные глаза утонули в бликах гладко отполированного камня, и Бальян вдруг вспомнил гномское выражение: «Зрячие скалы».

Слезы навернулись на глаза, и он выбежал из зала.

Глава девятая

СЕРЕНАДА ДЛЯ КРЕДИТОРОВ

Несколько дней Ренье не выходил из дома. Ждал, пока затянется рана. Шпага процарапала кожу и вошла в плоть не так уж глубоко, но болело немилосердно.

К счастью, всему на свете приходит конец, даже болезням. Ренье восстал с одра печали и вспомнил о своем выигрыше. Придя домой в то утро раненным, он бросил кошель с деньгами в угол и больше к нему не прикасался. Теперь настало время полюбоваться своей удачей. Так что на шестой день после драки, едва проснувшись, Ренье вытащил кошель и разложил золотые монетки так, чтобы они ковром покрывали пол комнаты. Затем раскрыл окна в ожидании рассвета. Улегся посредине, как бы окруженный золотом, и стал мечтать.

Купить то, другое. Обновить наконец плащ. Отдать шпагу оружейнику, чтобы привести ее в порядок. Жаль, нельзя сделать подарок Труделизе, – виночерпий сразу заметит появление новой вещи в комнате жены. Зато можно что-нибудь хорошее подарить Эмери. Произведение искусства, например.

Солнце вошло в комнату и неторопливо прошло по золотым кружочкам. Монетки вспыхивали одна за другой; теперь Ренье лежал в ослепительном сиянии. Желтые отблески гуляли по его лицу, по рукам и одежде. Он шевелил пальцами и любовался игрой света.

Это продолжалось некоторое время, а потом Ренье опять заснул.

Пробудился он от стука в дверь. Ренье поднял голову, глянул в окно. Было за полдень.

Ренье взъерошил обеими руками волосы, потер виски. Стук повторился.

– Что случилось? – спросил Ренье. – Неужели я кому-то понадобился? Не может этого быть!

– Это Кавалон, – представился стучавший. – Говорят, ты выиграл кучу денег.

Ренье застонал. Кавалон был одним из самых настойчивых его кредиторов. Приблизительно год назад он одолжил придворному господину сто золотых монет. Предполагалось, что придворный господин вернет деньги через месяц. И присовокупит к ним свою очень полезную для Кавалона благодарность.

Теперь разочарованный и гневный Кавалон преследовал Ренье с особой лютостью.

– Учти, Ренье, я расскажу и другим, – сказал он через дверь. – Кое-кого из других твоих кредиторов я хорошо знаю.

– Да у вас там целый клуб обиженных! – зевая во весь рот, отозвался Ренье. – Сколько стоит членство в вашем клубе? Вы платите ежегодный взнос? Или довольно было вступительного?

Кавалон скрипнул зубами и собрался уже было выломать дверь, но Ренье опередил его:

– Собирай всех. Приходите ко мне сегодня вечером. Я приведу себя в порядок, разберусь с делами, подсчитаю выигрыш... – Он не удержался и опять зевнул. – Сделаю для всех своих кредиторов приятное. Для всех разом.

– Куда приходите? – Голос Кавалона за дверью сразу стал деловитым. – Сюда?

– Нет, здесь вы все не поместитесь, – подумав, ответил Ренье. – Приходите в дом Адобекка за четвертой стеной. В тот, что принадлежит сейчас моему брату. Я буду ждать вас в нижней гостиной.

– А как же господин Эмери? – Кавалон опять насторожился. – Он ведь наверняка будет возражать против нашего вторжения.

– Ну, это же не будет вторжением, – возразил Ренье. – Просто дружеская встреча членов клуба. Под моим председательством. Приходите, вам понравится.

Кавалон отошел от двери. Ренье вздохнул, потянулся за кувшином с водой для умывания. Предстоит большой день. Дел по горло, и нужно все успеть.

* * *

В смятенном настроении Гайфье бродил по саду. Всегда такой уютный, такой обжитой мир, в котором он обитал прежде, вдруг начал рассыпаться. И, что хуже всего, мальчик не знал, с кем поговорить.

Ренье повстречался ему как нельзя более кстати. И когда тот вежливо поздоровался и двинулся дальше, желая пройти мимо, мальчик задержал его.

– Приятный вечер.

– Сушая правда, – согласился Ренье, – и я намерен сделать его еще приятнее.

– Каким образом?

– Секрет.

– Что-то у всех кругом одни секреты! – сказал Гайфье. – Просто плюнуть невозможно, чтобы не угодить в чей-нибудь секрет.

– А у вас тоже имеется?

– Да, – сказал Гайфье, – имеется один.

– Любопытно.

– Вот именно.

Они стояли возле ворот, ведущих из королевского комплекса в город. Гайфье нервноковырял пальцем мох, выросший на камне.

– Знаете, господин Ренье, – проговорил наконец мальчик, – я вот думаю: неужели действительно на свете существуют люди, которым хотелось бы известить мою сестру?

– Вашу сестру?

– Ну да, королеву.

– Я хотел бы уточнить, – очень осторожно произнес Ренье, – какой смысл вы вкладываете в слово «известить»?

– Убить, – коротко произнес Гайфье.

Ренье помолчал, рассматривая своего юного собеседника. Тот явно не шутил. Интересно, что у него на уме? Может быть, прочитал в какой-нибудь книге о смертях, что постигли двух эльфийских королей – первую и последнюю? Эти истории всегда производят тяжелое впечатление.

Наконец Ренье сказал, стараясь выглядеть по возможности беспечно:

– Разумеется, такие люди существуют. Я даже знал парочку таких. Давно. Они уже умерли.

– Правда? – переспросил Гайфье.

Ренье кивнул и продолжил:

– Эльфийская кровь способна вызывать у людей сильные чувства. Страх, любопытство, алчность, отвращение. Не у всяких людей, разумеется, только у некоторых, – добавил Ренье. – Большинство при виде красоты замирает в благоговейном восторге. И лишь жалкое меньшинство испытывает непреодолимое искушение напасть, сломать, испортить. Я не занимался специальным исследованием этого феномена, но, думаю, дело тут не в воспитании, не в происхождении, а в каком-то странном дефекте души...

Он развел руками, как бы сожалея о собственном бессилии разобраться с проблемой.

– А, – уронил Гайфье, – ясно. Ну, не смею вас задерживать. Благодарю за разъяснение.

Он махнул Ренье каким-то отчаянным жестом и побыстрее ушел. Ренье недолго ломал себе голову над странным разговором. В конце концов, Гайфье – подросток. У всех в этом возрасте случаются малообъяснимые причуды.

* * *

– Господин Эмери будет счастлив видеть вас, – сдержанно произнес Фоллон при виде Ренье.

За минувшие годы Фоллон ничуть не изменился. Образец проницательности, предупредительности и скрытности.

Ренье скорчил рожу. Он не сомневался в том, что брат придет в ужас, когда узнает о затее. Но отступить было поздно. Юркнув за дверь, Ренье быстро заговорил со слугой:

– Скоро сюда привезут угощение. Здоровенный чан горохового супа, корзину хлеба, сушеные фрукты и бочонок вина. Кроме того, кажется, доставят копченые ребрышки. Видишь ли, любезный Фоллон, я затеял небольшой праздник для близких друзей.

– Не слышал, чтобы у вас водились близкие друзья, – проворчал Фоллон, однако лицо у него сделалось очень внимательным: он запоминал каждое слово Ренье, дабы затем истолковать и сделать собственные выводы.

Выводы Фоллона отличались нелицеприятностью и, как правило, были на диво верны. Все то худшее, что он подозревал в людях, неизменно – увы! – оказывалось правдой.

«Это и означает обладать жизненным опытом», – объяснял он Ренье, когда тот в очередной раз со стоном вопрошал, как это Фоллону удается столь точно разбираться в людях.

«Да избавит меня милостивая судьба от подобного опыта, – вздыхал Ренье, – эдак я и к женщине под одеяло залезть не смогу. Лучше уж не знать, какая она в душе жаба».

Фоллон всем своим видом показывал, что Ренье действительно бы лучше не лазить ни к кому под одеяло.

Впрочем, Ренье быстро утешался и забывал о подобных беседах. До следующего раза.

– Ну, это такие близкие друзья, для которых я не стал бы беспокоить госпожу Домнолу, – объяснил Ренье. – Госпожа Домнола слишком хорошая стряпуха и слишком почтенная госпожа, дабы обременять ее моими друзьями. Что до близости, то они ближе всего стоят к моему карману, а я не из тех, кто носит там свою душу.

– Интересно, – сказал Фоллон. – Значит, вы считаете, что есть люди, у которых душа живет в кармане?

– Да, и чем больше в том же кармане денег, тем слабее и жалче душонка.

– Вы никогда не устаете поражать меня житейской мудростью, господин Ренье, – невозмутимо произнес Фоллон. – Где же, в таком случае, ваша душа?

– У меня душа помещается в груди. Как и положено, – объявил Ренье.

– Но вы уверены?

– Абсолютно.

– А доказательства?

– Когда я прижимаю к груди красивую женщину, я ощущаю трепет моей души, а это означает, что ее потревожили прикосновением.

– Женщину?

– Не притворяйтесь, будто не поняли, Фоллон. Вы умнее меня. Я говорил о душе.

– А я-то думал, будто вы говорили о каком-то обеде для своих друзей.

Ренье махнул рукой и захромал, держась за бок, вверх по лестнице.

Эмери встретил его настороженно.

– Что-то случилось?
– Почему ты так решил? – Ренье постарался придать себе беспечный вид.
– Какой-то ты взъерошенный.
– Тебе показалось.
– Нет, не показалось, – настаивал Эмери.
– Может быть, ты и прав, – сдался Ренье. – Если говорить честно, то... я не хотел бы причинять тебе беспокойство, брат, но тут исключительный случай.

– Женщина? – спросил Эмери, морщась.
– Женщина? – Ренье моргнул, как человек, сбитый с толку. Потом он засмеялся. – Какая еще женщина? Не стал бы я водить к тебе своих женщин... Нет, милый Эмери, тут совершенно другая история. Я попрошу тебя только об одном.

– Проси.

– Не убивай меня.

Эмери рассмеялся:

– Хорошо.

– Тебе очень захочется. – Ренье стал вдруг странно настойчив. – Когда демоны овладеют тобой, вспомни о том, что ты давал мне обещание. Вспомни о нашем общем детстве, о том, что мы – единоутробные братья... Словом, сдержи естественный позыв перерезать мне глотку.

– Все так плохо?

– Как для кого, – загадочно отозвался Ренье. – Я знаю, ты человек чести.

Не дожидаясь ответа, он вышел из комнаты и вернулся на первый этаж.

Там уже началась подготовка к непонятному празднику. Трактирные слуги доставили еду: обычные блюда, которые подают в харчевнях средней руки. Под хлопотливым руководством Ренье в нижней гостиной расставили столы, водрузили на скатерть миски и тарелки, вытащили разрозненные ножи и ложки, нашли чаши и кувшины.

Ренье суетился, кричал, подсказывал, задыхался, хватался за бок, случайно разбил несколько тарелок и опрокинул супницу. Затем выставил всех слуг и сообщил Фоллону, что тот может быть свободен.

– Если услышишь шум сражения, – сказал Ренье напоследок, – то можешь вызвать городскую стражу. Но не раньше.

– Хорошо, – кивнул Фоллон и удалился. Ренье с восхищением глянул в его прямую спину.

Гости начали прибывать ближе к полуночи.

Ренье, разумеется, несколько преувеличивал, когда говорил о «клубе» кредиторов, но тем не менее многие из тех, кто одалживал Ренье более-менее крупные суммы, действительно были знакомы между собой. Среди них имелись игроки, владельцы харчевен, просто почтенные граждане. Каждого Ренье известил о приглашении лично или письмом, и все они пришли в смутной надежде получить наконец назад свои деньги.

Ренье встречал их как своих лучших друзей. Усаживал за стол, усердно потчевал, развлекал: болтал, громко хохотал, выкрикивал остроты.

– А вот и любезнейший господин Кавалон! – в восторге метнулся Ренье к последнему из пришедших. – Человек, который и подал мне идею собрать вас вместе! Представьте себе, не далее как сегодня утром господин Кавалон мне по-дружески жаловался, что слишком долго стоял в дверях своей лавки в ожидании, пока я приду к нему с деньгами. Стоял-стоял и обгорел на солнце. Показывает мне загар на лице и спрашивает моего мнения: не слишком ли экстремально. А я: «Когда речь идет о медном тазе, трудно судить об оттенках красного»... Ха-ха!

Кавалон густо покраснел и попытался было опровергнуть сказанное, но его голос звучал жалко. И хоть никто из гостей даже не улыбнулся так называемому остроумию Ренье, Кавалона не оставляло отвратительное ощущение, будто над ним все смеются.

Гости наконец устроились и принялись за ужин. Их немного удивляло: для чего Ренье потребовалось собирать всех за одним столом в доме своего брата, если угощение явно доставлено из трактира, причем не лучшего? Но никто не стал возражать. Все ждали кульминации праздника.

Ренье продолжал балагурить. С каждой минутой его шутки становились все более плоскими. Кое-кто попытался разрядить атмосферу и рассказал случай из трактирной жизни. Касался этот случай перебоев с поставками сидра, и юмор ситуации был понятен лишь тем, кто точно так же страдал от подобных перебоев. Прочие выслушали с недоумением, зато Ренье пришел в восторг.

Наконец Кавалон поднялся.

– Полагаю, я выскажу общее мнение, если попрошу господина Ренье объяснить нам смысл сегодняшнего собрания.

– А я разве не говорил? – изумился Ренье. Он почему-то посмотрел наверх, туда, где в любимых комнатах дяди Адобекка на пятом этаже сидел и, несомненно, кипятился Эмери. – Я довольно много выиграл в кости и решил сделать что-нибудь приятное тем, кто в свое время выручил меня. Господа! Разве вам не приятно?

– Ну, внимание... приятно, – пробурчал один из гостей.

Другие посмотрели на него оскорбленно, как будто он предал их общие интересы.

– Тише! – закричал вдруг Ренье. – Внимание! Они уже здесь! Я их слышу, слышу...

– Кого? – возмутился Кавалон. – Кого вы слышите?

– Тихо, говорят вам! – оборвал Ренье. – Слушайте...

За окном действительно раздались какие-то странные звуки.

– Похоже, будто тянут за струны, – проговорил бородач с квадратной физиономией, что сидел по правую руку от хозяина пиршества. – Музыканты там, что ли, настраиваются...

– А, вы угадали! – громко прошептал Ренье. – Но тише, тише! Это для вас. Для всех вас, господа.

Тем временем настройка закончилась, и зазвучала серенада.

Играли ее из рук вон плохо. Струнные инструменты дребезжали и фальшивили, флейта пронзительно вопила, словно бы в ужасе, потому что упорно не попадала в такт и, проваливаясь в пустоту, страдала от вселенского одиночества. Барабанщик стучал отрешенно, мало интересуясь остальными.

Но самое страшное началось в тот миг, когда наступил черед певца. Высокий сорванный мужской голос был из тех, кто считает, что в силовом пении таится неотразимое обаяние. Кто внушил таковым это заблуждение, остается роковой загадкой.

Прелестный друг, уж вечер настал,
Уж я и ждать тебя устал, –

выводил певец, придыхая на конце каждой строки.

Услышь серенаду ты мою,
Я в честь тебя ее пою.

Ренье радостно улыбался, с каждой секундой все шире. Он знал, что эта серенада содержит не менее ста двустигий. Редкая женщина выдерживала хотя бы двадцать: обычно на головы поющих выливался ночной горшок или сыпались какие-нибудь тяжелые, неприятные на ощупь предметы.

– Что это? – завопил Кавалон. У него первого сдали нервы.

– В вашу честь, – сказал Ренье. – Я же ясно написал в пригласительном письме: праздник в вашу честь, с угощением и сюрпризом. Угощение – вот, а сюрприз – там, за окном.

– Слушайте, это жестоко, – проворчал рыжий харчевник с бородавкой на носу, один из самых терпеливых кредиторов.

– Автору трактирного супа не должно рассуждать о жестокости! – патетически воскликнул Ренье, перекрикивая певца и музыкантов, те как раз входили в раж, добравшись до пятнадцатого двустушия:

Светит луна, она в небе одна,
Я так одинок, как в небе луна...

– Моего выигрыша все равно не хватило бы, чтобы расплатиться со всеми, – продолжал Ренье. – Как же я мог показать вам мое доброе отношение?

Певец надрывался:

И если ты ко мне не придешь,
То у меня есть острый нож,
Мой труп под утро ты найдешь.

Затем все смешалось, струны забрякали невпопад, флейта заверещала, как пойманный за ножку поросенок, а барабан бухнул пару раз и затих. Певец неожиданно обрел глубину голоса и заорал бархатным басом:

– Руки прочь от музыкантов, сволочи!

Бряцанье оружия было ему ответом.

Ренье бросился к окну и распахнул его. Высунулся почти до половины, так что в комнате остались только его ноги и та часть тела, по которой большинству из собравшихся хотелось бы нанести десяток добрых ударов розгами.

На улице кипела драка. Стражники хватали музыкантов, отбирали у них инструменты, вязали им руки. Те отбивались, ругаясь на чем свет стоит.

А прямо посреди улицы высился Фоллон и с невозмутимым видом наблюдал за происходящим.

– Что тут творится? – завопил Ренье. – Почему мне портят праздник?

Фоллон повернул голову и встретился с ним взглядом.

– Я действовал согласно вашим указаниям, господин Ренье, – изрек он.

– Каким еще указаниям? – надрывался Ренье. – Говорят вам...

– Простите, – твердым тоном перебил Фоллон, – вы велели мне вызвать ночную стражу сразу же после того, как я услышу шум сражения. Я услышал шум сражения. Крики боли, глухие стоны и удары. Стражники здесь и выполняют свой долг.

Ренье вернулся в комнату и обратился к своим кредиторам:

– Прошу меня извинить. Пиршество окончено, явились солдаты.

Люди начали расходиться. Один или двое пытались задержаться, схватить Ренье за грудки и начать кричать ему в лицо: «Где мои деньги?» Но большинство удалялось совершенно безропотно. А бородач с квадратной физиономией пробурчал:

– Лично мне все понравилось...

Глава десятая

БЕГЛЕЦ ИЩЕТ ПОКРОВИТЕЛЬСТВА

Пиндар вступил на свой смертный путь в тот день, когда доверился добросердечному юноше, которого повстречал совершенно случайно. Начало всему было положено в горах герцогства Вейенто, возле небольшого костра, где сидел молодой человек, погруженный в печаль.

Бальян думал о гномской даме, с которой его связывала истинная дружба. По правде говоря, Даланн была самой давней из его друзей. И вот она ушла. Стала глыбой родонита. С годами ее черты изгладятся из камня, и кто-нибудь отыщет розовый полупрозрачный самоцвет без единой темной жилки и наделает из него женских украшений. И магистр Даланн, которая в мире людей считалась безобразной, будет – в том же мире людей – подчеркивать женскую красоту.

– «Зрячие скалы», – пробормотал Бальян. – Повсюду – плоть умерших гномов. Наше отношение к камням как к неживой материи по меньшей мере кощунственно. Нужен особый дар, чтобы ощущать эту одушевленность. Вот еще один признак ущербности человеческой природы. Мы этого не чувствуем. В лучшем случае просто знаем об этом. Знаем, но не чувствуем.

Он коснулся ладонью камня, на котором сидел, и попытался представить себе того гнома, который был этой плотью столетия назад. Борода, блестящие любопытные глаза, длинные мускулистые руки с широченными, как лопаты, ладонями.

«Ты стоишь на базальте», – сказала Бальяну перед смертью Даланн.

Базальт. Самая твердая порода из всех, что извергает вулкан. Вот такое определение она отнесла к первому сыну Вейенто.

Аваскейн – последний сын. Хрупкий и изысканный. Соотносится с вулканическим стеклом – первым, что исходит из чрева разъяренной земли.

Любопытная мысль...

– Помогите!

Крик вырвал Бальяна из задумчивости. Он вскочил, схватился за кинжал. Огляделся по сторонам. Кричали откуда-то снизу, но голос и топот ног быстро приближались: некто торопливо поднимался по склону.

Юноша только теперь обратил внимание на то, что начинает темнеть. Пока он сидел у костра, грустно и сосредоточенно размышляя о смерти Даланн, солнце почти совершенно опустилось к горизонту.

На полянку перед Бальяном выскочил человек. Глаза его безумно блуждали, одежда на нем была порвана и кое-где испачкана темными пятнами – была то грязь или кровь, Бальян не понял.

– Вы человек! – взвизгнул растерзанный незнакомец и бросился к Бальяну. – Помогите! Спасите меня!

– Сядьте здесь, – резко приказал Бальян. – Сядьте и замолчите!

Незнакомец подчинился, дрожа всем телом. Он опустился на землю, обхватил колени руками, прижался к ним подбородком и затих.

Бальян закрыл его собой. Кинжал он держал в опущенной руке.

– Учтите, их много, – послышался глухой голос незнакомца у него за спиной.

Не оборачиваясь, Бальян проговорил:

– Я найду способ защитить вас. Молчите!

Шум погони приближался. Бальян вытянул шею, всматриваясь в сумерки, и, когда пять или шесть сгустков тьмы выкатилось на поляну, крикнул:

– Я здесь! Сюда!

Тяжело дышащие, пыхтящие гномы обступили костер. Они все были вооружены: кто топором, кто коротким мечом, а один – сильно искривленным луком. Такие луки бьют очень сильно и пробивают насквозь толстую деревянную плиту, если стрелять с небольшого расстояния.

– Человек! – рявкнул один из гномов и плюнул.

– Я буду говорить со старшим, – заявил Бальян, делая повелительный жест. – Назовитесь.

Вперед выступил кривоногий гном с плечами непомерно широкими даже для его народа. Он горделиво повел головой, что удалось ему не без труда, так как шея у него была искривлена.

– Бенно, – объявил он. – А ты?

– Бальян, – назвалса юноша.

На несколько секунд стало тихо. Гномы переглядывались и пожимали плечами. Потом, как и рассчитывал молодой человек, один из них вскрикнул:

– Бальян? Не тот ли, что был консультантом у магистра Даланн?

– Да, – сказал Бальян с важностью, подражая повадками гномам. – Это я.

Преследуемый ничего не понимал. Обстановка на поляне сразу изменилась, стала дружеской, едва ли не родственной. Бальяна обступили, принялись охлопывать по бокам и плечам, хватать за руки, дергать за волосы, иногда весьма чувствительно. При этом гномы рокотали и ухали, бессвязно, но весьма приветливо.

Затем один из них (не Бенно) спросил:

– Говорят, магистр Даланн нездорова?

– Она ощущает свою близость к горам, – добавил другой. – Это так?

– Многочтимая магистр Даланн обрела истинную плоть, – сказал Бальян негромко.

Ответом ему были вздохи и всхлипывания.

Затем Бенно торжественно спросил:

– Какой же явилась ее истинная плоть?

– Чистейший родонит, – сказал Бальян. – Я никогда не видел ничего подобного. Почти прозрачный.

– Как наши слезы, – сказал один из гномов и мрачно потянул носом.

Человек, попросивший у Бальяна помощи, вдруг шевельнулся у него за спиной, и Бальян понял, что, увлеченный разговором об умершей Даланн, успел совершенно забыть о нем.

Бенно тоже вспомнил причину, по которой он вместе с товарищами забрался на эту гору.

– У твоего костра скрывается некто, – провозгласил Бенно.

– Некто находится сейчас под моей защитой, – ответил Бальян.

– Отдай его нам, – сказал Бенно просто. – Мы должны его казнить.

– Здесь – человеческие владения, – сказал Бальян. – И поскольку я развел здесь костер, то владения эти мои.

– Справедливо, – пробурчал Бенно.

– Расскажите, в чем он виноват, – попросил Бальян. – Я буду думать.

– Чего тут думать! – выкрикнул один из преследователей, но Бенно цыкнул на него:

– Мы знаем Бальяна. Магистр Даланн верила в его мудрость. Мудрый человек заслуживает, по крайней мере, объяснений с нашей стороны.

– Ладно, – пробурчали из темноты. – Выкладывай ему. Он и сам с нами согласится, когда все узнает.

– Я буду судить по человеческим меркам, – предупредил Бальян. – Они могут показаться вам несправедливыми, но в таком случае я буду вынужден вызвать вас на бой.

– До боя не дойдет, – обещал Бенно. – Этот человек украл у нас мешочек с отличными бериллами.

– Я не знал! – выкрикнул беглец. – Мешочек просто лежал!

– Ага, а ты просто его подобрал, – огрызнулся Бенно. – Очень ловко. Если это был мешочек, значит, кто-то его оставил. Так? Мешочки не бывают «просто так». Мешочки всегда что-то.

– Но хозяина не было, вот я и решил... – еще раз попытался объяснить беглец.

Гномы возмущенно зашумели, стуча рукоятками топоров о камень, а Бальян примирительно заметил:

– В человеческой натуре подбирать все, что плохо лежит. Он вернул вам камни?

– Мы их отобрали, – сообщил Бенно.

– В таком случае инцидент можно считать исчерпанным, – сказал Бальян. – Этот человек проявил себя жадным и неосмотрительным, но по нашим законам подобные вещи не караются смертью. Ступайте.

Но гномы не трогались с места, явно недовольные.

– В чем дело? – спросил Бальян. – Вы обещали подчиниться моему решению.

– Ну, – протянул Бенно, – может быть, ты еще передумаешь? Больно уж у этого человека лицо неприятное. Понимаешь?

– Возможно, – не стал спорить Бальян, – я ведь его не рассматривал. Но припомните-ка лучше все те случаи, когда мой отец миловал гномов, хоть они и нарушали наши законы по незнанию!

– Твоя правда, – нехотя пробурчал Бенно. И обратился к своим: – Идемте. Нужно проститься с Даланн, пока она не ушла в скалы насовсем.

И гномы один за другим начали спускаться, исчезая в ночной темноте.

Бальян подложил в костер еще ветку. Огонь вспыхнул ярче, озарил лицо сидящего на земле человека. Бальян пристально посмотрел на него.

«И впрямь – неприятная физиономия, – подумал юноша. – Впрочем, у кого она будет приятной после панического бегства, да еще после того, как тебе наваливали гномы!»

– Как вас зовут? – спросил его Бальян.

– Пиндар, – назвался тот.

И, помолчав, заговорил на совершенно неожиданную для Бальяна тему:

– Скажите, кто та дама, о которой вы упоминали в беседе с Бенно?

– Магистр Даланн? – удивился Бальян. – Вы ее имеете в виду?

– Да, если вы тоже имеете в виду именно ее.

– Поясните.

– Она была магистром в Академии Коммарши, – сказал Пиндар. – Преподавала теоретическую эстетику. Она когда-нибудь рассказывала вам об этом?

– Разумеется, и не раз, – кивнул Бальян.

Пиндар вздохнул.

– Я был ее студентом. Мы, бывало, спорили до хрипоты. Впрочем, с ней особо не поспоришь – она умела так рявкнуть, что у любого спорщика колени подгибались.

Бальян грустно улыбнулся:

– Да, она была такой.

– Она умерла?

– Сегодня.

Они помолчали, ощущая, как между ними растет близость. Волшебным образом Пиндар перестал казаться Бальяну «неприятным». Напротив, молодой человек стал находить его вполне симпатичным.

– Какой она была – там, в Академии Коммарши? – спросил Бальян.

– Магистр Даланн? – Пиндар еле заметно улыбнулся, одними уголками губ. – Свирепая карлица. Умная. Яркая личность. Про нее шептались, будто она тайком сбривает бороду.

– Сбривает? – удивился Бальян. – У нее была жесткая редкая борода, и она ее вовсе не сбрасывала. Напротив, носила с гордостью. У многих гномских дам растет борода, и они этого вовсе не стыдятся.

– В те времена Даланн скрывала свою принадлежность к народу гномов, – пояснил Пиндар.

– Почему? – удивился Бальян.

Пиндар пожал плечами.

– Может быть, она считала, что гномку не возьмут в качестве преподавателя в Академию. С тех пор многое изменилось... – Он помолчал и, видя, что молодой человек теперь к нему вполне расположен, перешел к вопросу, волновавшему Пиндара с первой минуты. – Вы упомянули о своем отце и о его отношениях с народом гномов... С моей стороны не будет нахальством спросить: кто ваш отец?

Бальян молча смотрел в огонь. Он молчал так долго, что Пиндар уже начал мысленно проклинать себя за поспешность и отсутствие деликатности. Если отец юноши – влиятельный человек, было бы верхом глупости спугнуть такого покровителя!

Но в конце концов Бальян ответил:

– Мой отец – герцог Вейенто. – И, глянув на Пиндара искоса, добавил: – Но я бы вам посоветовал не слишком-то рассчитывать на мое содействие. Я – незаконный сын. Так что мое покровительство при герцогском дворе – не более чем пустой звук.

* * *

Простодушный Бальян ошибался. Разумеется, рекомендация бастарда ничего не значила для герцога Вейенто, но Пиндару не требовались никакие особые рекомендации. Все, что ему было нужно, – это способ проникнуть к герцогу Вейенто и попросить об аудиенции. Разговаривая с начальником стражи, Пиндар сослался на свое знакомство с Бальяном, а остальное оказалось делом несложным. Вейенто принял Пиндара спустя час после появления бывшего поэта в замке.

– Сразу переходите к делу, – объявил герцог. – Времени у меня мало, так что извольте просто отвечать на вопросы. Как вы познакомились с моим... э-э... бастардом?

– Случайная встреча в горах.

– Как он вам показался?

– Добр, недалек, простодушен, гномов знает лучше, чем людей.

– Ваша оценка совпадает с моей, – кивнул Вейенто. – Как вы оказались в горах?

– Бежал.

– Подробней.

...История произошла, прямо скажем, не слишком благопристойная, но Пиндар – который в отличие от Бальяна хорошо разбирался в людях – мгновенно почувствовал: герцогу Вейенто следует изложить ее без всяких сокращений и прикрас.

Поэт был нанят в один богатый дом в качестве преподавателя риторики для наследника. По мнению Пиндара, жалование ему положили недостаточное, так что он предпринял некие действия по увеличению своих доходов.

Пиндар выяснил, что нанявшее его семейство враждовало с семейством, обитавшим по соседству. Поэтому Пиндар собрал некоторое количество компрометирующих сведений, а затем отправился к соперникам своих хозяев и эти сведения хорошо продал.

Но после заключения столь удачной сделки случилось нечто непредвиденное: оба семейства взяли и примирились. И первым делом ополчились на соглядатая и клеветника – Пиндара, так что тому пришлось бежать.

Спасаясь от преследований, Пиндар укрылся в горах, где произошел неприятный инцидент с гномами.

– ... И если бы не господин Бальян, плохо бы мне пришлось, – заключил Пиндар.

Вейенто, прищурившись, созерцал стоявшего перед ним просителя. Пиндар держался непринужденно, малопривлекательные для себя подробности излагал без всякого смущения и явно ожидал от герцога каких-то благ.

– Ваше бесстыдство завораживает, – признался Вейенто. – Только не говорите мне, что это – признак утонченной натуры. А что, ваши стихи действительно хороши?

Пиндар пожал плечами.

– В зависимости от того, что вам нравится, мой господин.

Вейенто поморщился: ему не нравилось, когда к нему так назойливо набивались в холопы.

– Я еще не ваш господин, так что называйте меня – ваше сиятельство.

– Хорошо, ваше сиятельство, – преспокойно согласился Пиндар. И продолжал: – В моем творчестве я предпочитал воспевать безобразное. Видите ли, ваше сиятельство, я находил в распаде, тлене и гниении особенную красоту. Ведь существуют же на свете люди, которые предпочитают свежим плодам подпорченные? Подпорченное обычно слаще. Не так ли?

– Не важно. – Вейенто махнул рукой. – Продолжайте.

– От кристально чистой воды ломит зубы, от кислых яблок сводит челюсти. Ваш сын, ваше сиятельство, – кислое яблоко и чистая вода. С ним невозможно иметь дело!

– Я не спрашивал вашего мнения о моем бастарде. – Вейенто постучал пальцами по подлокотнику кресла. – На самом деле меня интересует другое: каким образом мне можете быть полезны вы, любезный Пиндар? И что мне с вами делать? Может быть, изгнать из герцогства и забыть о вашем существовании? А заодно и предупредить Бальяна о том, чтобы он поменьше якшался со всякими проходимцами...

Пиндар молча ожидал продолжения. Вейенто добавил задумчиво:

– Забавно, но Бальян действительно похож на свою мать. Не только внешне, но и характером. Своим отношением ко мне. Он никогда не претендует на то, что ему не принадлежит. Он в состоянии хранить преданность без всяких условий.

– В отличие от меня, – вставил Пиндар. – Если вам нужна моя преданность, то учтите: у меня есть условия.

– Слушаю вас, – сказал герцог.

Пиндар улыбнулся.

Именно с этой минуты он получил разрешение именовать Вейенто «мой господин». А спустя неделю Пиндар отбыл в столицу Королевства с тайным заданием.

Бальян так никогда и не узнал о том, что Бенно был абсолютно прав, а он, Бальян, страшно ошибся.

«Поведение людей, как и поведение гномов, – учила магистр Даланн, – может быть дву-, трех- и более смысловым и чаще всего не поддается однозначной трактовке. Поэтому всех ваших теоретических познаний не хватит для того, чтобы правильно оценить то, что вы видите. Подключайте интуицию, у кого она есть, дети мои! Непременно подключайте интуицию...»

Глава одиннадцатая УПАВШАЯ ЧЕРЕПИЦА

«Меня хотят убить».

Воспоминание уже поджидало Эскиву. Оно находилось в спальне всю ночь, чтобы быть первым, что встретит девочка, едва откроет глаза.

Некто пытается уничтожить ее. Погасить для нее свет солнца и обеих лун, отобрать у нее ветер и сияние рек, зелень лесов, фантазии ее гобеленов...

Эта мысль больше не пугала ее. Напротив, придавала жизни новизну. Эскива смотрела на свою комнату так, словно видела ее в первый раз. Все кругом было новым: кровать с высокой спинкой и низенькими бортиками, узорчатое растение, тихо покачивающееся на окне, драпировки возле входной двери...

Девочка представила себе, каким новым предстанет ей мир, когда она выйдет из комнаты в сад, в город, когда она оседлает коня и окажется на дороге, петляющей между лугов и деревень. У нее дух захватило от одной только мысли об этом.

«Должно быть, все это потому, что эльфы живут очень долго, – подумала девочка. – Они ведь не задумываются о смерти. В отличие от людей. Выходит, мне повезло, раз на меня готовится покушение...»

Однако Эскива ошибалась: дети так же бессмертны, как и эльфы. Если ребенок здоров, он не думает о возможности умереть. Только не для себя. Так что в этом отношении Гайфье был таким же бессмертным, как и его сестра.

Но Гайфье никто не пытался убить, и потому мир для Гайфье оставался прежним: обжитым, интересным и по большей части безопасным.

Эскива отбросила одеяло, вскочила. Засмеялась. Начинаясь новый день, и, если она переживет его, значит, у врагов – какими бы хитрыми они ни были – вырвана еще одна победа.

Интересная игра. Дух захватывает. Приходится делать вид, будто Эскива просто живет, как всегда: завтракает, читает, посещает занятия... И одновременно с тем каждое мгновение ожидает столкновения с серьезной опасностью. А еще – пытается разгадать, кто именно хочет отобрать у нее великое богатство эльфийской жизни.

Она почти не сомневалась в том, что главным действующим лицом всей интриги является Гайфье. Эскива, разумеется, знала о существовании партии, желавшей видеть на троне Королевства человека. Чистокровного человека, не связанного с Эльсион Лакар.

Называли герцога Вейенто. Но герцог уже немолод. Если Эскива «случайно» погибнет, лучшей кандидатурой на роль короля станет Гайфье. Уда будет устранена без труда – она всего лишь жена регента. К тому же ее брак с Талиессином никогда не получал эльфийского благословения и, следовательно, мог быть расторгнут. Совершенно как брак какой-нибудь простой горожанки, лавочницы или, там, ткачихи.

– О-о, – протянула Эскива, – это большая политика...

Она схватила платье – белое, отрезное под грудью, без рукавов. Снежный шелк удивительно оттенял нежную смуглую кожу девочки.

Эскива стремительно повернулась к зеркалу. Глаза ее сияли. Тот, у кого поднимется рука на такое изумительное воплощение жизни, юности, красоты, – тот совершит святотатство.

Эскива тряхнула волосами, засмеялась. Невозможно! То, что она видела в зеркале, без всяких слов говорило ей о том, что убить ее невозможно. Можно попытаться и проиграть, не более того. Юность и красота бессмертны.

* * *

Весь день королеву не оставляло лихорадочное возбуждение. Она то и дело бросала взгляды через плечо, так что один из придворных кавалеров, поймав такой взгляд, вдруг жутко смутился, покраснел и потом крался за Эскивой по саду с намерением спросить у ее величества: что она имела в виду. Вместо ответа Эскива поцеловала его в лоб и тем самым окончательно уничтожила. Пока она с хохотом убегала, кавалер потирал лоб на месте поцелуя и ощущал неземное блаженство.

Утро после завтрака она провела за книгами. Королеве полагалось хорошо знать произведения поэтического и романтического искусства. Талиессин лично следил за ее образованием. Некогда, будучи наследным принцем, Талиессин перечитал почти все книги в королевской библиотеке и теперь хорошо разбирался в том, какие из романов следует давать девочке, а какие лучше бы попридержать до более позднего времени.

Эскива вполне доверяла отцовскому выбору и охотно глотала роман за романом, поэму за поэмой. Она отлично разбиралась в запутанных генеалогических и любовных связях многочисленных персонажей, знала о монстрах, кажется, все, что только можно выудить со страниц, и могла к месту процитировать поэтическую строку. Со временем, полагал Талиессин, это поможет ей завоевать популярность среди образованной части подданных.

Эскиве было жаль, что она не может поделиться своими чувствами ни с кем из близких. Сказать отцу? Талиессин всполошится, устроит облаву на негодея, что осмелился посягнуть на драгоценную жизнь дочери. По саду начнут бродить стражники. К Эскиве намертво приклеится какой-нибудь бдительный субъект, и она будет поминутно наткаться на него, а он – глупо улыбаться и шептать: «Не обращайтесь на меня внимания, ваше величество».

Может быть, открыть все Уиде? Но Уида непременно превратит все в балаган. Сколько Эскива помнила мать, та всегда была захвачена одним: своей любовью к Талиессину. Что бы ни происходило, оно служило декорацией для нового любовного розыгрыша.

Преданных фрейлин у Эскивы не имелось. Эти милые красотки иногда бывали забавны, но ни с одной королева не была настолько близка, чтобы доверить свою тайну.

Кто остается? Брат? Но его-то она и подозревала в первую очередь. Да он попросту не поймет, какие волшебные чувства вызвал у нее своей попыткой убрать ее с пути.

Поэтому девочка продолжала молчать и загадочно улыбаться, а в груди у нее стал щекотать крохотный червячок.

Приближалось время урока в мастерской. Эскива уже рисовала в воображении тот фрагмент гобелена, который предстоит выткать сегодня. Ей нравилось создавать работу сначала в уме, а потом смотреть, как образы ее фантазии обретают материальность.

Девочка бежала по дорожке сада. Затем, по мере приближения к строениям дворцового комплекса, шаг ее замедлился. Ей хотелось не просто проживать эти единственные в своем роде дни – дни, когда смерть вдруг предстала перед ней так явно, – ей хотелось впитывать каждое мгновение, каждое впечатление, которое может оказаться последним.

Флигель, где жили дворцовые чины средней и низшей значимости, представлял собой трехэтажное нарядное здание. Верхний этаж занимал виночерпий. Эскиву всегда удивляло: как это вышло, что такое веселое, пестренькое жилище не оказало на чопорного виночерпия никакого влияния. Девочке казалось, что людей и их дома объединяет некая тайная связь: со временем они становятся похожи. Но виночерпий служил ярким опровержением этой теории.

Эскива задрала голову, рассматривая окна верхнего этажа. Выше карниза имелся лепной фриз: корзины с цветами и фруктами, заменяющие головы босоногим поселянкам. Отчасти именно это украшение повлияло на собственные рисунки девочки: она вдруг поняла, что для

творчества нет границ – если художник видит человека с корзиной вместо головы, он имеет полное право так его и изобразить; а если кому-то снятся летучие лошади с масками в виде женских лиц – стало быть, и такие лошади вправе обрести полноценное бытие, хотя бы на гобелене.

Эскива весело смотрела на фриз и даже не удержалась: подмигнула одной из поселянок.

И тут прямо перед Эскивой с крыши упал большой кусок черепицы. Если бы Эскива не рассматривала фриз, она не заметила бы летящего предмета и не успела отскочить назад – черепица ударила бы ее прямо по голове. А так кусок тяжелой обожженной глины с заостренными краями рухнул под ноги девочки, рассыпался на десятки обломков, и два из них царапнули ее по колену.

Эскива быстро глянула выше фриза и успела заметить человека, стремительно скользящего за скат крыши.

Девочка закусила губу, перешагнула через кучу битой черепицы и продолжила путь в мастерскую.

Она не успела испугаться в первый момент, но спустя несколько минут страх все-таки настиг ее. Щекочущий червячок исчез: ощущения сделались слишком сильными и перестали приносить удовольствие. «А вдруг я на самом деле умру?» – подумала она. И еще подумала о черной пустоте, в которую уходят Эльсион Лакар.

Она схватилась руками за голову и поскорее побежала к мастерице. По крайней мере, за работой можно будет забыться. А там и ужас небытия отступит, и Эскива вновь обретет самоуверенность, с какой ходит по жизни бессмертное существо.

* * *

– Обратите внимание на два желтых стежка, ваше величество, – сурово произнесла мастерица. – Они у вас вопиют. Вы выбрали неправильный цвет. Немедленно переделайте. Слишком яркие стежки нарушают гармонию всей работы.

«Подумаешь, всего два стежка, – думала Эскива, послушно выполняя приказание. – Их не будет заметно на большом гобелене».

– И напрасно вы считаете, будто на большом гобелене никто не заметит двух неудачных стежков, – назидательно произнесла мастерица, как будто прочитала мысли ученицы. – Всегда найдется наблюдательный человек. И что тогда станет с вашей репутацией? А если этот наблюдательный человек – какой-нибудь мастер?

Эскива подняла глаза на свою наставницу в ткаческом искусстве и кротко произнесла:

– В таком случае ни одна уважающая себя мастерская не даст мне заказа.

И вернулась к работе, низко наклонив голову к гобелену.

Она пыталась вызвать в памяти лицо человека, которого видела на крыше. Несомненно, она встречала его раньше. Более того, он попадался ей совсем недавно.

Он выглядел обескураженным. Совершенно определенно, в тот миг, когда их взгляды соприкоснулись, – в очень краткий, но все же ощутимый миг, – этот человек испугался. И поскорей нырнул за скат крыши. Он увидел, что покушение не удалось и что несостоявшаяся жертва заметила его.

Что будет дальше? Эскива предпочитала пока не задумываться над этим. Для начала ей нужно сообразить, кто же ее убийца.

– Можно мне взять картон, мастерица? – вдруг спросила Эскива, откладывая работу.

Та удивленно подняла брови:

– Картон? Вы хотите что-то переделать в узоре, ваше величество?

– Нет, – Эскива чуть смутилась, – я неправильно выразила свою мысль. Мне нужен небольшой кусочек чистого картона. Я хочу нарисовать... одну вещь, которая только что пришла мне в голову.

– Когда вы работаете над каким-то проектом, никакие посторонние мысли не должны приходить вам в голову, – сказала мастерица. – Это отвлекает и может испортить все.

– Знаю, – произнесла Эскива, – но это важно.

– Ничто не важно, кроме вашего гобелена, – возразила мастерица. – Когда урок будет закончен, рисуйте что хотите.

И Эскиве пришлось подчиниться. В своей мастерской наставница была непререкаемым авторитетом и требовала беспрекословного послушания. Поэтому Эскива отправила на задворки памяти образ человека, чье лицо ей непременно требовалось нарисовать. Девочке пришлось напрягаться изо всех сил, чтобы черты, с таким трудом извлеченные из мимолетного впечатления, не испарились.

Такое послушание принесло плоды. Когда урок был закончен, мастерица решила вознаградить свою царственную ученицу за старание.

– Завтра вам предстоит сложный фрагмент, – сказала она, указывая на картон. – Постарайтесь заранее представить в уме, как будете над ним работать.

Эскива кивнула:

– Я буду размышлять об этом перед сном.

– Надеюсь, это не приведет к ночным кошмарам. – И мастерица протянула ей небольшой листок. – А теперь рисуйте. Что там пришло вам в голову?

Эскива взяла свинцовую палочку и обвела окружность лица. И, как это часто случается, едва она прикоснулась палочкой к листку, хрупкий образ, хранившийся в ее памяти, рассыпался. Ей пришлось закрыть глаза и восстанавливать картинку: округлый подбородок, карие глаза, окруженные тоненькими морщинками, чувственный рот, сложенный сердечком. Наконец свинцовая палочка снова забегала по листку, и скоро набросок мужского лица был готов.

Мастерица с интересом взглянула на рисунок. Брови женщины поползли вверх.

– Что это такое, ваше величество?

– Так, один человек, – стараясь говорить небрежно, ответила Эскива. – Он меня... заинтриговал.

– Надеюсь, вы не хотите использовать это лицо для следующей работы?

– Разумеется, нет! – Эскива засмеялась. – Кому захочется повесить у себя в спальне эдакую физиономию? Разве что какой-нибудь влюбленной дурочке... Если таковая существует.

– Мне кажется, я наталкивалась на этого человека во дворце, – прищурилась мастерица.

– Правда? – Эскива выглядела обрадованной. – Где?

– Не могу в точности припомнить. Наверняка один из этих бездельников, что морочат голову моим ученицам, служанкам и молоденьким стряпухам...

– Точно! – Эскива даже подскочила от радости. – Точно! Один из бездельников!

– Чем же он так вас заинтриговал, ваше величество? – осторожно осведомилась мастерица.

– Просто... я видела его на крыше.

– Полагаю, навещал таким способом какую-нибудь даму, – сказала мастерица. Внезапно она покраснела, как девочка, и присела в поклоне. – Простите, ваше величество. Я не должна оскорблять вашего слуха подобными высказываниями. Ваше величество держится так просто, что я иногда забываю о том, что вы – не обычная ученица, а моя повелительница. И дитя к тому же.

– Ну, не такое уж я дитя, – сказала Эскива, очень довольная. – Однако благодарю вас за все. За урок и за подсказки.

Они расстались. Эскива побежала по саду, сгорая от нетерпения. Ей было весело. Она даже несколько раз подпрыгнула на бегу.

Добравшись до дома с фризом, Эскива немного помедлила, а затем решительно взбежала вверх по лестнице и постучала.

При виде королевы на пороге своих апартаментов виночерпий едва не потерял сознание. В первое мгновение Эскива готова была расхохотаться, но затем взяла себя в руки и с важностью осведомилась:

– Ваша супруга дома?

– Ваше величество... Какая неожиданность... – пробормотал виночерпий. – Но это так поистине неожиданно... Что я от неожиданности... – Он закашлялся и побагровел.

Эскиве показалось, что он вот-вот потеряет сознание и рухнет к ее ногам.

– Успокойтесь, – произнесла маленькая королева, стараясь выглядеть величественно и вместе с тем милостиво. – Я не хотела сильно нарушать распорядок вашего дня. Мне известно, как сильно вы дорожите порядком, друг мой.

От этого обращения виночерпий побледнел, а затем румянец вернулся на его ланиты, однако лишь частично, так что лицо бедняги пошло пятнами.

Эскива наморщила нос.

– Послушайте, – строгим тоном произнесла она, – я не желаю, чтобы при виде меня мои подданные падали в обморок. В конце концов, я не такая уж страхолюдина.

– Ваше величество – не страхолюдина, – подтвердил виночерпий, дурея. Затем криво поклонился, зачем-то выставив вперед левое плечо. – Моя добрая супруга, несомненно, дома, как и положено доброй супруге.

– Вот и хорошо, – обрадовалась Эскива, – потому что я хотела бы поговорить с ней. Если позволите – наедине.

– Ваше величество вправе делать все, что угодно вашему величеству. Просто это так неожиданно...

– Для меня тоже, – утешила его Эскива.

– Моя супруга сейчас выйдет. Вы позволите ей переодеться?

– Не нужно ей переодеваться, пусть выходит как есть... – Эскива махнула рукой. – У меня к ней очень короткий разговор. Как ее зовут, кстати?

– Труделиза.

– Я подожду госпожу Труделизу в саду. Вон там, на живописном бревне между кустами. Видите?

– Разумеется. Сейчас она выйдет. Труделиза. Ей не нужно переодеваться? На ней очень простое домашнее платье. Но у нее есть и очень красивые платья. Я дарил ей.

– Хорошо, хорошо.

И Эскива поскорей убежала. Вид смущенного виночерпия действовал на нее удручающе.

Труделиза сошла вниз спустя несколько минут, действительно – в домашней одежде. Ее распущенные волосы едва были прихвачены лентой, а ноги оставались босыми.

Молодая женщина остановилась на дорожке сада, огляделась в поисках той, что ее вызвала.

Эскива встала, чтобы ее заметили.

– Я здесь! – окликнула она Труделизу.

Супруга виночерпия быстро зашагала к девочке, но вдруг наступила на сучок и вскрикнула от боли. Эскива терпеливо ждала, пока та прихрамает к бревну.

– Садитесь, – пригласила королева. И, взяв Труделизу за руку, потянула ее к себе. – Да садитесь же! Ой, вы поранили ногу...

– Я случайно, – шепнула та с виноватым видом.

– Если вы не привыкли ходить босиком, то почему не обулись?

– Мне было приказано выйти к вам как есть, то есть не одеваясь, – пролепетала Труделиза. Эскива накрыла ее ладонь своей. Улыбнулась.

– Ваш супруг понял мое распоряжение слишком буквально. Он – очень точный человек. Преданный распорядку и правилам. Меня это иногда угнетает, особенно во время обедов. А вас?

– Меня? – Труделиза чуть растерялась. Она никак не думала, что разговор примет подобный оборот. – Нет, – подумав, ответила Труделиза. – Мне, напротив, очень нравится, что мой муж никогда не изменяет себе.

– Скажите, он наблюдает сейчас за нами? – спросила Эскива.

Труделиза подняла глаза на дом, затем перевела взгляд на королеву и медленно покачала головой.

– Нет, из окна спальни нас не видно.

– Хорошо. Я хочу показать вам кое-что. Только не изменяйтесь в лице – так, на всякий случай, – прошептала Эскива.

Ее собеседница растерянно кивнула. И Эскива выложила на колени портрет незнакомца, замеченного ею на крыше.

– Узнаете? – спросила Эскива.

Труделиза прикусила губу и заклинаяще уставилась на рисунок, как будто хотела призвать его к молчанию или уничтожить взором.

– Да, – выговорила она наконец. – Как вы узнали, ваше величество?

– Я никому не скажу, – заверила королева. – Просто расскажите мне об этом человеке. Кто он?

– Вам все известно... – Она судорожно вздохнула.

Эскива подняла бровь.

– Послушайте, госпожа Труделиза, я – эльфийка, а для нас любовь священна. Я действительно никому не открою вашей тайны. Сегодня я видела этого человека на крыше. – Эскива махнула рукой, показывая на поселянок с корзинами вместо голов. – Он ведь выбрался из вашего окна, так?

– Обычно он покидает меня позднее, но сегодня почему-то заторопился. Он так спешил, что не решился выходить через дверь. Он и раньше пользовался окном, когда немного задерживался и возникал риск встретиться с мужем.

– Кто он? – повторила вопрос Эскива.

– Его зовут Ренье, он – брат придворного композитора. Ах, ваше величество, у него такая трудная судьба! Его брат – страшный зануда. Не пьет вина, не ходит по женщинам, даже не играет в кости. Только читает нравоучения, и все такое... А Ренье – другой. Он веселый. Мне с ним так хорошо! У него совсем никого нет, только я. Ну и еще несколько служанок, но они не в счет. – Труделиза потупила глаза, но тотчас снова вскинула взгляд. – Он развлекает меня. Он меня любит, мне угождает. Если бы не он, я бы, наверное, наложила на себя руки.

– Хотите, я подберу для вас придворную должность? – предложила королева и тотчас пожалела о своей доброте: Труделиза ей не нравилась.

К облегчению Эскивы, жена виночерпия покачала головой:

– Мой супруг был бы недоволен. Он не хочет, чтобы я часто показывалась на людях. Он считает, что мое предназначение – ублажать его. Ну а у меня для той же цели есть Ренье...

– Я благодарна вам за то, что вы рассказали мне все без утайки, – с чувством произнесла королева. Отчасти, впрочем, эта благодарность была связана с отказом Труделизы от должности. – Ваш секрет останется при мне. Хотите, подарю вам портрет?

Труделиза испуганно качнула головой.

– Муж не должен знать.

– Понимаю. Что ж, сохраню у себя. В крайнем случае скажу, что попыталась изобразить придворного композитора. Если они с Ренье братья, то, должно быть, похожи внешне.

Королева встала, приветливо кивнула Труделизе и ушла. Молодая женщина побрела обратно к апартаментам, где в нетерпении дожидался ее муж.

– Что сказала ее величество?

– Предлагала мне придворную должность, – ответила Труделиза.

– И вы, моя дорогая?..

– Отказалась. Поблагодарила и отказалась...

Виночерпий нахмурился, как бы негодуя на дерзость жены, но потом не выдержал – привлек ее к себе и торжественно поцеловал в макушку.

* * *

Гайфье лежал на траве с книгой. Кинжал, которым кто-то пытался убить Эскиву, валялся рядом. Читать не получалось, мысли разбегались. То и дело Гайфье брал в руки кинжал, водил пальцами по щербине на рукоятке, а затем снова утыкался в книгу, по десятому разу пробегая глазами одну и ту же строку.

Внезапно тень упала на страницу. Гайфье поднял взгляд. Сестра стояла перед ним, такая победоносная и вместе с тем злая, что мальчику стало не по себе.

Он махнул ей рукой:

– Садись, поболтаем. Случилось сегодня что-нибудь интересное?

Эскива устроилась рядом и уставилась куда-то на верхушки деревьев.

– Кое-что случилось, – многозначительно объявила она. И кивнула на кинжал. – Все не можешь расстаться со своей игрушкой?

– Просто мой любимый кинжал.

– Боишься опять потерять?

– Можно сказать, и так, – не стал отпираться Гайфье.

– В жизни происходит полно неожиданностей, – сказала Эскива. – Можно потерять кинжал, а можно что-нибудь уронить. Например, кусище черепицы. Кому-нибудь на голову.

– О чем ты говоришь, Эскива?

– Да так. Вспомнила тут одного человека. Забавный такой человек. Встречала его пару раз.

Эскива положила на траву рисунок. Свинцовый карандаш уже немного размазался. Гайфье взял рисунок в руки и удивленно воскликнул:

– Это же Ренье!

– Да, мне, кажется, называли это имя. Ренье. Он ведь твой приятель?

– Ну... да. Наверное, – согласился Гайфье. – Время от времени мы разговариваем. Забавный тип. Много знает. Вообще мне с ним бывает интересно.

– Ну конечно интересно, – сказала Эскива. – Стало быть, твой приятель. А я тут болтала с его любовницей. Тоже забавная женщина. Только глупая и трусливая. Она ему деньги дает, можешь себе представить?

– Я другого себе не представляю, – сказал Гайфье, – какое отношение все это имеет к нам? К тебе, ко мне?

– А, – протянула Эскива, – это очень просто. Сегодня твой дружок был так неловок, что, лазая по крышам, едва не прибил меня.

Гайфье похолодел.

– Я не вполне тебя понял, Эскива, – пробормотал он.

– Почему меня сегодня никто не понимает? – рассердилась девочка. – Это что, заговор? Говорят же тебе: он уходил от своей любовницы. По крыше, потому что боялся наткнуться на мужа. И – ба-бах! – уронил на меня кусок черепицы. Я как раз шла вниз. Вот как странно все совпало.

– Ренье? – повторил мальчик.

– Мне казалось, я называла его имя, – сказала Эскива ледяным тоном. – У него есть старший брат, придворный композитор. Тот, что пишет музыку ко всем нашим праздникам. По словам Труделизы, тиран и зануда. Житья не дает бедненькому Ренье, все пристаёт с нрауочениями.

– Кто такая Труделиза? – Гайфье чувствовал себя совершенно растерянным, и каждая фраза сестры сбивала его с толку еще больше.

– Любовница твоего Ренье, – пояснила девочка и встала. – Он – неудачник. Берегись, брат, неудачи заразны.

И убежала. Гайфье долго смотрел ей вслед, даже потом, когда она уже скрылась за деревьями.

Ренье.

Ренье находился на крыше дома, когда внизу проходила Эскива, и сбросил на нее кусок черепицы. Она видела это собственными глазами. Точнее, она видела Ренье на крыше, а потом на нее упала черепица. Она даже запомнила его и смогла нарисовать.

Кстати, Ренье вполне мог взять кинжал, чтобы подстроить ту, первую, ловушку – в галерее. Поболтал с мальчиком, якобы дружески, а сам стащил у него кинжал и...

Но для чего? Гайфье вдруг отчетливо понял, что ему хочется плакать. Он боялся разочарований. Сперва няня Горэм, теперь – Ренье.

Хуже всего то, что Ренье ухитрился поссорить его с Эскивой. Они с сестрой, конечно, и раньше ссорились, но прежде это были самые обычные и, в общем, ничтожные поводы. Теперь все изменилось.

Сестра недвусмысленно дала ему понять, что обвиняет его самого и Ренье в попытке убить ее.

Гайфье вскочил. Он разыщет этого стареющего любимчика женщин и выведет его на чистую воду. Пусть только посмеет отрицать! Можно будет пригрозить ему раскрытием его любовной тайны. В любом случае, негодяй не отвертится.

Глава двенадцатая

ДЕНЬ, ПОЛНЫЙ ХЛОПОТ

С вечера Ренье задержался у брата, а когда собрался уходить, то сообразил: дворцовые ворота уже закрыты. Поэтому Ренье, как это время от времени случалось, заночевал в старом доме дяди Адобекка, в одной из нижних спален – чтобы не тревожить Эмери поутру, когда уйдет.

Вечер и в самом деле выдался неплохой. Эмери был настроен благодушно. Едва завидев младшего брата на пороге, он приветственно махнул ему кувшином и пригласил провести пару часов в уютных креслах верхней гостиной.

Ренье мгновенно воспользовался приглашением и расположился так же вольготно, как в эпоху владычества Адобекка. Эмери, видимо, чувствовал то же самое: времена как будто повернули вспять, и им с братом опять по двадцать лет, вся жизнь у них впереди, и ничто – ни тайна рождения Ренье, ни разница в характерах – не омрачает их дружбы.

– Ко мне вчера заходила Уида, – сообщил Эмери. – Носилась по всем комнатам, перетрогала все вещи, разбросала ноты, хохотала, падала в кресла, просила воды, пыталась левитировать в неподходящих условиях... Интересно, как Талиессин выдерживает жизнь с нею? Иногда она бывает похожа на стадо разъяренных оленей-самцов, сцепившихся рогами.

– Уида не может быть похожа на оленя-самца, тем более на целое стадо, – рассудительно произнес Ренье, – поскольку принадлежит к противоположному полу.

– И к противоположному виду, – добавил Эмери. Он вздохнул и продолжил: – Года два назад они с Талиессином затравили огромного оленя. С огромными рогами. И всем прочим – тоже огромным. Они гонялись за ним, по ее словам, дней пять, а то и восемь. Она в точности не помнит. В нижней гостиной это было пять, в верхней – восемь.

Ренье улыбнулся. В Королевстве любили сплетничать об этих эксцентричных супругах. Вся их бурная жизнь, стараниями Уиды, проходила на виду у множества людей. Талиессин не препятствовал. «Народу нужен повод поговорить», – утверждал регент.

– Словом, – продолжал Эмери, – вчера супругу регента посетило очередное озарение. Она желает вызолотить рога бедного животного и водрузить их посреди леса, а поблизости соорудить шатер, увитый цветами. Затем с помощью различных овеществленных намеков заманить туда мужа. Не спрашивай, что это будут за намеки, – пусть хоть что-то останется непроясненным.

– Кажется, я пропустил нечто важное, – сказал Ренье. – Для чего ей это?

– Это я кое-что пропустил в рассказе. – Эмери тряхнул головой. – Уида так долго мучила меня подробностями, что мне уже начало казаться, будто я тоже прожужжал тебе все уши этой историей. Словом, когда они с Талиессином все-таки затравили того оленя, на них снизошел «взрыв любви». Так она выразилась. По ее словам, это было нечто потрясающее. Она хочет воскресить в памяти Талиессина дивное воспоминание.

– Сдается мне, что в подобном воскрешении нет большой надобности, – фыркнул Ренье. – Вряд ли Талиессин мог позабыть такую штуку.

– «Штуку»? Ты всегда умел подбирать выражения... – Эмери наморщил нос.

Ренье беспечно махнул рукой.

– В последнее время у меня очень бедный словарный запас. Все растратил в беседах с Пиндаром.

– Да, я слышал о его назначении. – Эмери вздохнул. – «Компаньон»! С ума можно сойти... Каким он стал? Я давно его не видел.

– Растволстел, облысел, сделался еще большим занудой, чем прежде.

– А что Гайфье? Неужто доволен?

– Даже Пиндар – лучше, чем няня Горэм, во всяком случае для четырнадцатилетнего парня... Кстати, Пиндар пытается заодно улучшить и мою жизнь. Высказывается туманно, но в том смысле, что он, Пиндар, якобы мог бы мне помочь. Вероятно, изобрел микстуру от душевной пустоты и теперь только ждет случая опробовать на живом человеке.

– Пиндар?

– Давай поговорим о чем-нибудь более вдохновляющем, – предложил Ренье. – Например, об Уиде. Как она к тебе заявила? Вот так, запросто?

– Супруга регента всегда так делает, – вздохнул Эмери. – Особенно когда у нее возникает новая идея и ей требуется обсудить ее со старым другом. Добро бы она закутывалась в плащ с капюшоном и прибегала ко мне под покровом сумерек! Тогда соседи, по крайней мере, считали бы, что у меня есть любовница. Нет, все гораздо хуже. Она проделывает свой любимый эльфийский трюк. Становится невидимкой. Проскальзывает ко мне в дом и тут же принимается шуметь, буянить, греметь мебелью и посудой. Со стороны это выглядит так, словно я ору сам на себя и для личного удовольствия раскачиваю люстры и роняю тарелки.

Ренье расхохотался.

Эмери смотрел на него с укоризной.

– Вот и ты тоже смеешься...

– Ладно, не буду. В конце концов, в моей жизни куда больше вещей, достойных осмеяния. – Ренье вытер слезы, выступившие у него от смеха, и налил себе еще из кувшина. – Так чего хотела от тебя Уида?

– Симфонию. И чтоб непременно звучала погоня за оленем, сражение с ним – по ее словам, то было настоящее сражение, – а затем любовные объятия, и все такое... – Эмери вздохнул. – И это при том, что я так и не услышал мелодию самой Уиды!

Ренье знал об этой проблеме. Эмери мог услышать и записать музыкальную тему практически любого человека, любого явления, какое ему встречалось. И только Уида, несмотря на их долгие и прочные дружеские отношения, оставалась для Эмери «глухой».

Уида объясняла Эмери так: «Я делаю это нарочно, иначе ты влюбишься. А тебе это вовсе ни к чему, потому что я никогда не отвечу на твои чувства».

Она уже тогда любила Талиессина. И за минувшие пятнадцать лет ничего не изменилось.

– Так что придется мне довольствоваться темой охоты и любовной страсти вообще, – заключил Эмери. – «Страсть вообще»! Можешь вообразить эдакого монстра? Наверняка получится нечто, напрочь лишенное конкретности. Как ты понимаешь, для меня как для сочинителя это полная катастрофа!

– Лучше расскажи, как ты это себе представляешь, – попросил брат. Ему нравилось слушать, как Эмери рассуждает о музыке.

Эмери пересел к клавикордам и проиграл начало. Впечатления прошлого вечера непрошено ожили в его памяти...

* * *

Став придворным музыкантом, Эмери надеялся на то, что путешествовать ему больше не придется. По натуре он был домоседом и любым новым впечатлениям предпочитал удобный дом в столице. Но неугомонная Уида, однажды почтив Эмери своим доверием, продолжала считать его своим другом и, хуже того, – лучшей подругой. А там, где Уида, не бывает ни покоя, ни комфорта. И, если уж говорить начистоту, то там, где Уида, вообще нет ничего, кроме Уиды.

Замысел Уиды касательно «взрыва любви», о котором она намеревалась деятельно напомнить Талиессину, разрастался не по дням, а по часам и в конце концов «выполз из горшка», словно дрожжевое тесто. Эмери едва успевал следить за полетом мысли своей подруги.

Темнокожая, рослая, с копной черных волос, Уида расхаживала по крохотным уютным гостиным и спальням дома Адобекка и разглагольствовала. Эмери вынужден был бегать за ней по комнатам и этажам, чтобы не упустить главного из потока непрерывных речей. А главное – то, ради чего супруга регента явилась к придворному композитору, – могло быть произнесено в любой момент. И горе Эмери, если он не уловит сути! Уида не поленится прийти второй, третий, четвертый раз – до тех пор, пока ее изнурительные визиты не принесут желаемого результата.

– Какие у тебя тут чудные вещички! – доносился голос Уиды из любимой гостиной Адобекка, где Эмери, вообще избегавший перемен, оставил все так, как было при дяде. – Ой, шкапулочка с пружиной!

После этого донеслись грохот падающей шкапулки и сдавленное хихиканье Уиды. Эмери прикусил губу.

– Смешно, – пояснила супруга регента, сталкиваясь с придворным композитором на пороге комнаты: Эмери как раз входил, а Уида как раз выскакивала вон. – Там такая пружинка – по пальцам больно бьет... Кстати, мне тут пришло в голову: коль скоро мой супруг отбыл в провинцию разбираться с какими-то скучными земельными притязаниями, неплохо бы развлечь его.

– Уида, это будет не «кстати», а совершенно некстати! – не выдержал Эмери.

Она смерила его взглядом.

– Да кто ты такой, жалкое ничтожество, чтобы давать подобные советы эльфийской девице и матери наследницы престола?

И вдруг повисла у него на шее. Произошло это стремительно и имело сокрушительный эффект: оба упали в кресло, Эмери – на спину, Уида – на него.

– Эмери, голубчик! Сочини для меня хорошенькую симфонию.

– Хорошо, – покорно проговорил он, закрывая глаза.

Не вставая, она протянула руку, схватила со стоящего поблизости столика вазу, заглянула внутрь.

– У тебя там бусина, – сообщила она, покачивая вазой.

– Слышу, Уида. Слышу.

Эльфийка небрежно вернула вазу на место. Эмери взял Уиду ладонями за талию и снял с себя. Поднялся сам.

– Объясни мне толком, чего ты хочешь, Уида, и клянусь – я все для тебя сделаю.

Она начала загибать пальцы:

– Во-первых, я хочу еще одного ребенка. Во-вторых, хочу золотые волосы. Ну, хотя бы рыжие, как у матери Талиессина. На худой конец – хочу ребенка с рыжими волосами.

– Увы, здесь я бессилён... А в-третьих?

– В-третьих, мне нужна новая музыка. Пограндиозней и о любви. Ну очень прошу!..

– Ладно, – сдался Эмери. – К какому сроку?

– К празднику Знака Королевской Руки, – быстро проговорила Уида.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.